

И. Г. ДРОЗДОВ: АГРАРНЫЕ ВОЛНЕНИЯ
В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1146.
—
1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1925

И. Г. ДРОЗДОВ

~~У. 15~~ $\frac{2}{7}$
ДБ 430
275

АГРАРНЫЕ ВОЛНЕНИЯ И КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1905—1906 г.г.

1146
—
1

(По неопубликованным архивным данным бывшего Черниговского губернского жандармского управления, а также и по другим архивным материалам)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

264-32

Главлит № 40563.

Гиз. № 9377.

Тираж 5.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“, Москва, Пименовская, 16.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
МОЕГО НЕЗАБВЕННОГО
ДРУГА И ТОВАРИЩА
ВИКЕНТИЯ АНДРЕЕВИЧА
ДРЕЛИНГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Задача настоящей работы—дать, на основании архивных материалов, очерк аграрных волнений, или, иначе, так наз. «крестьянских беспорядков», бывших в Черниговской губ. 1) в годы первой революции (1905—1906 г.г.), а также—и тех карательных экспедиций, которые были предприняты в те годы тогдашней властью для расправы с бунтовавшим крестьянством.

Почему бунтовало тогдашнее крестьянство? Для этого у последнего было чересчур много достаточных оснований, сущность которых сводилась к политическому и экономическому гнету, которым душило царско-дворянское самодержавное правительство российское крестьянство...

Это—очень обширная и очень интересная тема, останавливаться на которой, однако, мы здесь, к сожалению, за недостатком места, не можем. Ограничимся поэтому приведением лишь очень и очень немногих данных для того, чтобы современный читатель мог, хотя бы в самых общих чертах, представить себе, почему это черниговское крестьянство в годы первой революции (1905—1906 г.г.) «вздумало» резко заявить свое недовольство путем так наз. «аграрных беспорядков».

Характер землевладения в Черниговской губ.

По данным «Статистики землевладения 1905 года» 2), средняя площадь наделного крестьянского землевладения в Черниговской губ., в среднем по губернскому итогу, составляла в 1905 г.

1) Черниговскую губ. мы берем полностью в ее тогдашних административно-территориальных границах.

2) Издание Центр. Статистич. Комитета М. Вп. Дел.

6,3 дес. на двор. Но, как всякие средние цифры, и данная цифра скрашивала подлинную действительность: оказывается, что 39,3% крестьянских дворов принадлежали к группам крестьян, владения которых, на каждый двор, были от одной десятины и менее—до 5 дес.; принадлежало этим группам надельной земли 21%. То-есть, иначе говоря, более чем трети дворов принадлежала только пятая часть земли (немного более).

А, на-ряду с этим, среди того же надельного крестьянства Черниг. губ. было около 10% (9,9%) крестьянских дворов (абсолютное их число=36.370), которым принадлежало 24% земли (476.077 дес.) и которые владели свыше 10 дес. на каждый двор. Это—уже так наз. заможный слой крестьянства, эсеровские «хозяйственные мужички», или, иначе, крестьянская буржуазия. При чем среди этих «мужичков» были крестьяне-помещики, владевшие надельной землей от 50 до 100 дес. на один двор (таких дворов было 113). Нашлось даже пять крестьянских дворов, которым принадлежало 1.433 дес. земли, т.-е., в среднем, почти 300 дес. на двор. Это были уже прямо крестьяне-аграрии, в своем роде «крестьяне во дворянстве»...

Итак, в Черниговской губ. отклонение от среднего размера надельного крестьянского владения (6,3 дес.) было весьма значительно. Иначе говоря, надельная крестьянская земля была к 1905 г. в действительности распределена между крестьянами крайне неравномерно, и, следовательно, крестьянство Черниговской губ., в общей своей массе, испытывало громадную нужду в земле.

Мало поправляла дело и покупка крестьянами земли.

В 1905 г., по тем же данным «Статистики землевладения», у крестьян Черниг. губ. было купленной земли—696.197 дес., что составляло в общем по губернии 1,9 дес. на двор.

Но если мы выделим покупки земли крестьянами размером в 10 дес. и менее, то окажется, что около 80% всей купленной крестьянами земли принадлежало тоже заможному, состоятельному крестьянству, при чем среди них были уже подлинные, без кавычек, крестьяне-помещики, владевшие купленной землей в размере от 100 до 500 дес. (таких дворов в Черниг. губ. в 1905 г. было 718). Были даже еще более крупные крестьянские владения, простиравшиеся свыше 1.000 дес. на двор. Это были уже настоящие крестьяне-аграрии (таких дворов было 13).

Таким образом, мы смело можем вовсе не брать в расчет купленную крестьянскую землю, ибо подавляющая ее часть находи-

лась в руках не малоземельного, полупролетарского крестьянства, а подлинной крестьянской буржуазии, составлявшей меньшинство крестьян.

Если, в добавление к этому, примем во внимание, что и средний размер крестьянского наделного землевладения (6,3 дес.) тоже скрашивал неприглядную действительность, имевшую место в Черниговской губ. в 1905 г., то увидим, что черниговское крестьянство испытывало в то время огромную нужду в земле: в губернии было, напр., 23.308 крестьянских дворов, владевших наделной землей менее двух дес. на двор; но и из этих дворов было около 10 тысяч хозяйств, у которых приходилось на двор наделной земли даже менее одной дес.

На судебном процессе по делу о разгроме в начале 1905 г. Михайловского сахарного завода в Глуховском уезде крестьяне показывали, что у них «земля плохая, и половина народа совсем без земли... Много таких, у которых $\frac{1}{2}$ дес., $\frac{1}{3}$ дес. и $\frac{1}{5}$ дес.». «Десятина луга—показывал другой крестьянин—обходится нам вместо 12 р., как назначено,—в 30 р., потому что деньгами помещики не желают получать, а лишь отработком». «Им (т.-е. помещикам) все на пользу... Ежели и не исполним чего,—опять штраф отработкой и опять штраф вдвое выходит... Век на них работаем... У них работаем, а придешь домой жать свою нивку—растрепал ее ветер, все выдуло». (Слезы дрожали в горле мужика и обрывают его речь). «Хуже крепостного права—показывал третий—весь век на других работаешь, а помрешь, схоронить не на что» ¹⁾.

Но были не только малоземельные крестьяне, были и совсем безземельные. Безземельных крестьян в Черниговской губ., по данным, относящимся к 1893 году ²⁾, было 3,9%; несомненно, к 1905 г. эта цифра значительно возросла. В Черниговской губ., по данным военно-конской переписи 1900 г., безлошадные составляли 28,2%, т.-е., иначе говоря, почти треть крестьянских дворов в Черниг. губ. была без лошадей...

Итак, крестьянство в Черниговской губернии, в общем и целом, являлось необеспеченным землей. Отсюда—зависимость крестьян от помещиков в земельном отношении, зависимость, имевшая прямо крепостнический характер...

¹⁾ „Правда“ 1905 г., сентябрь—октябрь, стр. 382.

²⁾ См. „Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России“, стр. 152.

А рядом с такой земельной необеспеченностью крестьян Черн. губ. у помещиков той же губернии «землицы» было вдоволь...

Так, по данным той же «Статистики Землевладения», средний размер дворянского землевладения в Черн. губ. в 1905 г. равнялся 101,4 дес., при чем в отдельных уездах этот средний размер поднимался до 184—192 дес. (Мглинский, Новгород-Северский и Городнянский) и даже до 317 дес. в Суражском у.,— том самом уезде, где крестьянские беспорядки приняли особенно широкие размеры.

Но и это—тоже средние цифры, ибо были в Черн. губ. помещики, владевшие каждый от 500 до 1.000 дес. (таких было 185), а также были и такие, которым принадлежало по 1.000 дес. и более (таких было 138); были, наконец, «дворянские гнезда»— с 10.000 дес. У сахарного короля Терещенко было более 250.000 десятин (его «королевство» находилось в трех губерниях)...

Вот у кого находилась «землица», так дозарезу нужная черниговскому крестьянину!...

Если даже взять всю крестьянскую землю—как наделную, так и купленную—и сравнить ее с землевладением дворянским, то окажется, что к году первой российской революции дворянство в Черн. губ. было в двенадцать раз более обеспечено землей, чем крестьянство той же губернии (у дворян на один двор приходилось 101,4 дес., а у крестьян—8,2 дес.). Этот коэффициент социальной полюсности между помещиками и крестьянами в Черниг. губ. в 1905 г., будучи и сам по себе весьма большим,— ибо шутка сказать: на каждую десятину крестьянского двора приходилось 12 десятин помещичьего двора,—на самом деле, по вышеобъясненным причинам, все-таки не выражает тогдашней подлинно-реальной социальной полюсности между дворянством и крестьянством: чтобы получить таковую, нужно указанный коэффициент 12 увеличить в 2—3 раза.

Как бы то ни было, нужда гнала черниговского крестьянина к «пану» за арендой земли. И, действительно, аренда земли крестьянами была очень распространена в Черн. губ. «В большинстве наших сообщений,—говорится о Черниговской губ. в известной анкете Вольно-экономического общества об аграрном движении в России в 1905—1906 г.г.,—хозяйственные отношения между помещиком и крестьянами складываются, как арендные отношения». Приведа затем прямо-таки кричащие факты о невероятных тяжелых условиях аренды, царивших в то время в Чернигов-

ской губ., названная анкета заключает: при таких условиях «арендные отношения имеют для населения Черниговской губернии гораздо большее значение, чем отношения найма». Насколько для крестьян Черниговской губ. земельный арендный вопрос был в до-революционное время до болезненности острым и важным, это хорошо подтверждается свидетельством той же анкеты В.-экон. общества: оказывается, что во время аграрного движения в 1905—1906 г.г. крестьянами Черн. губ. «больше всего требований было предъявлено по части изменения арендных условий и вообще аренды земли»¹⁾. Это же можем подтвердить и мы в настоящее время на основании нашего непосредственного знакомства с архивными делами бывшего Черниговского губернского жандармского управления, хранящимися в Черниговском Архиве Революции.

Итак, несмотря на то, что условия аренды и вообще условия обработки помещичьей земли были чрезвычайно трудны, брать землю у помещиков в аренду крестьянам все-таки приходилось, иначе пришлось бы подыхать с голоду...

По свидетельству «Торгово-промышленной газеты», арендная плата за землю в Черниговской губ. в 1905 г. равнялась 133% ее доходности; иначе говоря, чтобы заплатить помещику арендную плату, крестьянин должен был отдать не только весь доход с арендованной земли, но он должен был откуда-то достать еще 33%, т.-е. целую треть дохода, чтобы расплатиться с помещиком.

Положение крестьян становилось безвыходным. К малоземелью, на почве которого пышным цветом росла эксплуатация крестьян помещиками, присоединялись еще и казенные и всякие (земские, мирские) сборы. Все это приводило к полному разорению крестьянства.

«Крестьянский банк» приносил облегчение не маломощному крестьянству, а помещикам и деревенским кулакам. Помещики получили возможность на продаже своей земли «заработать» немалые деньги.

¹⁾ См. «Аграрное движение в России в 1905—1906 г.г.». Т. II. Издание 3-е Экон. общества, стр. 350, 382 и 376.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АГРАРНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ДО 1905 Г.

1. Аграрные волнения в Черниговской губ. в 1902 г.

Первым грозным предвестником широкого аграрного движения были волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 году. В движение были вовлечены десятки тысяч крестьян, при чем только к суду за эти массовые беспорядки было привлечено более тысячи человек. В значительных размерах крестьянское движение происходило также в Воронежской и Саратовской губерниях.

Неспокойно было в означенном году и в деревнях Черниговской губ. К сожалению, архивных на этот счет данных не сохранилось. В печатных же источниках находим следующие сведения ¹⁾.

Черниговским губернатором был получен из департамента полиции следующий циркуляр:

«Из поступивших в Д. П. сведений усматривается, что распространение среди сельского населения империи революц. изданий осуществляется, в большинстве случаев, след. образом: в том или другом районе появляются неизвестные молодые люди, которые, проезжая в жел.-дор. поездах и в экипажах или верхом по проселочным дорогам, а равно из вагонов и экипажей или проходя пешком по селам и деревням, разбрасывают имеющиеся у них книжки и брошюры рев. содержания или раздают таковые встречным крестьянам, рекомендуя их читать и передавать для чтения другим. Нередко издания эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянских усадеб и явно на ярмарках и базарах в крестьянские телеги, а затем развозятся самим населением по отдаленнейшим и наиболее глухим местам. Упомянутые

¹⁾ „Аграрный вопрос“ П. Маслова, а также „Общ. Движение“, Т. I.

книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и, по прочтении, передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, при чем наблюдались даже случаи публичного чтения таких изданий среди целой толпы крестьян. По ознакомлении крестьян с содержанием означенной литературы, среди них возникли толки о предстоящем разделе помещичьей земли и более или менее натянутые отношения с местными землевладельцами, и лишь по прошествии значительного промежутка времени уездная полиция, встревожившись сведениями о происходившем среди крестьян брожении, прибывает на место, где узнает лишь, что проходившие или проезжавшие неизвестные люди раздавали встречным крестьянам книги. Означенные книжки и брошюры отбираются, конечно, далеко не все, а по делу об обнаружении их среди крестьян производят дознание, оказывающееся, обыкновенно, безрезультатным, так как виновные в распространении рев. изданий остаются необнаруженными и, вероятно, лишь переносят свою деятельность в другие местности. Из вышеизложенного нетрудно усмотреть, что в борьбе с такого рода пропагандой, административным исследованием и отбиранием рев. изданий нельзя достигнуть успеха и что все усилия администрации в борьбе со злом должны быть направлены прежде всего на обнаружение и задержание агитаторов и распространителей подпольных изданий, а также на изыскание мер к предупреждению их преступной деятельности. Для достижения этой цели местные жандармские и полицейские силы, ввиду их сравнительной малочисленности и обширности районов наблюдения, оказались, конечно, недостаточными; вследствие чего необходимо, казалось бы, принять меры к вразумлению самих крестьян, чтобы они собственными средствами задерживали и предоставляли в распоряжение властей агитаторов и содействовали этим уничтожению зла в самом его корне». Циркуляр, далее, надеется, что из числа крестьян найдутся благоразумные, которые сами будут помогать изловить агитаторов, и предлагает объявить земским начальникам, чтобы они лично на сходах разъясняли крестьянам всю несостоятельность рев. учений.

Руководствуясь этим циркуляром, черниговский губернатор, в свою очередь, разослал след. циркуляр земским начальникам:

«Из полученных мною сведений выяснилось, что распространившиеся слухи о бывших в соседних Полтавской и Харьковской губ. беспорядках, рядом с распространяемыми в сельском населении злонамеренными людьми всевозможными нелепыми слухами

о предстоящем разделе помещичьих земель, о командировании для этого в близком будущем генералов, чиновников и даже студентов,—при чем лица, именующие себя таковыми, появлялись уже в некоторых селах,—вызывали в высшей степени напряженное и какое-то выжидательное настроение среди сельского населения, и, хотя, по предположению некоторых исправников, нельзя ожидать возникновения беспорядков по собственной инициативе местных крестьян, но нельзя ручаться за то, чтобы, в случае появления агитаторов и руководителей извне, крестьяне не последовали за ними и не произвели бы беспорядков по примеру крестьян Полтавской и Харьковской губ.». Затем в циркуляре излагаются различные средства, к которым прибегают агитаторы: чтение евангелия и вставление в текст слов о земле; прибытие чиновников будто бы от царя для отобрания земли от помещиков и раздела и пр., и в конце предлагается усиленно следить и наблюдать за крестьянами и за появляющимися между ними посторонними лицами.

Конечно, высшая губернская администрация и, в частности, черниговский губернатор понимали, что виноваты в аграрных беспорядках не агитаторы, а сами помещики, о чем они «совершенно секретно» и рапортовали своему начальству. Так, в своем докладе министру внутренних дел черниговский губернатор указывал, что беспорядки в имении губернского предводителя дворянства Муханова произошли «по причине полной экономической зависимости от него крестьян, стесненных выпасом и водопоем для скота, а также вследствие установившихся в управлении строгих правил относительно пользования водопоем, пастбищем и пр.».

Но, конечно, в своем циркуляре земским начальникам черниговский губернатор таких «опасных мыслей» не проводил: там давался один лозунг—«искоренять крамолу».

Как протекали и в чем выразились аграрные волнения в Черниговской губ. в 1902 г.? На этот счет имеются такие сведения.

Местная администрация не на шутку была встревожена учащавшимися фактами аграрных преступлений, главным образом поджогов. В некоторых деревнях Козелецкого, Остерского, Кролевецкого, Борзенского и Конотопского у.у. летом почти ежедневно можно было наблюдать зарева пожаров от горевшего помещичьего хлеба или хозяйственных построек. У помещицы Маркович в Кролевецком у., особенно ненавидимой крестьянами, уже в течение 4 лет регулярно сгорал весь урожай хлеба и сена, так что все

страховые общества отказывались страховать ее имущество. Нередки были случаи отказа в приеме на страх помещичьего хлеба и в других местностях. «Мы не будем, як у Полтаві, робити: воны (т.-е. паны) самы повтикають»,—говорили крестьяне и... действовали «своими средствами».

В мае месяце 1902 г. в трех деревнях Суражского у. происходили усмирения крестьянских беспорядков. Волнения были вызваны, как и в других местностях, земельной неурядицей, страшной теснотой от недостатка лугов и пахотных угодий. В одном из селений—Синем-Колодезе—был, собственно, не бунт, не беспорядки, а желание добиться увеличения наделов законным путем. В двух других селениях—Ущерпье и Теремошках—волнения приняли «явно незаконную форму». В Ущерпье крестьяне отрезали у помещика Листовского 200 дес., ссылаясь на то, что прежний помещик при «освобождении» обещал отдать крестьянам эту землю. Но, когда явились войска, мужички принесли «повинную» и просили «прощения». Ввиду «чистосердечного раскаяния» власти ограничили здесь грозными речами и обещаниями.

2. Настроение крестьянства в 1903 г.

Крестьянские волнения 1902 г. были усмирены, и массовое движение крестьян в 1903—1904 г.г. нигде в России не проявлялось. Не проявилось оно в массовом виде и в Черниговской губ. Однако атмосфера напряженной, глухой борьбы в деревнях не разрешилась, но еще более сгустилась.

К сожалению, в Черниговском архиве революции не сохранилось «дела о крестьянских беспорядках в 1903 году»: из отметки в «описи дел» видно, что оно было уничтожено самими жандармами. Но сохранилось «Дело», озаглавленное так: «О политическом обзоре за 1903 год», где имеются некоторые сведения, имеющие отношение к аграрным волнениям, бывшим в Черниговской губ. в 1903 г.

Приведем в извлечении кое-что из этих сведений.

В посаде Клинцах, Суражского у., были «волнения экономического характера». Клинцовское городское управление продало часть общественного леса (75 дес.). Клинцовские мещане, считая лес исключительно своей собственностью, возмутились таким распоряжением, так как здесь было налицо расхищение общественной собственности, и вздумали воспрепятствовать приведению его в

исполнение. Сговорившись, клинцовцы решили явиться в лес и прогнать покушника; если же придет полиция, то решено было выслать женщин с детьми на место рубки и тем не допустить последней.

По этому поводу, за подписью Новозыбковской и Клинцовской с.-д. группы, была выпущена прокламация. Местные жандармы, конечно, забеспокоились, и сейчас же в Черниговское губернское жандармское управление полетело донесение, где, между прочим, говорилось: «Можно ожидать значительных беспорядков, так как с.-д. партия не преминула воспользоваться этим обстоятельством и выпустила прокламацию».

Дальнейшие события были таковы. Действительно, явившегося в лес с рабочими для рубки леса покушника клинцовцы прогнали вон. Тогда явилась полиция с исправником во главе. Но и полиция вынуждена была удалиться. Положение—говорится в «обзоре»—становилось серьезным: начавшиеся беспорядки грозили принять большие размеры. Тогда по телеграфу были вызваны войска. Только с прибытием войск рубка леса пошла беспрепятственно.

«Обзор» отмечает, что событие это дало благоприятную почву для социал-демократов. В Клинцах образовался социал-демократический кружок и начал «подстрекать местное население», указывая ему на произвол правительства; «но до сих пор мало еще чего добился». Старообрядцы—продолжает «обзор»—по праву могут считаться верноподданной частью населения и до сих пор осуждают пропаганду за требование свергнуть самодержавие; но уже начинают колебаться, и колебание это пока выражается в том, что они относятся к этой пропаганде равнодушно: во время последней, напр., разброски прокламаций никто из местных жителей не представил в полицию ни одного экземпляра прокламаций. В остальной части населения—замечает далее «обзор»,—нормальные отношения между отдельными классами в течение 1903 года не нарушались, «но социал-демократическая пропаганда постепенно подтачивает эти отношения, и отдельные случаи указывают, что эти отношения «ухудшаются».

Как пример этого «ухудшения», «обзор» приводит один случай с попом. «Случай» этот маленький, но любопытный, и мы расскажем его, на основании архивных данных, полнее, чем это сделано в жандармском политическом «обзоре».

В с. Новом-Ропске Новозыбковского у. в щель ворот поповского двора было воткнуто письмо. В письме оказалась печатная

листовка «Пауки и Мухи» и две записочки, писанные малограмотной крестьянской рукой. Приводим эти записочки полностью:

«Отец Андрей. Я наслышенъ, что вы желаете иметь литературу и многим даже заявляли приносить онаю къ вамъ въ домъ согласно вашему желанію передаю вам один экземпляр (пауки и мухи) и не оставте моей прозбы и не примите в труд это прочитат какъ поучение после божественной литургіи пред всем народом пусть убедятся услышавши это. А подателя записки не ищите п. что это напрсно будетъ Общество демократов податель записк, комитетъ, А свидетель лампа безъ абажура». Подпись— «партия-общество». На другой записке было написано: «да неоскудеет сердце Ваше веруйте въ Бога и в правду его. По делам Вашим воздается вамъ».

Поп, конечно, был несказанно раздражен этими записками, особенно первой. Ведь местный тайный агитатор предлагал попу прочесть «Пауки и Мухи» нигде больше, как... в церкви... А в этой прелестной маленькой вещице, принадлежащей, как известно, перу старого Вильгельма Либкнехта, имеется такое, напр., место: «Пауки, это—попы и монахи, затемняющие ум, отравляющие душу верующих людей, под видом религии, проповедующие рабскую покорность сильным мира сего, предающие анафеме всякую попытку бедных тружеников улучшить свое положение борьбой с кровопийцами рабочего народа». И когда поп на миг представил себя в положении чтеца такой «вещицы» в церкви перед толпой крестьян, его, конечно, не могла не объять злоба на крамольников-бунтовщиков. Поп пошел и сделал донос полиции.

Приведем заодно из тех же архивных данных небезынтересное показание, данное на допросе по настоящему делу одним подрядчиком.

Показания эти довольно живо говорят о тех трудных путях, коими, как-никак, но все же и тогда шло вперед революционное просвещение народа. Подрядчик дает показание о трех своих рабочих. «Катков, Козырев и Лаптев—показывал подрядчик—плохо работают,—они по ночам читают какие-то книжки»... «Ввиду этого—показывал упомянутый подрядчик—я всех троих отправил на другую работу, в хутор; но и там они продолжали вести себя плохо,—и там они целыми часами читали какие-то книжки. А когда старший рабочий сделал им замечание, они ответили: «Пантюхин (фамилия подрядчика) получает рубли, а им передают копейки».

Обращаясь снова к жандармскому «политическому обзору за 1903 год», находим там такую общую характеристику «состояния губернии» в означенном году.

«Необходимо указать на существование среди евреев почти повсеместно в губернии социал-демократической пропаганды. Донесениями установлено существование социал-демократических кружков во многих населенных еврейми пунктах губернии; кружки эти, конечно,—в различных стадиях развития; деятельность их зависит от состава населения и личной энергии руководителей; но пропаганда неуклонно распространяется, и, при крайне ограниченных наличных силах жандармского управления, бороться с ней становится все затруднительнее. Главным рассадником пропаганды, как сказано, является исключительно еврейское население, и из этой среды выходят наиболее энергичные агитаторы; но при всем том следует считать, что, пока пропагандой не затронуто коренное русское крестьянское население, она не может иметь серьезного государственного значения. Социал-демократы отлично это сознают, и их усилия потому направлены на распропагандирование крестьянского и фабричного населения. Эти усилия иногда не остаются безуспешны; но на крестьян пропаганда социал-демократов действует чисто с внешней стороны, и при первых репрессивных мерах они сейчас же отстают от нее; в настоящее время внимательное, неотступное наблюдение за крестьянским населением безусловно необходимо».

«Коренного фабричного населения в губернии нет, а на фабриках работают те же окрестные крестьяне... Вообще, можно сказать, что, хотя в губернии деятельность социал-демократов еще не приняла формы активного протеста, но, тем не менее, пропаганда настолько распространена, что противопоставить ей серьезное сопротивление является самой назревшей необходимостью. Учреждение охранного отделения принесло бы громадную пользу; тогда как теперь бороться с этим все растущим антиправительственным движением становится все труднее и труднее».

В печатных же материалах относительно аграрных «недоразумений», бывших в Черниговской губ. в означенном году, находим следующие два факта ¹⁾.

В Остерском у. крестьянами был убит помещик Н. Владимиров. Последний уже давно возбуждал к себе ненависть крестьян

1) Маслов, „Аграрный вопрос“. Т. II, стр. 134.

своим кулачеством, дон-жуанством и грубостью. Вообще среди остерского крестьянства замечалось большое возбуждение. Крестьяне не хотели покупать земель, говоря: «все равно наша будет».

В том же Остерском у., по словам жандармского «Обзора» за 1903 г., с осени стало замечаться, что среди крестьянского населения м. Гоголева образовался «какой-то» кружок, преследовавший противоправительственные цели. Служка вскоре дала возможность установить много лиц, «причастных к этому кружку». «Однако—добавляет «Обзор»—ввиду отсутствия фактического материала для возбуждения жандармского дознания, ликвидация кружка была отложена «до более удобного момента».

Затем в Стародубском у. был высечен крестьянами помещик князь Урусов. По этому поводу в «Обзоре» говорится так: «в истекшем году нарушений отношений крестьян к помещикам ни в чем не высказалось, если не считать случая с кн. Урусовым. Но этот случай,—продолжает «Обзор»,—совершенно исключительный, и в пример не может быть поставлен». Больше по этому «делу» в «Обзоре» ничего не сказано,—не сказано даже, в чем именно состоялся этот «случай»... Видимо, жандармскому перу не хотелось—«неловко было»—еще раз передавать о том, какой «березовой кашей» угостили крестьяне сиятельного помещика...

3. Настроение крестьянства в 1904 г.

В «Политическом обзоре Черниговской губ. за 1904 г.» находим на этот счет следующее:

«В течение минувшего 1904 г. жизнь крестьянского населения Черниговской губ. не представляла никакого отклонения от нормального течения, за исключением одного случая земельных беспорядков, бывших в мае месяце в селе Володькова-Девича, Нежинского у. Беспорядки эти, прекратившиеся по приезде губернатора с вызванными туда войсками, произошли вследствие несогласий между владельцем имения и крестьянами села и не имели политического характера».

В «Обзоре» и вообще в сохранившихся жандармских «делах» не передается, в чем именно заключались земельные беспорядки, бывшие в 1904 г. в селе Володьковой-Девиче. Дополним поэтому эти недостающие сведения печатными материалами.

Крестьяне села Володьковой-Девичи, Нежинского у., в тече-

ние последних лет стали снимать спорную с местным помещиком кн. Голицыным землю, около 5.000 дес., в аренду. Пока арендная плата была сравнительно невысока, крестьяне платили ее. Но в последнее время управляющий имением сильно повысил арендную плату, так что крестьяне перестали платить, хотя и продолжали пользоваться землей. Наконец, помещик, чтобы окончательно разделаться с крестьянами, надумал продавать землю отдельными участками. Тогда крестьяне решили протестовать, считая, что никто не вправе продавать их землю: вышли на спорное поле и запахали его. Немедленно прибыл из Нежина исправник, но его крестьяне приняли очень неприветливо. На другой день прибыл в село, под командой черниговского помощника полицмейстера и несколько становых приставов, отряд стражников и урядников в 300 человек. При обыске крестьян произошло столкновение с полицией, после которого были приведены войска и начались экзекуция и аресты ¹⁾.

Обращаясь затем снова к жандармскому «Обзору» за 1904 год, находим там следующее:

«Особой вражды между классами населения не замечалось. Агитация против правительства сильно растет и распространяется вширь, а не вглубь. Из всего социал-демократического учения крестьянами более или менее легко воспринимается идея об улучшении их экономического положения, к каковому можно было бы прийти путем отобрания в их пользу частновладельческих земель. К прочим вопросам они относятся совершенно равнодушно, а к ниспровержению существующего образа правления и государственного строя—отрицательно. Всякие слухи и толки о возможном и будто бы предстоящем увеличении земельных наделов вызывают в сельском населении превратные суждения, на почве которых легко могут возникнуть беспорядки... Ввиду несомненного роста пропаганды в среде крестьян повторение беспорядков весьма возможно; при этом нужно заметить, что такие беспорядки имеют целью не борьбу с существующим государственным строем, а вызываются лишь тем обстоятельством, что из всех социальных теорий крестьянина всего ближе интересуют вопросы, связанные с правом владения землей и предстоящим якобы разделением частновладельческих имений между сельскими обществами. Подобные взгляды являются результатом социал-демократической про-

¹⁾ Маслов, „Аграрный вопрос“. Т. II, стр. 136.

паганды, которая так сильно развивается среди сельского населения, с одной стороны—благодаря отсутствию ближайшего наблюдения, а с другой—ввиду почти полной невозможности судебного преследования виновных. Сельское население ближе всего стоит к таким лицам, как местные священник и учитель. В то время, как первые по причинам, коренящимся в их полной материальной зависимости от прихода, относятся зачастую довольно равнодушно к многим нежелательным явлениям местной жизни, избегая случая обострять свои отношения с прихожанами,—вторые, т. е. земские учителя и учительницы, почти поголовно представляют собой элемент, если не всегда ведущий открытую пропаганду, то, безусловно, вредно влияющий на крестьян своим отрицательным отношением как к государственному и общественному строю, так и ко всем распоряжениям правительства, поскольку он—учитель—не считает это распоряжение достаточно либеральным.

«Урядники и стражники, благодаря их невысокому умственному развитию, а также и отсутствию, по этим причинам, должного авторитета, не в силах противодействовать пропаганде, и вся их деятельность в этом случае ограничивается совершенно формальным исполнением своих обязанностей. Земские начальники и чины уездной полиции, занятые самой разнообразной деятельностью, стоят слишком далеко от крестьянской массы и не в силах влиять на нее в смысле противодействия пропаганде. При этом нельзя умолчать, что земские начальники не всегда пользуются особым расположением крестьян, которые видят в них лишь «чиновников»; помимо того, в среде этих начальников можно указать лиц сомнительной преданности существующему государственному строю; многие из них, не задумываясь, подписали всеподданнейший адрес, представленный 5 декабря прошлого года.

«Что касается уголовного преследования лиц, пользующихся всякими случаями и способами для распространения социал-демократических идей, то такое преследование сильно затрудняется тем обстоятельством, что весьма редко представляется возможность установить виновность путем формальных доказательств. Свидетелями таких преступлений бывают обыкновенно лица, сочувствующие пропаганде; посторонние же посвящаются лишь после испытания степени их сочувствия. Практикующийся в последнее время способ массового распространения преступных изданий путем разброски по улицам и рассылки по почте произ-

водится при условиях, почти совершенно исключаящих возможность изобличения виновных; в тех же редких случаях, когда удается задержать их, они избавляются от судебной ответственности благодаря ненаказуемости хранения преступных изданий без цели их распространения, каковым обстоятельством всегда прикрываются лица, при которых обнаруживаются такие издания. Иногда безрезультатность дознаний объясняется медленностью их производства, ввиду необходимости, по установившейся в окружных судах Черниговской губ. практике, личного присутствия прокурорского надзора при исполнении всякого следственного действия».

Приведенный «Политический Обзор» заслуживал бы подробного разбора, но, за недостатком места, от этого приходится отказаться.

Правительство реагировало на пробуждение деревни законом об учреждении по деревням полицейских стражников для усиления сельской полиции в 46 губерниях «в целях охранения благочиния, спокойствия и порядка». В первую очередь (1903—1904 г.г.) стражники были введены в 15-ти наиболее «беспокойных» губерниях, и в том числе в Черниговской, Полтавской, Харьковской и др.

Затем посыпались, как из рога изобилия, циркуляры; правительству пришла в голову дикая мысль—вступить в конкуренцию с агитаторами: в циркулярах департамента полиции, губернаторов и даже синода рекомендовалось властям на местах агитировать среди крестьянства против покушений на земельную собственность.

Эта правительственная агитация имела прямо противоположные правительственным ожиданиям результаты: она, эта самая «самодержавная агитация», только оживила среди крестьян толки о земле... Введение же полицейской стражи придало этим «толкам» революционный оттенок: стражники могли только раздражать крестьян... И, действительно, у крестьян со стражниками сразу же начались столкновения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1905 г.

1. Аграрные волнения в Глуховском уезде и карательные экспедиции.

Разгром сахарного Михайловского завода.

15 февраля начались крестьянские беспорядки в Дмитровском у., Курской губ., и распространились на соседние уезды Орловской и Черниговской губ.

Подвигаясь из Орловской губ., разрушительная волна крестьянских беспорядков достигла Глуховского у., Черниговской губ., где приняла громадные размеры: в уезде было разгромлено семнадцать помещичьих хуторов и имений. Паника охватила всех помещиков. «Помещики все подевались куда-то,—писали корреспонденты в газеты,—в экономиях было пусто, ни души; весь скот попрятали неизвестно куда... Словно все и вся вымерло». Среди помещиков сопротивляться никто не пытался. Был, например, такой случай: в одну усадьбу, где, кроме владелицы, жили четверо взрослых мужчин—рабочих, явились трое крестьян с подводами и заявили, что они—передовые; отворили амбар, нагрузили подводы, потребовали поесть, так как они голодны, попили молока и спокойно уехали (Маслов, «Аграрный вопрос», т. II, стр. 153).

Наиболее пострадали в Глуховском у. имения бывшего помещика, а потом дворянина и даже тайного советника (штатский генерал), известного сахарного короля и винного заводчика Николая Терещенко. В ночь на 22 февраля был разгромлен Михайловский сахарный завод Терещенки¹⁾. Часть сахара и дру-

¹⁾ Кроме этого завода, были разгромлены еще другие заводы того же Терещенки, находившиеся в соседних губерниях.

того имущества была увезена, а здание завода и дома сожжены. Разрушена была громадная труба; стены завода были приведены в такой вид, что вызывали потом даже удивление, каким образом крестьяне могли произвести такие разрушения. Убытки, произведенные беспорядками, были громадны; они исчислялись миллионами; один Михайловский завод стоил несколько миллионов.

По единодушным отзывам всех свидетелей на судебном процессе (где судили крестьян за разгром завода) как мундирных, так не-мундирных, народ в Глуховском у., Черниговской губ., и в Орловском у. тихий, кроткий, смиренный. Даже урядники и становые полицейские пристава не ожидали, чтобы этот кроткий народ мог устроить «такое дело».

— Народ у вас беспокойный?—задал вопрос обывателям приехавший в Глуховский у. на судебный процесс писатель Евгений Чириков, как корреспондент журнала «Правды».

— Как дети... После приезжал сюда какой-то сенатор, что ли. Когда он объехал деревни и села, которые громили завод, прямо удивился... «Народ,—говорит,—как тихая вода, как это могло случиться?!» Да чего уж лучше: приказывают на колени встать,—встают и стоят по 3—4 часа... Конечно, трудно сказать, что в это время на душе у них делается, а только не проявляют ничего... смиренно ведут себя...

— Зачем на коленях? Кто? Когда?—спросил я,—пишет Чириков,—изумленный таким доказательством мужицкого смирения.

— Разве не знаете?! После погрома завода, к его развалинам были собраны сходы разных сел и деревень, под начальством старост, их оцепили казаки с шашками наголо, перед построенным повзводно народом поместили возы с хворостом и устроили эшафот... Начальство разное вместе со старшими служащими завода закусывало и выпивало, попутно выясняя, кто из крестьян отличается строптивостью, а в это время исправник всех поставил на колени...

— На колени, мошенники!...

И стояли они в снегу, в весенней холодной грязи, ожидая выхода губернатора... Впереди от каждого схода стояли по-двое: один с хлебом-солью, другой—с иконой... Когда вышел губернатор, стали плакать... Губернатор отпихивал ногою «хлеб-соль»: «краденого мне не надо»—кричал он, а к иконам, перекрестившись, приложился...

— И пороли?!

— Конечно, пороли... Сперва сделали распоряжение разделить каждому обществу: кто признается, что грабил сахар—вправо, кто не признается—влево... С «левых» и начали... А в это время земский начальник Дорошенко бегал около народа и кричал: «лучше признавайтесь... пороть не будут», и народ, на глазах которого происходила эта расправа, в надежде на избавление от розог перебежал слева направо... А что было в селах!!!... Ужас!!!

— А разве и там пороли?

— Сперва пороли отдельные села и деревни, а потом уже гуртом, около развалин сгоревшего завода... Пороли без разбору, кто виноват и в чем именно виноват... Пороли для нравственного усовершенствования вообще... С этой же целью ехал и орловский губернатор, потому что часть сел—Орловской, а часть—Черниговской губ. Три армии было: Курская, Орловская и Черниговская... Все шли, чтобы окружить врага внутреннего, усмирить его, но честь победы выпала на Черниговскую армию ¹⁾.

Спрашивается: как же могло случиться, что кроткие, как дети, крестьяне произвели такие беспорядки?

В обвинительном акте дается на этот вопрос такой ответ:

«Крестьяне как села Стольного, так и других окрестных сел, в том числе и Глуховского у.,—люди крайне бедные, имеют небольшие надель, в среднем около $2\frac{3}{4}$ дес. на ревизскую душу. (фактически, значит, меньше. *И. Др.*); а, напр., в селе Ломленке на 38 дворов—32 десятины. Многие же из крестьян и совсем надель не имеют... Земля очень плохого качества (песок, глина, болото), так что своего хлеба нехватает; недостаток выгонов, отсутствие леса и лугов; пользоваться же владельческой землей на арендном праве было невозможно, так как почти вся земля обрабатывалась самими владельцами, и, если и сдавалась под посевы, то—худшая земля, и притом с обязательством отработок в экономии, что делало также пользование экономической землей убыточным для крестьян. Только крайняя нужда и незначительный размер надельной земли заставляли крестьян брать землю на таких условиях у помещиков; притом, если положено, например, отработать в экономии Терещенко 40 деся-

¹⁾ „Правда“, сентябрь—октябрь 1905 г., стр. 379.

тин, то экономия требует, чтобы их убрать в два дня, а если крестьяне не успеют, то с них вычитывают по 6 р. с десятины и сена вовсе не дают; снопы заставляют вязать в пуд весом и в случае, если во время работы сломается экономическая телега, то за это с возчика вычитают рубль, при остановке же работ из-за дождя в течение часа — с рабочих вычитают плату за полдня. Вследствие такого недостатка в земле крестьяне вынуждены были искать заработков путем ютхожих промыслов, отправляясь для этой цели на юг, а также прибегать к местным заработкам, какие давал сахарный завод, в виде возки топлива, извоза сахара и работы на самом заводе. По возвращении же из ютхожих промыслов крестьяне становились хуже в нравственном отношении: к старшим и к начальству относились высокомерно и нередко дерзко и не хотели уже заниматься земледелием».

В том же обвинительном акте рисуется такая картина разгрома завода:

«Незадолго до возникновения погромов... появились прокламации, призывающие крестьян к массовому восстанию против помещиков и властей, при чем им начертывалась программа деятельности: сначала тайная пропаганда, малые сходки и собрания в целях объединения, а затем повсеместное открытое восстание. Читались эти прокламации толпами крестьян, не позволяя их никому сорвать, с видимым удовольствием говоря, что вышел «праведный закон», что теперь — все наше: и поля, и луга, и леса, — все можно теперь нам забирать от владельцев, пахать землю, жать, рубить леса. Крестьяне были убеждены, что прокламации «идут от начальства», и поэтому им «нужно верить».

Упомянув затем, что, вскоре после появления прокламации, крестьяне в ряде местностей стали производить потравы, порубки, увоз хлеба, разграбление экономий, обвинительный акт говорит, далее, следующее:

«Во время разграбления 22 февраля Николаевского хутора Терещенки в Севском у., Орловской губ., один из толпы говорил: «От панов и нам и вам плохо, и вот они подадутся, так земля и будет наша, на весну можете пахать и жать всю землю. Вот теперь здесь берите, а чтобы в 6 часов вечера все были в Михайловском хуторе». В тот же день в этом хуторе, часа за два до погрома, один говорил: «я не имею куска земли, а помещики имеют землю и живут себе вольно... Я сам первый начну разбивать и громить»... Во время же самого погрома один из крестьян

на вопрос, почему они не только грабят, но и жгут завод и постройки при нем, ответил: «завод не нужен, мы сахару варить не умеем, нам земля нужна, на весну гречиху тут будем сеять»... Одна крестьянка на тот же вопрос ответила: «из села Хинеля приехали грабить панское добро, нам сам царь-батюшка повелел это делать и прислал нам бумагу с короной».

По разграблении Хинельской экономии почти все крестьяне Хинеля, вместе со старостой, поехали в Михайловский хутор. Отправились не только мужчины, но и женщины и даже дети. По пути крестьяне приглашали местных крестьян других сел ехать с ними «по сахару», угрожая, в случае отказа, поджогом на обратном пути. Всех подвод ехало до 500. На вопрос одного из служащих на заводе, для чего они приехали, последние ответили: «разве не знаете для чего? Грабить, жечь и громить». Надзирательница заводской больницы просила не грабить больницы. В толпе раздались голоса: «не трогать»; больница уцелела, и подводы двинулись по улице дальше.—Часть подвод, около 300, свернула на Николаевский хутор и там расхитила до 10 тысяч пудов разных хлебов. Остальные подводы продолжали двигаться к Михайловскому хутору. Тут к ним присоединились подводы из селений Орловской губ. Ехали подводы по нескольку в ряд; всего их было до тысячи. У некоторых видны были топоры, ломы, колья. Проезжая мимо квартир служащих, толпа ограничилась лишь разбитием стекол в нескольких квартирах. Подъехав затем к одному сараю, где был сложен сахар, часть подвод принялась грабить сахар, но подоспевший приказчик отстоял. Подъехав к квартире доктора и одного служащего, толпа стала бить окна в квартире доктора. Служащий стал убеждать не жечь квартиры, говоря, что они—люди бедные. Осмотрев квартиры, один крестьянин крикнул: «братцы, этой квартиры не трогать». Движение подвод продолжалось. В это время раздался звук рожка и свистка. Послышался звон разбиваемых стекол: это громили встретившиеся по улице квартиры служащих. Квартиры были подожжены. Затем толпа разделилась на две части: одна вошла во двор и, отбив замки у сарая, расхитила сахар, муку, крупу и увела трех лошадей. Другая—бросилась к зданию завода и принялась из амбаров расхищать сахар и другое имущество и складывать все это на подводы. Завод был подожжен одновременно с трех сторон. Все здания—конттора, склады с сахаром и завод—сгорели... Толпа рассыпалась по всему хутору, продолжая грабить и жечь.—А в это время на-

встречу подводам, ехавшим из хутора с разным имуществом, двигались порожние подводы из окрестных селений... Грабеж продолжался всю ночь.

Всего принимало участие в погроме Михайловского хутора более трех тысяч крестьян.

На скамье подсудимых сидело 167 человек. Из всех этих 167 крестьян только четверо—пятеро были грамотные. «А между тем,— пишет Чириков,—обвинительный акт много говорил о «прокламациях», как источнике всяких зол,—а тут вот почти никто не только не мог понимать смысл этих прокламаций, а даже и прочитать их по складам». «Я внимательно прислушивался к свидетельским показаниям,—говорит тот же автор,—чтобы объяснить себе тот ближайший источник, который вызвал зарево пожаров, и не мог его отыскать... Порой прорываются смутные указания на «агитаторов», но никто их не видал и ни один из агитаторов пойман не был... Говорили, что слышали, будто какой-то человек читал какую-то бумагу с золотой короной, которою разрешается крестьянам громить помещичьи усадьбы, упоминали о присутствии на погроме каких-то посторонних переодетых лиц,—но все это носило фантастический характер... Разгром носил стихийный и неорганизованный характер, хотя, несомненно, он вовсе не был похож на простое нападение грабителей и воров, как это старался на суде доказать гражданский истец. Тенденция разгрома то и дело вылезала наружу в форме отдельных фраз и реплик из толпы. Так, например, когда смотрительница заводской больницы увидела бабу, укладывающую на сани господскую мебель, и спросила эту бабу:

— Куда тебе кресло? Зачем?

— Не все барам сидеть на мягком, пришел и наш черед...

Пощадили заводскую больницу, пощадили почтовое отделение, не тронули склада сахара, который отстояла жена одного служащего на заводе ложным замечанием: «этот сахар приготовлен для солдат на Дальний Восток» и т. д., и т. д. Один подсудимый говорил о том, как ночью его, пьяного, разбудила мать и стыдила:

— Все порядочные поехали, а ты спишь...

Сама запрягла сыну лошадь, отлила его хмель водой, и сын поехал, не желая отстать от всех порядочных...

«В народе,—продолжает тот же автор,—назрела потребность разрешить свой крестьянский вопрос, и назрела уверенность, что не сегодня—завтра этот вопрос разрешится. Напряженное ожи-

дание, идущее по лицу русской земли, погромы помещиков и общая российская смута, толки о каком-то обновлении, эхо пропаганды в соседних губерниях и новые идеи, доносимые молодежью с отхожих промыслов, все это вместе с кабалой, в которую взяли окрестных крестьян добрые братья Терещенки, подняло температуру народного отчаяния до той предельной высоты, когда достаточно самого малейшего колебания, чтобы настроение крестьян разрешилось в любой форме... Заводы добрых братьев, как реальный осязаемый гнет, явились просто громоотводами, принявшими на себя первый разряд электричества, скопляющегося в грозных тучах всенародного отчаяния и гнева... Это—просто одно из тех наглядных предостережений, которые делает истощенный, бесправный народ всем нам—культурным людям...

«Страшна здесь именно стихийность нанесенного удара, страшно отсутствие осмысленной организованной борьбы с кабальными условиями своей жизни, страшен призрак пугачевщины... Отсутствие легальных путей, искусственная темнота, в которой держали народ, предельная темнота и конец долготерпению—вот в чем гордиев узел...» ¹⁾.

Вот каковы были крестьянские беспорядки в Глуховском у. в феврале 1905 г.

Как же реагировало «попечительное начальство» на эти «беспорядки?»

На этот счет в архивных делах бывшего Черниговского губернского жандармского управления находим такие данные:

21 и 22 февраля 1905 г. в Чернигове были получены телеграммы от севского (Орловской губ.) исправника и орловского губернатора с сообщением о том, что в Орловской губ., на границе с Глуховским у., происходят крестьянские беспорядки: крестьяне грабят и жгут помещичьи имения. Сейчас же после получения такого сообщения черниговский губернатор по телеграфу предупредил командующего войсками Киевского военного округа о возможности вызова войск.

22 февраля в департамент полиции была послана начальником Черниговского губ. жандармского управления Рудовым такая телеграмма: «Ожидаются крестьянские беспорядки в Глуховском у., куда вместе с губернатором сегодня выезжаем. Вызван еще батальон». Из другой телеграммы видно, что, кроме того, были вы-

¹⁾ «Правда», стр. 384—385.

званы две сотни казаков. Далее, ввиду того, что в районе беспорядков находился Шостенский пороховой завод, губернатором была послана телеграфная просьба к командующему войсками об усилении войсковой охраны этого завода. В это же время с двумя ротами пехоты был командирован в Глуховский у. для усмирения начинавший в то время свою «знаменитую карьеру» неперемный член Черниговского губернского присутствия М. Н. Шрамченко.

Мы должны тут сказать пару слов об этом «деятеле» царского режима.

Шрамченко—помещик Козелецкого у. Он был также и «земским деятелем»: состоял уездным и губерньским земским гласным. Свою административную карьеру начал с должности земского начальника. «Подвиги» свои на пользу «престола и отечества» Шрамченко начал с роли добровольного шпиона... Будучи зем. начальником, он следил за «неблагонадежными» в своем районе. Но как следил?! Ложился под плетнем и, лежа на животе, следил за намеченной «жертвой»¹⁾. Или вот еще «подвиги» того же Шрамченко на заре его карьеры: с целью скрыть следы своих злоупотреблений, которые можно было найти в делах волостного управления, Шрамченко сжег это волостное. Передававший нам этот факт тогдашний председатель Козелецкой уездной земской управы так характеризовал Шрамченко: «этот человек заслуживает бубнового туза на спину (т.-е. отправки в каторгу. *И. Др.*)... Однако все это ему прошло гладко»... Да не только прошло, Шрамченко даже получил повышение по службе: был назначен неперемным членом Черниговск. губ. присутствия, на каковой должности он и специализировался по части «усмирения» крестьянских беспорядков розгами и военной силой. Впоследствии он «прославился» уже на всю Россию—сначала, как нижегородский губернатор, а потом как вологодский. При Советской власти в Чернигове Шрамченко был расстрелян по приговору губчека.

Так вот этот самый Шрамченко в феврале месяце был послан с двумя ротами пехоты для усмирения крестьянского населения в Глуховском у.

22 февраля в тот же уезд вместе с Рудовым выехал и «сам» губернатор. На станции Круты губернатором была получена

¹⁾ Передаем это со слов покойной сельской учительницы Елены Алексеевны Слепушкиной. Елена Алексеевна была на редкость беззаветно-идейный человек, подлинный друг народа.

телеграмма, сообщавшая, что в ночь на 22 февраля был сожжен и разгромлен сахаро-рафинадный завод Терещенки при Михайловском хуторе. На ст. Ворожба губернатор застал уже один эскадрон драгун, направлявшихся тоже в Глуховский у., при чем, в целях скорейшего прибытия на место этого эскадрона, для последнего был приготовлен и подан экстренный поезд. Один взвод этого полка был оставлен «для охраны» Глухова, остальные же части были отправлены в Михайловский хутор.

Одновременно с этим две роты пехоты были посланы в с. Лавру, возле которого находился винокуренный завод пом. Карпеки. Сам же губернатор с эскадроном кавалерии выехал на ст. Свессу, где находился сахарный завод миллионера и крупного агрария—пом. Неплюева.

Как в Лавре, так и в Свессах настроение крестьян было крайне возбужденное, и, видимо, крестьяне ожидали лишь «подстрекателей и руководителей грабежа»; было даже, по слухам, заготовлено для увозки, при разгроме помещичьего имущества, около 200 подвод в Лавре и около 400—в Свессах. Донесение жандармов отмечает, что прибытие войск внесло «заметное успокоение», и дальнейших попыток к беспорядкам не наблюдалось.

Таким образом, беспорядки в Глуховском у. ограничились лишь полным разрушением Михайловского сахарного завода Терещенки.

Началось «замирение» взбунтовавшихся крестьян.

Губернатор, в сопровождении жандарма Рудова, приступил к объезду тех селений, крестьяне которых были признаны участниками в беспорядках. В Чуйковичах, Журавке, Лаврах, Свессах и Юрасовке по приказу губернатора были согнаны сельские сходы, на которых он и произносил «успокоительные речи»...

Объезд начался с села Чуйковичи. Губернатор потребовал указания «виновных» и возвращения всего награбленного. Крестьяне, во главе с сельским старостой, «упорно» отказывались исполнить требования губернатора. Староста был немедленно губернатором смещен с должности, а кандидату его приказано было вступить в отправление обязанностей старосты и немедленно произвести обыски, начав их с дома смещенного старосты.

Так как в доме последнего было найдено награбленное имущество, то он был арестован; арестован также был и его сын, пытавшийся предупредить своего отца о предстоящем обыске.

Финал «успокоительной беседы» губернатора со сходом с. Чуй-

ковичи изображается в донесении так: «став на колени, крестьяне изъявили согласие возратить все, что у них было из похищенного при пожаре Михайловского завода. Ввиду покорности и раскаяния крестьян—продолжает донесение—в этом селе никаких других мер воздействия принято не было, а арестованные были отправлены в Глухов».

Следующим селом, подлежащим губернаторскому набегу было село Журавка. Но тут пришлось прибегнуть уже к иным приемам «замирения».

Собранный в Журавках сельский сход встретил губернатора «довольно враждебно». Жандармское донесение дает этому обстоятельству весьма упрощенное объяснение, а именно то, что до схода, повидимому, дошли сведения, что в Чуйковичах не было принято «строгих мер против грабителей».

В Журавках крестьяне на сходе заявили губернатору, что они не участвовали в грабеже и потому ни в чем не считают себя виновными. Дальше донесение изображает события в таком виде.

Дерзкие заявления и вызывающее отношение схода к губернатору вынудило последнего принять решительные меры: уволив от должности старосту Василия Гузей, губернатор приказал подвергнуть его наказанию розгами—25 ударов. Тогда толпа, руководимая десятским Яковом Гузеем, начала кричать: «сечь нельзя», и, двинувшись на губернатора, выказала такое враждебное отношение, что отдано было казакам приказание спешиться и окружить толпу. Вслед за тем десятский Яков Гузей был также подвергнут наказанию розгами в 30 ударов.

После этого крестьяне, «смирившись», начали «выражать желание» возратить награбленное имущество. Однако, нашлось все-таки 86 человек, которые отказались этому подчиниться. Они были арестованы.

28 февраля в хутор Михайловский были согнаны сельские сходы из деревень Чуйковичи, Юрасовка и Журавка. Туда же были приведены вышеупомянутые 86 крестьян, а также семь крестьян, оказавших сопротивление Марчихино-Будскому волостному старшине и грозивших убить его за то, что он задерживал крестьян, возвращавшихся с завода с награбленным имуществом.

Жандармское донесение передает, что все сходы приготовились встретить губернатора с хлебом-солью, но последний отка-

зался принять, — «отпихнул ногой», как передает Чириков в «Правде».

По словам того же донесения, речи губернатора к сходам «произвели на крестьян впечатление, — послышались слезы, и на требование губернатора возратить имущество, похищенное с завода, крестьяне обещали это исполнить».

Двое из семи упомянутых выше крестьян, «выделившиеся своею дерзостью», были наказаны розгами. Двое других были арестованы, а трое остальных отпущены.

1 марта «были назначены» сельские сходы в с. Дорошевке и в Дорошенковском хуторе. Крестьяне этих селений также заявили, что они не принимали участия в грабеже. Здесь же был наказан розгами крестьянин Фома Шаловалов, служивший приказчиком у земского начальника: он был послан последним на завод узнать, что там делается; но вместо этого он сам принял участие в грабеже и на лошади зем. начальника возил к себе домой награбленное имущество.

«В настоящее время (15 марта 1905 г.), — говорит донесение, — внешний порядок в Глуховском у. восстановлен».

«Порядок» восстанавливался главным образом «поркой». Вот ряд прямо-таки жутких показаний, данных на судебном следствии по делу о разгроме Михайловского сахарного завода в Глуховском у. ¹⁾.

«Брата моего, — показывал один свидетель, — отпорили за то, что он сказал, что нет теперь закона пороть народ... Его выпороли... Потом губернатор спрашивает: «Что, можно пороть?...».

Один обвиняемый показал: «25 февраля мы сознались, а 29 приехал исправник с каким-то штатским начальником. Выпорили одного и говорят: имеем поручение от государя и можем хоть до смерти запороть... Часа два мы стояли на коленях... Болезни потом пошли...».

Свидетель Коровин, на вопрос защитника, когда стали сознаваться крестьяне, ответил:

— А как стали рубить народ хворостом... Около церкви... На коленях сперва долго держали...

— А когда крестьян секли? На сходе? — допрашивал один защитник исправника Конашевича.

1) См. „Правда“, сентябрь—октябрь.

— Исправник (сердито). Я не буду отвечать... Это к делу не относится...

Председатель палаты Мейснер, обращаясь к исправнику: Я вам разрешаю не отвечать... А вам,—обращаясь к защитнику,—запрещаю расспрашивать об этом...

Встают несколько подсудимых и просят слова.

Подсудимый Быков. Приехали к нам в село власти с казаками... Мы были на сходе... Окружили нас, обнажили свое вооружение... Кричат нам... Ну, мы все и упали на коленки. А снег был тогда... Стоим мы час, другой, третий... Пять часов на коленках в снегу простояли. Ноги зашлись, мы и чувствовать их перестали... Стоим и... никто нам не скажет: вставай... А окружили нас войска и держат так... А тут и розги привезли на возах... Хватают одного, раздевают, кладут, и секнули ему 25... чиновник тут же распоряжается. «Я,—говорит,—по приказу его величества все с вами могу сделать»... Мой племянник от столь жестокого наказания сознался, что он палил экономию; ну, а потом свидетели доказали, что это—неверно... И так мы себе ноги заморозили, стоя пять часов в снегу на коленях, что болезнй у нас потом появились... у меня и теперь ноги болят...

Подсудимый Моргалов. Назначили у нас, в Журавке, сходку. Приезжают губернатор, исправник, казаки со своим вооружением. Окружили нас возле церкви. Губернатор закричал: «Дать старосте 25 розог». Дали. «Прибавить еще 15». Прибавили. Потом десятнику секнули 15. Меня вот этот малый—исправник—схватил обеими руками за одежду, рванул,—все крючки на мне отлетели... «Ложись»—кричит. Ну, стоял тут другой,—товарищ прокурора. «Этот—говорит—не выдержит, слабого здоровья...» «В тюрьму его тогда, под суд»,—сказал губернатор...—Вот какие дела. Повезли мы потом губернатору иконки, хлеб-соль... Стали на коленки, ждем. Подходит губернатор, тынул ногою хлеб: «Кислый—говорит—ваш хлеб... надоели вы мне, вишь чего наделали, а теперь с хлебом. Не желаю я вашего хлеба». Ну, а иконки принял, приложился к ним... А кругом снеговая вода, а мы на коленках все стоим. И казаки тут же... Еще кой-кого посекли, дали 25, приказчику всыпали тоже... А мы и ничего бы не взяли с пожара, если бы нам сказали это. А то приезжаем к заводу, стоят тут же стражники,—водку пьют. «Берите»—кричат—и смеются... Разорили нас, ваше превосходительство, убили... Куска хлеба у нас теперь нет...»

«По селам,—рассказывает Чириков,—творилось что-то несуразное. Становые с урядниками и исправниками наводили панический ужас; при обысках били всех; даже дети, которым приказывали показывать, где спрятан сахар, получали пинки ногами в живот и спину... «Много у нас ребятшек померло после этих обысков»,—сказал мне один из обвиняемых... В Хинели, ворвавшись в избу и увидев женщину, кормившую грудью ребенка, оторвали его от матери и начали бить бабу по обнаженным грудям; били так, что она 4 месяца лежала... Ребенок помер...»

«После розысков у нас все в синяках ходили... Когда нас собрали к сгоревшему заводу, окружили солдатами и начали пороть,—бабам сказали, что нас саблями на-смерть определили зарубить,—и что тут было по селам и деревням, словно конец миру пришел...»

«А вот образец, как добывалось сознание... В лесу, близ хутора, был найден казаками сахар, значительную часть которого они и съели. Зем. нач. Дорошенко вытребовал к себе крестьян и советовал сознаться, что они принимали участие в расхищении сахара. Крестьяне не сознавались,—говорили, что сахар в лесу спрятан мужиками других сел. Тогда зем. нач. «отечески» посоветовал все-таки сознаться, потому что иначе плохо будет, а, при сознании, он ручается, что отстоит своих мужиков...»

— Не виноваты, ваше благородие...

— Как хотите... Будет хуже...

— Дело кончилось тем, что несколько человек приняли на себя «чужой грех» и признались, будто бы нашли на дороге сахар, и, в знак своего покаяния, покупали по два, по три фунта сахару и возвращали его в волостное правление...

— А теперь беда... Простить-то их простили, а только они попали в число недоимщиков за убытки...»

Словом, произвол царил по деревням во-всю... Один земский начальник прямо говорил крестьянам: «Я вам царь и бог». Приведя этот факт, Чириков так его комментирует: «Разве это не издевательство над всем русским народом?! Разве нам нужны какие-нибудь доказательства, что в России нет закона и что урядник для 100-миллионного населения—попрежнему «царь и бог...». Когда после приговора, один молодой парень заплакал, старик сказал ему:

— Чего плачешь... Паны нас судили. Когда мы их будем судить, они будут плакать...». («Правда», стр. 389—390).

2. Тревожное настроение крестьян в Новгород-Северском уезде.

Беспорядки в Глуховском у. перекинулись в соседний Новгород-Северский у.

Многие из крестьян Новгород-Северского у. (с.с. Ромашково, Каменка, Чернацкое, Юриновка, Дупликовка и др.), заметя зарево пожара от горевшего сахарного Михайловского завода, в Глуховском у., ходили и ездили туда, и редко кто возвращался домой с пустыми руками,—в деревнях вслед затем появился сахар и другие предметы, похищенные на заводе.

Слух о разгроме Михайловского завода быстро разнесся по уезду. По селам «балакали», что «партия громил» имеет целью разрушить и уничтожить все барские экономии и заводы, не щадя и самих владельцев.

Однако, крестьянство не всюду находилось в таком «боевом» настроении. Так, в Юриновке, на другой день после разгрома Михайловского завода, прошел слух, что в хуторе Александровска пом. Неплюева, ввиду ожидающихся грабежей, экономией раздается хлеб по 40 коп. за пуд. Услыхав такие вести, крестьяне с. Юриновки в огромном числе (до 100 подвод) отправились в названный хутор. Увидя приехавших крестьян, управляющий испугался: приказав запрячь лошадей, он сказал крестьянам, что по такой цене не может отпустить хлеба, а если крестьяне хотят, то пусть берут сами, и показал при этом ключи от амбара. Крестьяне сами не решались тронуть хлеба и возвратились домой без ничего.

Однако, паника охватила все помещичьи круги. Так, владелец имения «Березка» Беловский с семьей поспешил уехать в Глухов, а служащие экономии постарались спрятать свое и экономическое добро по дворам «благонадежных» крестьян. Даже скот выгонялся из экономии ввиду опасения пожаров и грабежа.

Крестьяне с. Голубовки выражали ропот и негодование на экономию Беловского за разные притеснения, а также и за то, что эта экономия брала с крестьян по 900 руб. ежегодно за «выпуски».

Наблюдались далее такие явления: после событий на Михайловском заводе, но еще до прибытия войск, в лесу и по дорогам можно было видеть крестьян ближайших сел (Чернацкое, Гаврилова Слобода) с подводами и мешками в ожидании, не загорится ли экономия, чтобы, воспользовавшись этим «случаем», «пожизниться хлебом»...

Были бегства и других помещиков из своих имений. Так, из Протопоповки бежал крупный помещик Псиол. Некоторые скрывались у своих знакомых врачей в больницах, пока в уезд не прибыли войска. Интересно отметить, что крестьяне, узнав, что помещик Псиол из боязни выбирается из имения, просили его через старосту остаться—«довериться на их защиту». Но Псиол не поверил этому обещанию крестьян и уехал.

В имение этого помещика, Протопоповку, явилось несколько женщин из с. Гуты с торбами узнать, скоро ли начнут в экономике разбирать хлеб. Они были задержаны и посажены в волостной карцер. Но когда арестованные женщины пригрозили сторожу, что, если в селе узнают, что они арестованы, то «и волость не устоит», сторож их выпустил.

В другие имения того же Псиола (хутор Лютый) явилось 57 подвод из селений Олтарь и Чигинок и стали требовать отпустить им хлеба взаймы по 3 пуда или же за отработки. Приказчик позвал стражника, и крестьяне разъехались, не тронув ничего в имении.

Крестьяне с. Медведовки производили крупные порубки в лесах того же Псиола. Когда лесная стража, вместе с двумя полицейскими стражниками, отправилась в это село разыскивать лес, то она была убита. Лесники Псиола, из боязни крестьян, ушли со службы...

В с. Знобе крестьяне намеревались поднять тяжбу с тем же Псиолом из-за 200 дес. земли и леса. Был составлен соответственный приговор, но земский начальник не утвердил его.

Жандармские унтер-офицеры, командированные в Новгород-Северский у. для собирания сведений о настроении местного крестьянства, на основании расспросов крестьян, разговоров с ними, а также на основании личных наблюдений приходили к выводу, что не заметно, чтобы в настоящее время в среде крестьян Новгород-Северского у. имелись организации, подготовляющие нападение и разрушение помещичьих усадеб. Но—добавляют в своем донесении эти унтер-офицеры—известия о событиях последних дней в Орловской губ. и Глуховском у. Черниговской губ., доходящие до крестьян, «многих из них смущают и соблазняют». Главное—рапортуют указанные доносители—никто из крестьян не знает, что за люди эти громилы и грабители. Их называют то студентами, то полковниками и генералами, «примешивают туда и генерала Стесселя с бомбами и пулеметами и с указами

от царя... И все это некоторым образом скверно влияет на умы сельского населения».

Чрезвычайно любопытно и показательно следующее заключение все тех же жандармских унтер-офицеров:

«Почти во всем уезде в отношениях крестьян с помещиками по поводу земельных угодий наблюдается мало миролюбивых соглашений, а везде—враждебные. Иногда в том виноваты крестьяне, но чаще всего (курсив наш) зависит от экономии, в особенности, где заведуют арендаторы или управляющие. Первые стараются, по возможности, извлечь больше пользы, а вторые—чтобы отличиться перед хозяевами,—в таких случаях и стесняют крестьян».

Заключение это имеет большую ценность, ибо оно дано верными холопами царско-жандармского начальства.

И к следующему выводу тех же унтер-офицеров, на наш взгляд, также можно отнестись с известным доверием: «при теперешнем настроении крестьян, по нашим понятиям, заметно, что крестьяне означенных выше местностей производят такое впечатление, что сами они начинать беспорядков не намерены и как будто кого-то, чего-то в ожидании. Но, если явись к ним злоумышленники, под видом чиновников, с подложными указами, чтобы брать землю и хлеб в экономиях, то большинство из них может поверить и, без сомнения, могут принять в том участие, что и возможно ожидать предстоящей весной».

В заключение своего донесения унтер-офицеры рапортуют, что «в настоящее время принимаются меры к охране имений и к успокоению владельцев посредством военных разъездов по хуторам и селам»...

3. Настроение крестьян в Новозыбковском уезде.

В Новозыбковском у. аграрные волнения приняли после 17 октября 1905 г. весьма широкие размеры. Этому можно было ожидать уже по весеннему и летнему настроению крестьян этого уезда.

Вот ряд фактов.

В с. Ярыловичах в ночь с 29 на 30 мая в доме одного крестьянина была тайная сходка. Агитацию вел какой-то «приезжий». Он говорил о земле, о том, как ее «добыть» и т. п. Для этого крестьяне «должны объединиться в товарищества и дей-

ствовать сообща». «Если помещик—хороший человек, то его надо предупредить, чтобы он добровольно уехал. Если же это не подействует, то такого надо убивать. Плохих же помещиков надо убивать без предупреждения». Местный помещик П. Савич, бывший в то же время и земским начальником, был «плохой помещик», и его решено было убить без предупреждения¹⁾.

В тех же Ярыловичах, на дороге возле села, было прибито к столбу красное знамя из красного платка, и на нем синей краской было написано: «Долой самодержавие! Да здравствует Земля и воля! Да здравствует социализм!» К столбу же была прибита осьмушка бумаги с надписью: «Кто снимет это знамя, тот будет жестоко наказан РСРП».

В селе Малом Кривце была выпущена прокламация следующего содержания:

В борьбе обрешь ты право свое.

БРАТЬЯ НАШИ!

Мы, крестьяне Малого Кривца, собравшись на общем сельском сходе, постановили: не ходить ни на какие работы в экономию к Заворотному за пустые цены. Вот чего мы требуем:

1. Пахарь должен получать 1 руб. 50 коп. в день.
2. Косарь должен получать 1 руб. 20 коп. в день.
3. Поденный пеший—1 руб.
4. Женщина—60 коп.
5. Луга брать по 8 руб. десятину без отработок.
6. За пастьбу по полю и лесу не платить.

И еще мы требуем, чтобы экономические поля сдавались нам на таком положении:

1. Гречь—с четвертого.
2. Жито—с третьего.

И чтобы он, Заворотный, со своей третьей части выдал на жачку по 10 снопов с каждой копы или сам сжал свою часть.

Братья наши! Долго сосали нашу кровь паны-помещики, начальники разные, да поны долгогривые. Долго мы терпели да молчали. Все думали: вот уже услышит царь-батюшка про нашу

¹⁾ Означенный помещик был убит в 1917 г.

жизнь горемычную, про нашу нужду лютую и поможет... Ан тут-то было: мы и не домыслили того, что царь сам первый пан и помещик и что не чета мы ему, паны да чиновники разные ему много любезнее нас, вечных тружеников. И теперь только прозрели наши глаза, затканые паутиной. Мы увидели на деле, как нас опекают, когда наши детки воют, когда мы сами подыхаем от голода—нас кормят от царского имени пулями, тюрьмой, да нагайками. Нет, братцы, пора нам взяться самим за наше кровное крестьянское дело. Нас сила—на нас да на фабричных рабочих весь мир держится. Станем же, братцы, сами добывать себе лучшую жизнь.

Вас, братцы-крестьяне селений: Каташино, Манюки, Большого Кривца, Лакомой Буды и деревень Гулевки... мы призываем собраться на сельские сходы, постановить такие решения, как наши, и присоединиться к нашей борьбе. Еще предупреждаем мы всех, что на экономические работы к Заворотному, пока не удовлетворят все наши требования, мы никого из посторонних не допустим. С противниками же нашей воли расправимся. С Иудами-предателями мы тоже расправимся по-своему, а нет... просто убьем их.

Крестьянское братство.

Аналогичные требования и за той же подписью были предъявлены крестьянами во второй половине июня месяца и в ряде других деревень Новозыбковского у. (например, Белый-Колодезь и др.), с каковой целью составлялись соответствующие сельские приговоры.

Крестьяне зорко следили за выполнением этих приговоров, за тем, чтобы не было птрейкбрехеров и т. п. Так, когда один крестьянин вздумал нарушить приговор и поехал в поле пахать панскую землю, то на улице его встретила толпа крестьян и заставила его вернуться домой...

В с. Карповичах и других деревнях того же уезда с июля месяца также началась агитация: крестьяне собирались, читали прокламации, газеты и пр., при чем—говорится в одном донесении—«разъяснялась необходимость грабить помещиков. С сентября же крестьяне стали постепенно приводить в исполнение то, чему их учили на сходах».

Вообще летом 1905 г. толки крестьян об «агитаторах» и «демократах» были широко распространены среди крестьян.

На этой почве создавались разные рассказы, были и небывлицы. Так, один крестьянин Синего-Колодезя передавал, что будто бы один кадетский деятель «наказывал сельскому старосте не трогать никого из демократов, когда кто-нибудь из них явится на село, так как иначе демократы их будут жечь; если же их не трогать, то они побудут и уйдут».

В одном селении того же у., Спиридоновой-Буде, дело доходило даже до попыток разгрома помещичьего винокуренного завода, но погром был предотвращен. Вот как это случилось.

27 марта 1905 г. в Спиридоновой-Буде было получено письмо из Киева на имя неграмотного крестьянина Ковалева. Письмо было без подписи и заключало в себе обращение не к Ковалеву лично, а ко всем крестьянам Спиридоновой-Буды. В означенном письме рекомендовалось крестьянам забирать у местного помещика Розенбаха сено, выгонять на клеверное поле для пастьбы скот; при чем добавлялось, что 23 апреля «прибудут сюда революционеры и помогут крестьянам».

С приближением пасхи разговоры о предстоящем разгроме имения Розенбаха усилились. 12 апреля крестьянин Пилипенко, проезжая через дер. Карпиловку и встретя жену ключника Карпиловского имения Розенбаха Самбурскую, сказал ей: «Я еду в Злынку, где подам телеграмму, чтобы приехали праздниками те, что везде производят грабежи в имениях, и сделали бы то же самое и в имении Розенбаха». Самбурская сейчас же донесла об этом полиции. Пилипенко, при допросе его, не отказываясь от своих слов, объяснил, что говорил это в шутку и телеграммы, конечно, никакой не посылал. Пилипенко все-таки был привлечен по обвинению в государственном преступлении.

Этот маленький эпизод, будучи сам по себе совершенно незначительным, является в то же самое время чрезвычайно показательным для обрисовки господствовавшего тогда среди крестьян настроения.

Но вот в апреле месяце в имении Розенбаха были разгромлены лесные сторожки, и имущество сторожей было разграблено, а самим сторожам были нанесены побои за то, что они задержали крестьянский скот, пасшийся на помещичьей земле. У сторожей были отобраны ружья и револьверы. По полицейскому дознанию «виновным» тут был крестьянин Черноручкий, только что вернувшийся в Спиридонову-Буду после двухлетней отлучки и сейчас же занявшийся подбором себе «компании».

В донесении исправника рассказывается, как упомянутая «компания» вербовала себе сторонников. Встретя на улице крестьянина Коноплянника, они предложили ему присоединиться к ним, угрожая, в противном случае, смертью. Когда Конопляник дал согласие, его заставили стать на колени, поднять вверх два пальца правой руки и принять «присягу», повторяя за Черноруцким такие слова: «Должен идти туда, куда они поведут, делать то, что они будут делать и не говорить никому».

Такая же «история» была тогда же проделана «компанией» еще с одним рабочим экономии, встретившимся на улице.

Затем вся эта «компания» отправилась на винокуренный завод Розенбаха, где, встретя другого рабочего, также «привела его к присяге» указанным способом.

По вызову акцизного чиновника на завод явилась полиция и принялась удалять пришедшую «компанию». При этом Черноруцкий уговаривал своих товарищей не подчиняться требованиям полиции: «Я не уйду,—заявлял он,—пока не исполню того, что задумал».

Но вот стали ходить слухи, что 23 апреля будет разгромлено имение Розенбаха. Были вызваны взвод казаков и рота пехоты. Сейчас же было приступлено к арестам «замеченных бунтовщиков».

По словам донесения исправника, к «участникам беспорядков» было общее сочувствие крестьян. Так, несмотря на требования властей, волостной старшина и сельский староста не могли дать сведений, где скрываются «виновные». И когда полиция производила розыск в домах Черноруцкого и других, то возле их домов собиралась толпа крестьян и крестьянок, которые поднимали шум и крик, заявляя, что полиции не удастся найти «участников беспорядков» и что полиция вообще не имеет права их арестовывать без согласия крестьян...

«Только прибытие казаков и роты пехоты,—добавляет донесение исправника,—несколько отрезвило крестьян и привело к сознанию о том, что борьба с правительственной властью для них непосильна».

По донесению исправника, подготовлявшийся разгром винокуренного завода с приходом войск был предотвращен.

Нельзя при этом не отметить, что в жандармском донесении по поводу вышерассказанных происшествий заявляется, что «беспорядки» были вызваны не обострившимися отношениями кре-

стьян к экономии, а «исключительно подстрекательством и преступной агитацией (Черноручцкого и др.). Еще до праздника пасхи некоторыми крестьянами были получены от своих односельцев из Екатеринославской губ. письма, где говорилось о необходимости грабить экономии и предлагалось готовиться к этому».

4. Настроение крестьян в других уездах.

В других уездах Черниговской губ. настроение крестьян весной и летом 1905 г. было тоже беспокойное и приподнятое, при чем в одних местах оно ограничивалось «брожением умов», предъявлением помещикам разного рода требований—сдачи земли в аренду, повышения платы экономическим рабочим, снятия рабочих и т. п.; в других местах оно уже начинало выливаться в форму порубок, потрав, поджогов, увоза хлеба и даже покушений на помещиков. В этот период еврейских погромов еще не было: они произошли после 17 октября. Только в одном Городнянском у. произошли случаи разграбления помещиков-евреев.

Но все эти формы крестьянских волнений в этот период носили еще, так сказать, нерешительный характер,—характер пробы сил, как бы подготовки к осеннему и зимнему движению, когда это последнее в некоторых местах напоминало собою восстания..

Особенно настойчиво были предъявлены требования к помещикам крестьянами с. Петровки в Козелецком у.

В мае 1905 года козелецкий исправник сообщает, что между крестьянами с. Петровки и экономией княгини Ливен «установились обостренные отношения по вопросу о выпасах для скота».

До этого года выпасы отдавались экономией за отработки: за одну десятину надо было убрать десятину пашни и десятину сеянной травы. В 1905 же году крестьяне отказались брать выпасы за отработки, предложив вместо того по шести руб. за десятину. Управляющий же меньше как по 8 р. не отдавал. 6 мая состоялся третейский суд. Решение не состоялось, так как представители крестьян считали справедливым назначить 6 руб., экономия требовала 8 р., а председатель суда стоял за 7 руб.

Крестьянам—доносили жандармы в департамент полиции—требовалось для выпасов до 130 дес. Крестьяне пользовались этой землей в течение 30 лет, и у них сложилось убеждение о безусловном праве крестьян на эту землю.

В июле из Москвы возвратился управляющий именными Ливен и привез разрешение от последней на отдачу в аренду, кроме уже отданной земли, еще 47 дес. беднейшим крестьянам, вспаханных экономией для себя. Для объявления этого решения помещицы земским начальником был собран сход, на который собралось до 1.000 крестьян.

Когда на этом сходе было объявлено крестьянам упомянутое разрешение, то со стороны крестьян последовал такой ответ: «мы просили не 47 дес., а для всех крестьян... Это—насмешка... Если не дадите, то мы сами распорядимся».

Исправник так при этом характеризует настроение крестьян: «они держали себя грубо и говорили дерзко». В задних же рядах раздавались возгласы неудовольствия по адресу присутствовавшего земского начальника; при чем говорили: «получен приказ удовлетворить всех крестьян землей, а вы (т.-е. земский начальник) этот указ скрыли»; высказывали также, что «от княгини уже давно пришла телеграмма насчет земли, а земский начальник нарочно задержал эту телеграмму».

В экономию затем явилось около 60 душ, повидимому, беднейших крестьян, которые заявили, что они отказываются взять 47 дес., так как такого количества недостаточно для всех; выделять же беднейших они не хотят, во-первых, потому, что считают таковыми всех своих односельцев и, во-вторых, во избежание споров и недоразумений между крестьянами. При этом явившиеся в экономию заявили требование отдать крестьянам в аренду по $\frac{1}{4}$ дес. на каждого, а всего до 300 дес.

На предложение управляющего получить вдобавок к 47 дес. еще 120 дес. в даче с. Казацкое крестьяне решительно отказались. Ввиду пререканий решено было послать кн. Ливен телеграмму с изложением требований крестьян. Крестьяне разошлись, угрожая приступить «к самовольному распоряжению землей», если их требования не будут удовлетворены. Вследствие такого настроения крестьян в с. Петровку была послана полусотня казачков.

Крестьяне все надеялись, что Ливен удовлетворит их просьбы. Козелецкий исправник от 8 августа доносил, что крестьяне с. Петровки продолжают отказываться от получения земли в аренду в Казацкой даче, а также не желают взять и разрешенных к отдаче в аренду 47 дес., находя, что это число недостаточно. Между тем, — продолжает исправник, — время уходит и крестьяне,

в силу своего упрямства, останутся в крайне критическом положении, не произведя совсем запашки на будущий год. В надежде, что Ливен уступит, крестьяне хотели было собрать сход для выбора уполномоченных для посылки к помещице, но земский начальник схода не разрешил.

Так как ожидания крестьян не сбывались, они стали время от времени пускать в ход «традиционное средство» — красного петуха.

Так, 1 августа была подожжена помещицья скирда сена. 12 августа сгорел от поджога помещичий сарай с разного рода имуществом. В ту же ночь был сделан поджог нового нежилого дома в парке, но огонь был замечен и потушен. 13 августа в парке сгорела от поджога сторожевая изба с постройками, 19 сентября были подожжены два сарая.

Таково было настроение крестьян в с. Петровке...

В с. Петровке был крестьянин Андриян Захаренко, пользовавшийся громадным влиянием на крестьян; он же, в конце концов, был избран крестьянами уполномоченным на ведение дела с княгиней Ливен «об отпуске земли».

В ночь на 4 сентября в Петровке были разбросаны прокламации Киевского комитета украинской революционной партии, призывавшие крестьян к забастовке с целью повышения заработной платы при кошке бураков и доставке их на сахарный завод.

4 сентября в с. Петровке был сельский сход. На этом сходе, «по настоянию Захаренко, была прочитана упомянутая прокламация. Читал крестьянин Гладышко. Когда эта прокламация «несколько прочиталась», Захаренко обратился к старосте, находившемуся в соседней комнате, с такими словами: «Староста! Иди, послушай. Читается прокламация...»; на это староста ответил: «Я слышал это целый день». После прочтения прокламации, Захаренко сказал, что он слышал, что «есть какие-то святые листки с золотыми буквами», в которых говорится, что если кто пойдет копать бураки, то будет гореть».

Действительно, в ночь на 5 сентября сгорели от поджога клуны с хлебом двух крестьян, взявшихся возить помещицьи бураки. Тогда же, возле избы одного из этих крестьян, была найдена записка такого содержания: «Смотри, дурак, это тебе бураки».

У Захаренко и Гладышко были сделаны обыски, но ничего не было найдено. Однако, 12 сентября приставом было сделано

распоряжение об аресте Захаренко, так как последний «сильно не только агитирует местное население, но проявляет преступные цели и угрозы».

В том же Козелецком у., в с. Старом и Новом Быкове, крестьяне предъявили к экономии баронессы Мейендорф требование дать крестьянам в аренду земли по 7 р. за дес.; экономия же требовала под озимь—по 16 р. за дес., а за другие угодья—по 11 руб. Притом же экономия соглашалась отдать лишь свободные участки, и, следовательно, не все крестьяне, нуждающиеся в земле, получили бы удовлетворение. Такой ответ «взволновал крестьян, и они собирались было произвести перепалку свекловичных плантаций «самоуправно». Но, в конце концов, крестьяне не выдержали и приняли условия экономии. Впоследствии, по просьбе крестьян, экономия уступила 1 р.

В с. Озерянах крестьянами были предъявлены местным помещикам требования об отдаче в аренду своих земель. В имении Иваненко, в том же селении, была подожжена скирда сена. То же имело место и в других селениях.

Упорные толки о необходимости насильственного отобрания земли у помещиков ходили в начале марта и среди крестьян м. Веркиевки Нежинского у. Недолго спустя в селе была найдена «записка», призывавшая крестьян к участию в разграблении экономии сахарозаводчика Терещенки. 15 марта в Веркиевке была ярмарка. «Для обеспечения порядка и спокойствия» был усилен состав местной полиции. Разгром экономии не состоялся. Но 6 апреля в Веркиевке произошел ряд поджогов крестьянских построек. На улице была найдена записка такого содержания: «Не дали разбить экономию Терещенки, так теперь будете гореть сами. Сначала—богачи, а потом—и бедняки».

В другом селении того же уезда, Макиевке, в мае произошли «недоразумения» между крестьянами и арендатором имения Коллегии Галагана 1). Отношения между арендатором и крестьянами настолько обострились, что, по словам донесения исправника, «возможно было ожидать аграрных случаев»...

Неспокойно было и в Городнянском у. В ряде селений—Выхостове, Тупичеве, Великом-Листвене и Пекурове—еще с весны стало по селам появляться много прокламаций.

В с. Тупичеве, в имении председателя Черниг губериск.

1) В Киеве была гимназия, называвшаяся „Клегией Галагана“.

земской управы А. А. Свечина, была найдена прокламация, написанная рукой печатными буквами, за подписью «Н. Правдивый». Прокламация начиналась общим призывом: «Товарищи-крестьяне, казаки и весь народ рабочий. Проснитесь и стряхните с себя царский и помещичий гнет, которым они душат нашего брата-простолюдина несколько лет подряд... Приступим к поголовному избиению помещиков, а в особенности Свечина и т. д.». В прокламации предлагалось «помнить», что земля, которою владеет Свечин, была еще до освобождения крестьян отнята у последних, что об этом цари знали, но ничего не делали, потому что они—тоже помещики» и являются «самими богачшими в России и самими горшими мошенниками, например, нынешний царь Николай имеет в имениях своих 47 милл. десятин земли и несколько заводов, где также крестьяне отбывали крепостное право и царские управляющие мучили народ». Прокламация кончалась так: «Помолимся, товарищи, богу и дружно возьмемся за святое дело». Сбоку была сделана такая приписка: «День избиения будет объявлен звуками труб по приходе партии социалистов. Полицейскую сволочь до избиения уничтожить».

Один крестьянин с. Пекуровка по этому делу показывал, что в Пекуровку приезжали два раза «разные господа, вроде как генерал с кокардой и в лампасах», собирал сходы и говорил крестьянам разные речи, «что именно говорил, он не может сказать, но говорил нехорошо,—как будто возбуждал крестьян к бунту»... А потом приезжал другой агитатор—показывал тот же крестьянин—этот «говорил уже все очень худое: забирайте топора, секиры и отправляйтесь в панские леса».

В с. Листвене того же у., в им. Дуний-Барковского, крестьяне в июне месяце стали пасти скот в молодом лесу. Уговоры исправника не помогли. Была прислана на постой военная сила. В том же имении в августе месяце толпа крестьян, человек в 40, подойдя ночью к паровой молотилке, стоявшей на поле, начала в нее стрелять. Сторожа от страха убежали. Виновные не были обнаружены.

В с. Буровке, в имении богатого пом. Зороховича, в поле в его домах тремя громами было разгромлено все имущество. Затем вторично в начале августа, ночью, в то же имение явилась толпа молодых крестьян, в числе до 40 душ, и разгромила дом.

Любопытный эпизод имел место в с. Локнистом, Черниговского у.

Крестьяне сел. Локнистого и Гусавки, в числе до 70 человек, 19 апреля устроили на лодках в саду, перед усадьбой богатой помещицы Калцевич, «сборище»: произвели «целую демонстрацию»,—выбросили красный флаг, кричали «ура» и т. п. Командированные «на место преступления» урядник и городовые «виновных» уже не застали.

Донося об этом «случае», исправник писал: «Настроение части крестьян приподнятое. Возможны беспорядки. Необходимо усилить охрану».

После рассказанного «события» жизнь в с. Локнистом стала «очень беспокойная». В село стали наезжать «какие-то студенты» и тайно устраивать «сборища и сходки». Из среды местных крестьян образовалась группа лиц, начавших принимать деятельное участие в этих собраниях. Из этой группы особенно выделялось четверо крестьян (Антон Тасун, Аф. Стасюк, Иван Луцик и Харлампий Москаленко), составивших «одну компанию, довольно крепко державшуюся вместе». Но в первое время «крестьянские агитаторы» ничем себя не проявляли, и только с той поры, как в Локнистом стал наезжать из Чернигова рабочий Самуил Кардашенко, в Локнистом «началась работа» (Кардашенко был членом Черниговской с.-д. организации).

Упомянутая четверка начала «вербовать» крестьян, которым предлагалось «дать подписку» не пить водки и не платить податей, так как и те и другие деньги идут в пользу «больших панов да чиновников». Лицам, которые давали такую подписку, будто бы, выдавались револьверы для борьбы с полицией и другими властями. Можно было, например, наблюдать крестьян, ходивших на работы в экономии с револьвером в кармане. Весьма часто проделывались такие «манifestации»: возвращались, например, с поля крестьяне; дойдя до помещичьей усадьбы, они останавливались и, произведя в воздух несколько выстрелов, с песнями продолжали затем домой свою дорогу. Народ—значится в одном показании—становился «все нахальнее и нахальнее», и однажды «дело дошло до того», что один из «видных местных агитаторов» учинил такую «дерзкую смелость»: увидя на улице стражника, он вынул на глазах последнего из кармана прокламацию и, показывая ее стражнику, «выпалил» такие слова: «на... смотри... вот прокламация...» И тут же, «не стесняясь», стал читать крестьянам эту самую прокламацию и ходить с нею по

селу. «Что мог я сделать,—жаловался жандармам стражник,—я был один, а за Москаленку поднялось бы все село»...

Последнее замечание представителя деревенской власти весьма любопытно, оно живо свидетельствует о том возбужденном настроении, в каком пребывало крестьянство в некоторых деревнях Черниговской губ. еще до октябрьской революции 1905 г.

С того времени по селу стали часто попадаться разбросанными прокламации и другие «преступные издания».

Но вот в начале августа примкнувшие к «преступному обществу» стали открыто заявлять по селу, что «на Спас» (т. е. 6 августа) в Локнистом состоится большая сходка, на которой будут «разъяснять законы и права». К этому же времени снова приехал из Чернигова Кардашенко.

Ввиду «надвигавшихся событий» управляющий имением поспешил уехать из села вместе с семьей. Сходка действительно собралась 6 августа вечером на огороде. На сходку пришли не только крестьяне села Локнистого, но также и из соседних селений—Горицы, Гусавки, Авдеевки, Горбова, Дурней и даже из заштатного городка Березное. Народу собралось много—до пятисот душ... Было уже около 9 час. веч. Стала всходить луна. Вскоре пришел на сходку и Кардашенко в сопровождении Тосуна, Стасюка и Москаленко. Они прошли в середину толпы. Вокруг места, где происходила сходка, ходили специально назначенные «сторожа» и охраняли собравшихся от нашествия полиции. Кардашенко начал речь. Содержание последней было таково:

«Вы уже знаете, что стражник поехал дать знать полиции о сходке... А разве мы сюда собрались с какими-нибудь дурными намерениями?! Разве мы собираемся разграблять кого-либо?! Мы собрались только для того, чтобы обсудить свое положение, разъяснить законы и т. п. Так давайте же не допустим, чтобы полиция разогнала нашу сходку... Полиция.. Зачем она нам?! Чтобы только мучить нас... Отчего у нас народу плохо живется? Оттого, что все власти, начиная с царя и до последнего стражника, никуда не годятся... Нужно переменить все власти, уничтожить самодержавие и устроить «новое правление через выборных людей—республику». Необходимо «соединиться, сначала по одному селу, затем несколькими селам и т. д.» Но, чтобы «добиться исполнения своих желаний», чтобы «добыть себе свободу и волю», для этого надо бороться с властями. А для этого надо

запастись оружием, ибо «если власти попробуют заставить народ подчиниться, то надо будет силой дать отпор». Говорил также оратор и о том, что не надо платить податей и не давать рекрут. В заключение оратор предложил пожертвовать на приобретение оружия. Собравшиеся сочувственно отнеслись к этому предложению и тут же стали давать деньги. После Кардашенкова говорил Стасюк. Затем сходка стала расходиться. По дороге толпа остановилась возле дома священника и запела революционную песню. Вышел поп и попросил прекратить пение. Толпа уступила просбе и мирно разошлась.

Кардашенков уехал из Локнистого, но в г. Березном (недалеко от Локнистого) был арестован. Был также арестован и Тасун. Узнав об этом, крестьяне с. Локнистого собирались пойти в Березное и силой «отбить» обоих арестованных; но это их намерение осталось невыполненным.

В другом селении того же Черниговского у., Горбове, крестьяне тоже пробовали свои силы: толпой в несколько сот человек, руководимые Тихоном Смолянко (бывший сторож «неблагонадежной» Черниговской общественной библиотеки), они отправились в экономию помещицы Иващенко и предъявили требования об увеличении поденной платы экономическим рабочим, заявив при этом, что, если это требование не будет удовлетворено, они будут препятствовать производить работы. Пробыв около часу в экономии, толпа удалилась, не произведя никаких беспорядков.

Такая же «проба сил» имела место и в Медведовке Стародубского у. Крестьяне запахали и засеяли овсом спорный участок помещицкой земли в 6 дес. Прибывшие на место земский начальник и пристав уговаривали не запахивать земли. Крестьяне отвечали, что, если начальство не сделает распоряжения насчет всей спорной земли (всего крестьяне оспаривали 94 дес.), то они заберут урожай не только с засеянных ими 6 дес., но и со всего участка в 94 дес. Но, очевидно, эти угрозы не были серьезными, ибо помещица перепахала указанные шесть десятин и засеяла их вновь. По этому случаю крестьяне говорили: «Пусть растет, а мы будем пасти скот или же сами соберем, так как, по плану, земля—наша». В донесении жандармского унтер-офицера по этому поводу говорится так: «Крестьяне остались более сурьезными... Они решили никого не слушать, а держаться всем в одно, и тем считают добиться самоправа владения землей».

Встречались в этот период и порубки помещичьих лесов: такие случаи были в уездах Стародубском (м. Понуровка) и Суражском (с. Рожны). Для «умирения» были отправлены стражники.

Как мы увидим ниже, зимой 1905 г. из всех 15 уездов тогдашней Черниговской губ. крестьянские беспорядки приняли особенно бурный характер в Суражском у. Но в первую половину 1905 г. настроение крестьян в этом уезде особенно не выделялось. Суражский у. был самый бедный (плохая почва и др.), экономическое положение крестьян здесь было особенно тяжелое. Крестьяне были угнетены и забыты. Нужна была «октябрьская встряска» 1905 г., чтобы, наконец, суражский крестьянин «раскачался».

Однако, уже и в первую половину 1905 г. имели место в деревнях Суражского у. «инциденты», указывавшие тем, кто был еще на этот счет слеп, что в деревнях Суражского у. царит большое недовольство, для проявления которого нужна была только «приклика», нужна была лишь «зацепка»...

Вот маленький, но характерный «случай»: крестьянин с Богородского Бессмертный остался недоволен тем, что его дом был застрахован по пониженной страховой оценке. Винил он в этом сельские власти. И вот на сходе, в конце января 1905 г., Бессмертный стал спорить по этому делу с писарем и при этом произнес такую «бунтовщическую речь»: «не дурно (т. е. не напрасно. *И. Др.*) был бунт в Петербурге (речь идет о девятом января. *И. Др.*)... Здесь тоже нужно бунтоваться... Нет глупо, что последовало два выстрела в дворец государя... Аминь России... Не в Питере надо бунтоваться, а здесь, благодаря таким порядкам, какие устраивают староста и писарь... Вот благодаря таким порядкам и бывают бунты»...

Но в с. Богородском не случилось бунта, а вот в с. Ущерье, того же Суражского у., действительно произошло «маленькое бунтовство», о чем будет рассказано в следующем очерке.

Неспокойно было и в других селениях того же Суражского у.

В с. Чертовичах было произведено нападение на имение зн. Долгоруковой; в с. Воловке крестьяне «самоправно» забирали на полях помещичьи хлебные копы, а в с. Творишине крестьяне собрались было выкопать помещичий картофель на пространстве нескольких десятин. Но осуществить это намерение крестьянам не пришлось, так как в деревню были присланы казаки, приехали и другие власти—исправник, пристав, урядники и стражники.

В Борзенском у. «брожение умов» среди крестьян в марте 1905 г. настолько стало заметно, что туда были командированы два жандармских унтер-офицера «для собрания совершенно секретным путем сведений о настроении крестьян, которые, как говорят, кем-то возбуждаются против дворян-землевладельцев».

По донесению этих унтеров, в с.с. Красиловке и Плиских замечается «брожение против пом. Логачева и Конисского»: крестьяне недовольны тем, что помещики отдают свои земли в аренду не им, крестьянам, а евреям; последние же не передают земли крестьянам в обработку, а сами ведут хозяйство. Между крестьянами «идет слух», что, если бы кто «сделал почин», то все крестьяне пошли бы грабить помещиков. У одного крестьянина в Плиских устраивались «сборища», где обсуждались вопросы «относительно притеснения, чинимого пом. Конисским».

В с. Коношевке, того же Борзенского у., произошел такой случай.

18 августа, в 1 час ночи, в подъезжавшего к своей усадьбе предводителя дворянства, помещика Кочубея, из-за забора было произведено три выстрела из револьвера. Никто не был ранен. Кочубей высказал подозрение на бывшего учителя Веремеенко. Произведенный у него обыск револьвера не обнаружил; но галоши и платье Веремеенко найдены были запачканными в грязи, а следы стрелявшего «вполне соответствовали» следам галош Веремеенко. Последний был задержан, а дело было передано судебному следователю.

Донесение в департамент полиции дает такую характеристику Веремеенко:

«Веремеенко принадлежит к числу лиц крайне вредного направления, и на его прикосновенность к пропаганде неоднократно были указания, хотя не представилось случая формально изобличить его в преступной деятельности. При обыске у него найдена прокламация Кишиневской партии с.-р. В прокламации идет речь по поводу манифеста с обещанием созвать народных представителей. В ней царь изобличается во лжи, и делается призыв вооружаться оружием и готовить народное восстание. Только таким путем,—заканчивается прокламация,—мы добьемся лучшей доли, светлого социализма».

Как ни слабо еще проявлялось недовольство крестьян Черниговской губ. в первую половину 1905 г., однако и в этот период немало было «аграрных случаев», когда власти быстро принимали

меры для ликвидации этих самых «случаев» путем посылки в деревни не только полицейских сил, но и военных,—эти силы посылались не только туда, где что-нибудь у же «приключалось», но даже и туда, где еще ничего не случилось, но «могло случиться».

Стоило, например, в хуторе Терещенко, в Путивльском у. Курской губ., граничащем с хутором Скибницы, Конотопского у., Черниг. губ., появиться в марте месяце «подметным письмам с угрозами», как туда черниговским губернатором были посланы войска.

И что же?! Если хотите, для «тревожности» властей было достаточно оснований...

Так, в дер. Веревка того же Конотопского у. была найдена «записка», предупреждавшая, что в ночь с 13-го на 14 марта будет разгром имущества дворян, мещан и богатых казаков. Пусть подобные «записки», «подметные письма» и тому подобные «нехорошие бумажки» писались «беспокойными головами»... Но... когда любая деревня напоминала собою в то время бочку, наполненную порохом, то даже самые маленькие искорки—вроде упомянутых «записочек»—способны были зажечь пожар...

За первую половину 1905 г. в жандармских архивных «делах» оказался только один случай, где целью агитации было направить крестьян не на разгром помещичьих экономий, а на то, чтобы заставить помещиков «как бы добровольно» передать крестьянам свои земли. Как на средство для достижения этих целей, крестьянам рекомендовалось не брать земли у помещиков в аренду,—не идти к ним ни на какие работы, вообще «вполне игнорировать их», чтобы тем или иным путем заставить помещиков обрабатывать землю своим трудом, а остальные земли отдать крестьянам.

Такой «случай» имел место летом в м. Мене Сосницкого у. Однако этот «случай» агитации не может быть признан показательным, ибо в м. Мене агитировал не крестьянин, а студент.

Ниже, когда будет речь о крестьянском движении после 17 октября 1905 г., мы увидим, что «мирные пути» получения земли от помещиков стали пропагандироваться со времени основания так наз. «крестьянского союза»—организации, по духу своему и по царившим там влияниям, более интеллигентской, чем крестьянской... Возможно, что упомянутый студент в м. Мене вел агитацию, руководствуясь решениями первого тайного съезда

крестьянского союза, бывшего в Москве 31 июля—1 августа 1905 года.

До октября идеи крестьянского союза не получили еще более или менее широкого распространения среди крестьян Черниговской губ. Такое распространение началось после ноябрьского съезда крестьянского союза.

5. От «брожения умов» к разгромам.

В 1905 г. «брожение умов» в среде российского крестьянства выразилось особенно интенсивно. В настоящем очерке, на основании одного из архивных дел бывшего черниговского губернского жандармского управления, передаем один эпизод из области «аграрного брожения умов», имевший место в Суражском у.

«Дело» носит название: «о распространении среди крестьян м. Ущерпя, Суражского у., Черниговской губ. преступных воззваний», или иначе: «о крестьянине Григории Петрове Головко, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 129 ст. Уголовн. Уложения».

«Дело» это—несложное. События относятся к летнему времени 1905 г. Суть его такова.

В Ущерпье находилось имение богатейшего помещика и в то же время земского начальника И. И. Листовского.

Настроение окружающего крестьянства по отношению к помещичьей экономике было боевое. Агитация против экономики имела среди крестьян большой успех.

Главным агитатором был крестьянин соседней дер. Писаревки Гр. Петр. Головко. В шеле 1905 г. за агитацию против экономики Листовского Головко был арестован. Освободила его из тюрьмы октябрьская революция 1905 г.

Вот и вся внешняя суть «дела». Таких «дел» в архиве бывшего Черниговского губернского жандармского управления много. Но данное дело очень выделяется по своему внутреннему содержанию, по тем эпизодам, которые там имели место, наконец, по личности агитатора Головко. Любопытна также и фигура помещика Листовского—либерального консерватора, земского деятеля: он был одно время председателем Суражской земской управы и гласным Черниговского губернского земства.

Мы начнем с конца.

8 июля 1905 г. помещик Листовский посылает Суражскому уездному исправнику официальную телеграмму такого содержания: «В Ущерье появились посторонние агитаторы. Настроение местных крестьян, ожидающих прибытия громил, крайне возбужденное. Ожидаются беспорядки. Прошу усилить полицейский надзор. Доношу губернатору. Зем. начальник Листовский».

В тот же день Листовский был послан исправнику письменный донос такого содержания:

«В м. Ущерье и дер. Писаревке в течение более месяца разбрасываются прокламации, при чем время от времени появляются подозрительные лица, «позволяющие себе» возмущать крестьян. Благодаря этому в обоих селениях образовались группы крестьян, «готовых не только сочувствовать пропаганде, но и проявлять активное участие при возникновении ожидаемых беспорядков». В доносе были названы «наиболее влиятельные» крестьяне, а именно: Григорий Головки, Шкода, Пастухов, Сарафанов, Усов, Небера и Белый. Донес помещик и еще на двоих лиц, хотя и проживающих в городе Новозыбкове, но посещавших Ущерье и др. местные селения, — на Сухоцкого и дворянина Ерченко. Об этих двух лицах Листовский прямо говорит, что «они участвуют в Новозыбковском революционном комитете». Вчера, — продолжал доносить тот же Листовский, — после того, как были розданы прокламации, возбужденная пьяная толпа ожидала со стороны Новозыбкова громил, чтобы вместе с ними разнести экономическую усадьбу».

Получив такое сообщение, исправник немедленно выехал в Ущерье и 9 июля «застал в экономии Листовских такое положение»: некоторые вещи укладывались, большую помещицу Листовскую перевели из дома в крестьянскую избу. Помещичья прислуга находилась в панике: она переутомлена, карауля по ночам экономию от вторжения громил... Циркулируют слухи, — доносил исправник жандармам, — что местные крестьяне, настроенные пришлыми агитаторами, поджидают прихода из Гомеля и Новозыбкова громил, чтобы разгромить помещичью усадьбу и убить намеченных пять лиц».

Сейчас же по приезде в Ущерье исправник приступил к обыскам у «подозрительных» крестьян. Во время этих обысков случился «инцидент», живо свидетельствующий о боевом настроении, в каком пребывало крестьянство этой местности Черниговской губ. в июле 1905 г.

К крестьянину Пастухову явились «для розыска листков» урядник, сельский староста, десятский и понятые. Но этого «розыска» им не удалось проделать. В избу вошли двое крестьян и стали ругать урядника «матерными словами». А когда урядник, заметя в углу избы листки «о земле», направился, чтобы их взять, то Пастухов схватил урядника за грудь, сорвал с него погоны и герб с фуражки, разорвал шинель и вытолкал урядника вон из избы сначала на двор, а потом и на улицу. Староста хотел было защитить урядника, но двое упомянутых крестьян помешали ему, начав кричать: «бей их всех».

В это время ко двору Пастухова собралась толпа народу — мужчины и женщины, которые также стали кричать: «бей урядника и старосту». Уряднику со старостой и понятыми еле удалось убежать от гнавшихся за ними Пастухова и его товарищей. Но вот «на выручку» явился сам пристав с целью арестовать Пастухова.

К этому моменту толпа крестьян возросла до 200 чел. Увидя арестованного Пастухова, из толпы стали кричать приставу: «не смей его брать». Пастухову удалось вырваться из лап властей. Пристав снова сделал попытку арестовать Пастухова, но толпа снова не допустила этого... Власти ушли ни с чем. Потом был сделан второй раз обыск в избе Пастухова; однако «листков», замеченных при первом, неудавшемся обыске, теперь в избе уже не было.

А вот еще факт, тоже указывающий, каким резким недовольством было охвачено крестьянское население данной местности.

Через пять дней после рассказанного «инцидента» жандармы приступили к «производству дознания». Но допросить удалось только помещика, его управляющего и двоих крестьян. С допросом же остальных многочисленных «свидетелей» приключился такой «казус».

В своем донесении в департамент полиции производивший «дознание» жандармский подполковник Протопопов замечает, что, «под влиянием паники, охватившей все население, свидетели отказываются от того, что говорили во время полицейского дознания или дают совершенно другое толкование своим словам. А, наряду с этим, другие свидетели просят не допрашивать их, так как иначе их убьют». Ввиду таких обстоятельств жандармерия принуждена была отложить «производство дознания до успокоения населения».

Дождаться такого «тихого» момента жандармам так и не удалось: октябрьская революция 1905 г. ликвидировала все дела о государственных преступлениях, а в том числе и «дело Головки».

Но как же дошло местное крестьянство до такого непримиримого настроения?

В своем показании жандармам управляющий пом. Листовского Дмитриев заявил, что «в отношении крестьян к экономии он до 7 июня положительно ничего не замечал». Управляющий таким своим заявлением хотел сказать, что в «бедах и напастях», переживаемых экономией, повинны только «посторонние агитаторы», впервые появившиеся в Ущерье только 6 июня вечером, о появлении которых, впрочем, говорили только по слухам, но никто из распространявших такие слухи сам этих «посторонних агитаторов» не видал. Прежде всего следует отметить, что из данной местности порядочный процент крестьян ходил на работы в шахты, а также и на Михайловский сахарный завод в Глуховском уезде (недавно перед этим разгромленный).

По показаниям помещика Листовского жандармам, настроение местных крестьян стало заметно изменяться приблизительно с декабря 1904 г. ¹⁾ До этого времени крестьяне вообще мало интересовались чтением, но с этого времени начали ходить слухи, что среди местных крестьян стали появляться в небольшом количестве прокламации, и одна из них—«Пауки и Мухи»—особенно понравилась крестьянам, и про эту прокламацию Листовскому пришлось слышать отзыв, что она написана умным человеком.

Вообще,—показывал помещик Листовский,—с появлением манифестов—декабрьского 1904 г. и февральского 1905 г. ²⁾,—

¹⁾ 12 декабря 1904 г. был издан указ сенату о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. В указе, между прочим, говорилось, что «во главе забот поставляется мысль о наилучшем устройстве быта многочисленного у нас крестьянского сословия», однако «при непремennom сохранении незыблемости основных законов империи».

²⁾ 18 февраля 1905 г. был издан другой манифест, коим предоставлялось «всем верноподанным» представлять правительству свои «виды и предложения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Хотя и этот акт сопровождался обычной оговоркой, сводившей его на-нет, а именно, что «основные законы империи» должны быть «незыблемо и непременно сохранены», однако издание акта 18 февраля 1905 г. было некоторой «победой», которую и использовало крестьянство, собирая на основании этого указа сходь и обсуждая на них вопросы своего «благоустройства» и «благосостояния».

«обещавших крестьянам реформы», крестьяне стали с особым интересом относиться к чтению, они уже перестали довольствоваться такими газетами, как «Дружеские Речи» известного черносотенца и на редкость грязного в нравственном отношении человека, князя Мещерского, и «Сельский Вестник» (орган, издававшийся министерством внутренних дел специально «для обработки крестьян. И. Др.): крестьяне стали им предпочитать газету «Русское Слово». В крестьянах,—показывал помещик,—проявилась заметная надежда на лучшее будущее,—они стали доверчивее относиться ко мне и со вниманием выслушивали мои объяснения по поводу предстоящих реформ, при чем все надежды крестьян свелись главным образом на наделение их излишним количеством земли. Но... такое благодушное настроение крестьян длилось не особенно долго. В начале мая по селам стали распространяться прокламации уже в большем количестве, чем обыкновенно, при чем участие в распространении прокламаций принимали и сами крестьяне. Особенное впечатление производили на крестьян гектографированные прокламации, подписанные «Крестьянским союзом». И с этого времени я заметил, что доверие ко мне крестьян пошатнулось. На сходах уже перестали интересоваться моими словами,—мне приходилось замечать даже иронические улыбки. Особенное воодушевление и надежды на лучшее будущее крестьяне проявили тогда, когда был назначен сход для выбора представителей в Черниговскую комиссию по пересмотру законоположений о крестьянах. Представителем от волости был избран крестьянин Григорий Головки. Выбрали его, как очень развитого и умеющего говорить крестьянина. Но, как я уже упомянул выше, это благодушное настроение длилось недолго: к маю месяцу от этого настроения не осталось и следа.

Вскоре после разгрома сахарного Михайловского завода Терещенки в Глуховском уезде крестьяне Ущерья стали между собою «говорить такие разговоры»: «если бы к нам явились студенты, как при Полтавских и Глуховских беспорядках, то мы бы то же самое сделали, что и они... Что за беда посидеть под арестом месяц... Зато можно нагрabить панского имущества и уничтожить усадьбу»...

10 мая по Ущерью были разбросаны «преступные издания»: 1) «К крестьянам»—Гомельской группы северо-западной областной организации партии с.-р.; 2) «Первое мая»—областного комитета той же организации; 3) «Братья-крестьяне»—крестьянского сою-

за партии с.-р. и, наконец, 4) гектографированная прокламация «К крестьянам» за подписью «Новозыбковского крестьянского братства партии с.-р.».

После разброски этих прокламаций возбуждение крестьян против помещиков усилилось. Стали уже говорить, что, не ожидая прихода «студентов», следует приступить к разгрому помещичьей усадьбы.

6 июня, после захода солнца, в Ущерье собралась большая толпа крестьян, и среди них были будто бы два «неизвестных человека», пришедшие в тот же день в село. Сначала сходка происходила на улице, а потом она перешла в избу Влад. Шкоды. Здесь, по словам одного доносчика, «велись такие речи, что волосы становились дыбом». Но вот на сходку пришли две крестьянки «разгонять своих мужей». Тогда сходка перешла в избу Пастухова. Здесь была прочитана вышеупомянутая прокламация Новозыбковского крестьянского братства. После этого стали раздаваться голоса: «чего мы ждем?! Пора действовать. Нам говорят для нашей же пользы»...

На другой день в Ущерье стали говорить, что на селе «появились книжки с прокламациями». Вообще, с этого дня можно было заметить, что «что-то затевается»... Начали распространяться слухи, что в Ущерье прибудет «посторонняя толпа громил». Даже в Новозыбкове пошли разговоры, что разгромлены усадьбы помещиков Муханова и Листовского. Вообще, всю ночь, с 7 на 8 июня, по Ущерью заметно было «какое-то» движение людей. А 8 числа уже открыто стали говорить, что в эту ночь собираются громить усадьбу помещика Листовского. Предупреждали даже старосту и «других несочувствующих лиц», чтобы они не защищали экономии. Некоторые из служащих экономии также были предупреждены, что, если они будут защищать экономию, то пострадают. Передавали, далее, что будто бы по селу ходили двое «посторонних агитаторов» с двумя крестьянами и «отбирали подписку от крестьян, привлекая их к участию в разгроме помещичьей усадьбы». В тот же день, т.-е. 8 июня, у Вл. Шкоды собралось десятка полтора «заговорщиков», где участвовал и Головки. Это обстоятельство «окончательно встревожило» помещика Листовского, и он сейчас же послал известные уже нам телеграмму и донос.

В ночь с 9 на 10 июня на самом краю села была подожжена погребня. Говорили, что этот поджог был сделан с целью

отвлечь внимание полицейского наряда, специально присланного для защиты помещичьей экономии. Однако, ночь прошла спокойно. Но на другой день была разобрана часть забора, отделявшая экономию от деревни. А в ночь с 12 на 13 того же июня в м. Ущерпье снова случился пожар: подожжены были усадьбы служащих в экономии. Как показатель настроения крестьян, может служить то обстоятельство, что никто из жителей Ущерпья не пришел тушить пожара.

С этого времени паника охватила всех служащих экономии. Все работы приостановились. Помещичья усадьба на ночь оставалась под охраной полиции. А 16 июня из имения выехали и помещики Листовские.

Усадьба, повидимому, не была разгромлена, по крайней мере в деле никаких указаний на этот счет не имеется.

Вот и все «беспорядки», какие произошли в Ущерпье и по поводу каких было создано «дело о распространении среди крестьян Ущерпья преступных изданий», за которое «преступление» был привлечен жандармами местный крестьянин Григорий Головко.

6. Крестьянский агитатор Г. Головко.

Что же это был за агитатор? В деле на этот счет имеются такие указания:

Головко был человек «серьезного возраста»: ему было 52 года. Многодетный: жена и восьмеро детей. Грамотный: грамоте обучался «самоучкой». По имущественной состоятельности—человек бедный. Занимается рыбной ловлей и возит продавать рыбу в Новозыбков. 12 лет назад привлекался по одному политическому делу. На селе Головко пользовался среди крестьян авторитетом и доверием, что подтверждается фактом его избрания на Ущерпском волостном сходе представителем в Чернигов, в правительственную комиссию по пересмотру законоположения о крестьянах. По свидетельству пом. Листовского, выбрали Головко в эту комиссию, «как очень развитого и умеющего говорить крестьянина». По словам того же помещика, Головко часто бывает в Новозыбкове, где для него, как волостного представителя, была составлена революционерами программа тех вопросов, которые необходимо было возбудить в комиссии.

Из Новозыбкова ¹⁾ Головки привозил прокламации. Среди крестьян «у него образовалась партия единомышленников». «Ближайшим приятелем» Головки был крестьянин Семен Небера, пользовавшийся среди крестьян большим влиянием. По словам помещика, оба эти лица были «наиболее активными деятелями пропаганды среди местных крестьян».

Один крестьянин в своих показаниях приставу, а затем и жандармам дал такую характеристику Головки.

Головки—человек очень вредный для населения во всех отношениях. Он часто собирает у себя крестьян, читает им газету, которую сам выписывает. «Другой раз» беседы такие идут «целую ночь напролет». Во время этих бесед Головки рассказывает о том, почему это у панов земли много, а у нас, крестьян, ее нет. Разве мы не такие же люди, как паны?! «Головки называет помещиков пауками, а мужиков—мухами; говорит, что нужно панов давить, как они теперь, подобно паукам, давят нас, мужиков-мух. Выражал удивление, почему это паны—такие счастливицы: у них и власть, и богатство, и все прочее, а у крестьян—ничего: они только бедствуют... Головки возмущает крестьян против существующего порядка, говоря, что пора уже крестьянам проснуться и добиться, чтобы «у всех было всего поровну». Но Головки осуждает не только панов, но и тех крестьян, которые имеют много земли и покупают ее: «это они—пояснял Головки—хотят сделаться панами». Говорил Головки и о забастовках: не следует работать у помещиков за прежнюю плату, а нужно требовать большей: вместо 50 коп. в день—рубль; а если помещик на это не согласится, то бастовать: не идти к нему вовсе на работы.

В церковь Головки не ходит: говорит, что «там больше нагрешить», что «бог—в духе, и ему можно молиться везде». Головки крестьяне зовут штудистом, «за что он не обижается». Однажды Головки «подбивал» крестьян не выдавать попу из хлебо-запасного магазина зерна.

Рассказывал Головки также о «действии Гомельских демократов-евреев», которые однажды, во время одних похорон, не позволили полиции войти на кладбище до тех пор, пока полицейские не исполнили требования—сбросить с себя оружие и стать

¹⁾ Для сведения читателей сообщим, что город Новозыбков был в те годы значительным центром революционного движения, обслуживавшего огромный район не только Черниговской губ., но и соседних. В Новозыбкове были тайные типографии „Бунда“ и других партий.

на колени. Полиция подчинилась. Если бы—говорил крестьянам по этому поводу Головки—они так дружно действовали, то было бы совсем иначе.

Любопытную при этом черточку отметил тот же показатель-доносчик в поведении Головки: последний, прежде чем приблизить к себе человека, знакомится с ним, беседует, разузнает его и, если увидит, что это—человек «подходящий», то тогда начинает его постепенно приближать к себе,—начинает просвещать и «направлять» его; и, в конце концов, находит в нем «последователя в своей пропаганде». От тех же лиц, которых не может сделать своими последователями, Головки сторонится и вообще избегает вести с ними разговоры.

Другой крестьянин дал показание, в общем подтверждающее вышеприведенное. Между прочим, этот второй доносчик показал, что Головки часто говорит крестьянам о разделе земли поровну: «только при такой обстановке, т.-е. когда крестьянам прибавят земли,—только тогда настанет мирная и спокойная жизнь для всех».

* Других показаний в деле нет: как было уже отмечено выше, настроение крестьян было настолько беспокойное, что жандармы вынуждены были прекратить вовсе допросы «до лучших времен». Впрочем, есть показания двух стражников, конвоировавших Головки после его ареста. По словам этих «свидетелей», Головки говорил им следующее: «меня напрасно арестовали... Я ни в чем не виноват... Помещики и крестьяне должны пользоваться одинаковыми правами, и помещичьи земли должны быть разделены поровну между всеми. И я это распространяю. Чем мы, крестьяне, хуже помещиков?... Я распространяю это не только для себя, а и для всего православного люда». Когда проезжали через одну реку, то Головки обратился к пильщикам с такими словами: «смотрите, как невинного человека, который заботится о крестьянах, арестовали и ведут... Если бы я был городовым, то я бы всегда пустил на волю».

Жандармское обвинение против Головки было сформулировано так: «Головки проповедует крестьянам социалистические теории, указывает им на необходимость раздела помещичьей земли, поясняя при этом, что помещиков-пауков необходимо давить, а потому он является виновным в распространении среди крестьян учения, возбуждающего их к ниспровержению существующего в государстве общественного строя». Г. Головки был типичным «крестьянским агитатором» 1905 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. ПОСЛЕ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

1. «Мирным путем».

Основным положением в мировоззрении крестьянства была мысль о том, что земля, в конце концов, должна достаться им, крестьянам. Мысль эта всегда прочно сидела в крестьянских головах; но в 1905 году она достигла своей высшей напряженности. Уже с лета этого года деревня стала полна слухами о «нарезке земли».

Вот один крестьянин села Дегтяревки Новгород-Северского у. вернулся из города и стал рассказывать своим односельчанам о том, что в городе говорили, «будто получена телеграмма—сейчас перерезать землю на каждую душу мужеска пола по 15 дес., не исключая цыган и евреев». Таких примеров можно было бы привести целую массу.

Эта мысль о «нарезке земли», после того как «случилась» октябрьская революция 1905 года, достигла среди крестьян Черн. губ., как говорится, уже точки кипения.

В деревнях стала широко распространяться уверенность, что «вот-вот», «скоро», «весной», «в будущем году» и т. д., и т. д. вся помещичья земля перейдет к крестьянам.

В Ичне, Борзенского у., была найдена прокламация без подписи,—что указывает на местное ее происхождение,—прямо начинавшаяся такими словами: «меж селянами твердо стала думка, що будуть одбіраць землю от панів і ділять усім поровну... Такая думка і законна і правдива, бо наш брат селянин без землі з голоду пухне».

Эта «думка» сделалась настолько актуальной, что крестьяне стали отказываться от покупки земли вообще, даже по дешевым

ценам. Вообще эти отказы от покупки земли имели в то время широкое распространение по всей России.

Так в с. Буромке, Борзенского у., было получено в декабре из Ростова письмо след. содержания: «Чернигов. губ., Иченская вол., Буромка, Марте Тимофеевне Клименко и Никите Сильченко в с. Свиригович и Ивану Нестереву Сильченко. Милостивый государь. Смотрить в оба, чтобы не вискочили с лоба... Помещики будут продавать землю, не покупайте по самой дешевой цене, хотя 5 руб. десятина. Не слушайте мошенников - попов, становых, урядников, которые вас учат на старь лад, земля нам принадлежить вся, чем они теперь владеють. Земля нами должна быть взята бесплатно. За это мы кровь свою льем. Вас пугають солдаты бунтуют,—не бойтесь. Не надо бить жидов, а надо бить наших кровопийцев. Мы все труженики. Пугають войной,—не бойтесь, нам пособляють заграничные рабочие, нас некто не тронеть, мы должны биться до последней капли крови за свое право». В письмо была вложена прокламация Донского комитета РСДРП и листки с телеграммами «Приазовского края». На листках надпись: «все эти листки хранить до мего прибытия».

В с. Дубровке, Новозыбковского у., шла тоже агитация—не покупать «панской земли», так как весной все равно все земли достанутся крестьянам. В эту деревню вернулся в декабре с заработков домой крестьянин Ермоченко и стал «заниматься агитацией». На сельских сходах и в частных беседах он читал крестьянами «какие-то» книжки, «толковал им», что не надо выдавать друг друга. Когда придут казаки, то нужно позвать из Рыловичей «помощь», но «не поддаваться». «К весне все будет крестьянское... Все земли и имущество у помещиков отберут...». «Землю панскую нужно забрать даром». Сделать это нужно так: к помещикам на работу за дешевую плату не ходить... Тогда в экономиях некому будет работать, и паны побросают свои земли, и земля достанется крестьянам».

Уверенность крестьян в том, что помещичьи земли «вот-вот» перейдут крестьянам, достигла в ту пору такой твердости, что на этой почве возникло среди крестьянства течение, пропагандировавшее мысль, что грабить имения, рубить и т. д. нецелесообразно, нехозяйственно, так как все помещичьи имения должны перейти к крестьянам.

Вот «какой-то приезжий учитель», рассказывая крестьянам

д. Бакаевки, Нежинского у., о том, как «произошла Россия», кто ею управлял и как помещики присвоили себе землю, говорил при этом, что «разбивать экономии не следует, а лучше не давать экономиям рабочих и прислугу», и тогда помещик «сам издается». Говорили также приехавшие и о том, что весной «будет по экономиям забастовка по всей России», и что «они хлопочут о том, чтобы крестьянам возвратили выкуп».

Вот в другом у.—Сосницком, в д. Нехаевке, велась агитация «на предмет» убеждения крестьян в том, что громить помещиков не следует, не следует также и рубить помещичьи леса, так как скоро все должно будет и так перейти к крестьянам, и, следовательно, лучше получить неразоренную экономию и с лесом, чем разоренную и без леса.

Подобное же настроение крестьянства наблюдалось и в других районах Черниг. губ.

В с. Жоведи, Городняцкого у., велась агитация, чтобы не брать у помещика земли ни в отработку, ни в аренду, а также не заниматься и на работы в экономии: «этим можно заставить помещиков передать крестьянам земли».

В с. Михайловке, Стародубского у., агитацию вел крестьянин Скрыльков, пользовавшийся среди крестьян громадным авторитетом. В глазах полиции он слыл за «одного из опасных и дерзких агитаторов». Скрыльков предлагал крестьянам объединиться, «обсоюзиться», а пока «панского добра не трогать, не жечь и не грабить». Скоро—говорил он—теперешних властей не будет, а будет другое начальство, выборное... С весны крестьяне будут пахать уже всю землю, и вообще вся земля станет общей... На первый год землемеры не успеют поделить землю, и потому крестьяне поделят урожай поровну...

Вот до каких «деталей» доходили выжидательные мечтания крестьян на счет «долгожданной землицы». Атмосфера была прямо пресыщена тревожными ожиданиями «земельки». Неудивительно, если в тех или других местах эти «ожидания» выливались в бурные действия, погромы и т. п. разрушительные формы: терпения не хватало,—не хватало даже вопреки призывам пользовавшихся доверием крестьянства агитаторов.

Упомянутый крестьянин Скрыльков вел агитацию и в другом селении того же Стародубского у., Шершевичах, где убеждал крестьян не ходить на работы к помещикам, и тогда они сами бу-

дут вынуждены отказаться от земли, и последняя перейдет к крестьянам «без всяких тяжб»...

Словом, среди крестьян Черн. губ. было довольно заметно желание избегать беспорядков, и не вина была—повторяем—крестьян, если терпение их, наконец, лопалось и они принимались за нецелесообразные действия—погромы, поджоги, порубки и т. п.

Вот еще ряд примеров тревожно-выжидательного настроения крестьянства Черн. губ.

В с. Киселевке, Сосницкого у., агитировали, «чтобы подписаться в крестьянский союз». От разных несправедливостей, учиненных народу разными чиновниками,—говорили агитаторы,—можно избавиться только «сообща»... Вот для этого и нужен крестьянский союз... Тогда можно потребовать от правительства «исполнения крестьянских нужд», и если оно не уступит, то «нужно заставить его и принудить»... Для этого не надо давать рекрут и податей. Подати «идут не на пользу крестьян, а на то, чтобы на эти деньги купить орудия и бить ими крестьян»... На учредительном всероссийском крестьянском съезде в Москве (31/VII—1/VIII 1905 г.) были делегаты и от Черниговской губ.

В с. Мартыновке, Борзенского у., земский учитель Тхоржевский говорил на митинге крестьянам такие речи: не выгодно покупать землю через крестьянский банк, так как этим народ сам себя и свое потомство отдает в рабство банку. Нужно так устроить, чтобы помещичьи земли бесплатно перешли крестьянам. А для этого не надо ходить к помещикам на работы, чем можно заставить помещиков отдать добровольно крестьянам свои земли. Но и этого мало: надо устроить крестьянский союз и действовать общими силами. А если и это не поможет, то тогда перестать платить налоги и не давать солдат,—вообще «не признавать властей»...

В с. Николаевке, того же Борзенского у., явились двое крестьянских парней призывного возраста и в сельской сборне принялись за агитацию, читали газеты, объясняли манифест 17 октября, говорили также насчет выборов в Гос. Думу.—Происходящие теперь беспорядки,—рассказывали упомянутые «агитаторы»,—«подстроены» администрацией, не желающей «дать волю народу». Помещики неправильно владеют землей, так как землей может пользоваться только тот, кто сам ее своими руками обрабатывает. Однако насильственных мер к отобранию земли у помещиков принимать не следует, но нужно требовать от помещиков, чтобы они

отдавали землю в аренду по более дешевой цене; если же явятся арендовать землю крестьяне из других селений, то таких «выпроваживать дубиной». Если экономия сама обрабатывает землю, то на работы не ходить, установив 8-часовой рабочий день и высокую плату... «Одним словом, нужно всем сплотиться и действовать».

Вообще из ряда архивных материалов можно видеть, что среди крестьян Черниг. губ. наблюдалось в то время довольно широкое течение, мечтавшее «мирными путями» добиваться осуществления своих требований, улучшения своего экономического положения. Одним из наиболее, так сказать, популярных путей этого рода был путь образования крестьянских союзов. На этот счет в архивных материалах бывшего жандармского управления имеется масса фактических данных.

Крестьянин Мартын Дикий—довольно видный агитатор (ниже будет дана ему характеристика)—пропагандировал среди крестьян в Новозыбковском у. мысль об отобрании земли не с целью «сделать возмущение среди народа», а для того, чтобы «организовать народ в крестьянский союз».

Относительно-широкому распространению по деревням Черниг. губ. идей крестьянского союза способствовала тогдашняя деревенская интеллигенция—земские учителя, фельдшера, врачи и др., убеждавшие крестьян, что «только при условии присоединения к всероссийскому крестьянскому союзу» крестьяне смогут получить землю.

«Зачем вы тихо сидите,—агитировала в декабре фельдшерница Грекова в с. Рундewizии Борзенского у.,—сходитесь вместе, составляйте приговоры о присоединении к крестьянскому союзу и насчет земли... Выберите себе хорошего человека, смените старосту, старшину, писаря, если они будут мешать вам составлять приговоры... Если в этом году не будете дружно держаться и если не будете требовать земли, то никогда ее не получите»...

Надо сказать, что крестьянство Черниговской губ. (да не только одной Черниг. губ.), хотя и оживилось после 17 октября, но до политической зрелости ему было еще далеко. Оно даже в своих протестующих действиях сплошь и рядом сбивалось на старый рабский лад,—на веру в царя и т. п.

Это обстоятельство особенно показательно проявилось в деятельности Покошичского (Кролевецкого у.) крестьянского союза. Покошичский крестьянский союз был одной из весьма

заметных организаций всероссийского крестьянского союза. Свою агитационную деятельность он распространял не только на свое село, не только на свой уезд, но и на соседние местности и другие уезды. Свои обращения он рассылал открыто на официальных бланках Покошицкого волостного правления и за печатью последнего ¹⁾.

И вот в «уставе» такого, можно сказать, относительно-мощного крестьянского союза говорилось, что выход из этого тяжелого положения, в каком находится крестьянство, Покошицкий крестьянский союз видит, кроме ряда мероприятий, также и «в управлении государством выборными людьми вместе с царем». В своем обращении к крестьянам деятели Покошицкого крест. союза заявляют: «мы—мирные люди и на мирную борьбу за наши права зовем вас». Каких «прав» добивался Покошицкий крестьянский союз? А вот каких: «братцы,—говорится в том же обращении,—если вам надоело вечное рабство, если у вас мало земли, а налсти тяжелы, то отзовитесь на наш призыв, соединитесь в один крестьянский союз» и т. д.

И вот, для ниспровержения «вечного рабства», для получения «землицы», для достижения таких «правов» деятели Покошицкого крестьянского союза считали достаточной «мирную борьбу»... Следует сказать, что главными руководителями Покошицкого крестьянского союза были интеллигенты, и как ни расценивать приведенную точку зрения руководителей названного крест. союза (она была, конечно, ошибочна и антиреволюционна), но несомненно, что эта точка зрения, так или иначе,—в большей или меньшей степени,—отвечала тогдашним первобытным политическим мировоззрениям крестьянства; иначе она не была бы положена во главу угла деятельности Покошицкого крестьянского союза.

Но, будучи таковой, позиция т. н. «мирной борьбы» за осуществление заветных крестьянских дум получения земли таила в себе ужасную трагедию: крестьяне, в конце концов, убеждались в своей роковой ошибке, и... и тогда они, охваченные тяжелыми разочарованием, становились подчас способными на самые бессмысленные, на самые нецелесообразные, на самые разрушительные пути—разгромы, поджоги, убийства и т. д., и т. д.

¹⁾ Вопросу о „крестьянских союзах“ в Черниговской губ. нами будет посвящена особая работа.

Вообще, твердой устойчивости в мнениях и настроениях крестьянства, в его поведении в то время не было.

Нельзя также при этом не обратить внимания и на такое обстоятельство.

Как известно, социальная дифференциация крестьянства к годам первой революции достигала значительной степени: среди крестьян были бедняки и полу-пролетарии, были и середняки, т.-е. мелкобуржуазные слои деревни, было, наконец, «крепкое крестьянство», т. е. «сельскохозяйственные мужички», то-есть подлинная крестьянская буржуазия. Само собою разумеется, что эта разность экономических интересов не могла не порождать разности идеологии—социальной, политической и психологической...

Вот, где нужно искать корней, почему в одних селах, в одних районах преобладало одно настроение, в других—другое, в третьих—третье и т. д., и т. д. Вот почему также в одном и том же селении можно было наблюдать различное отношение к средствам борьбы за крестьянские требования,—различное в этом отношении настроение.

Так, напр., в селении Новые Млины Сосницкого у. одна часть крестьян этого села отказалась в декабре подписать приговор об образовании крестьянского союза, составленный местным агитатором крестьянином Роговым, отказалась ввиду того, что в приговоре говорилось о требовании народа, а не о просьбе. Между тем в тех же самых Новых Млинах настроение крестьян было такое приподнятое, боевое, что никакие усилия полиции не могли помешать крестьянам устраивать собрания, сходки и т. п. Народ, не обращая внимания на полицию; «скоплялся кучками», читал «бесцензурные газеты» и прокламации, вообще «бунтовал»...

Примеров подобной «разноголосицы», «разноболя» в поведении крестьянства в деревнях Черниг. губ. можно было в то время наблюдать сколько угодно.

2. Боевое настроение крестьянства.

Но очерченное выше тревожно-выжидательное настроение крестьянства не было преобладающим в деревнях Черниговской губ.; более широкой волной разлилось, напротив, активное настроение, боевое, принявшее, как увидим ниже, в ряде уездов (Городнянском, Конотопском, Новозыбковском и Суражском) форму разгромного, разрушительного крестьянского движения.

Однако прежде чем перейти к изложению событий в этих четырех уездах, приведем ряд фактов по всей губернии, которые, будучи сами по себе мелкими, в сумме своей дают живую картину того боевого настроения, которое переживало крестьянство Черниговской губ. после 17 октября.

В жандармском донесении от 31 декабря говорится: все аграрные беспорядки возникают под влиянием агитации лиц, подобных агитировавшим в разных деревнях Новозыбковского у. крестьянам Турову, Иващенко, Дикому, Мосягину, учителям Дмитриюку и Мячкуму и агитатору Стерлину. Однако арестовать кого-либо из этих лиц можно только случайно. Чинов полиции крестьяне изгоняют и колотят при малейшей попытке проявить какую-либо активную деятельность. При появлении войск агитаторы скрываются, и, благодаря тому, что население им сочувствует, а отчасти видя бессилие полиции и будучи терроризовано, оно (т.-е. население. И. Др.) боится агитаторов,—последних не выдают, и обнаружить их не представляется возможным. Единственный способ прекратить агитацию и беспорядки, это—постановка войск на реквизицию в деревни, укрывающие агитаторов.

Вообще, после 17 октября настроение крестьян становилось все более и более боевым... Накопленная веками ненависть к окружающим порядкам уже не скрывалась, проявляясь в тех или иных формах и действиях.

Так, толпа крестьян проходит мимо квартиры стражника. Нельзя пропустить «удобного случая»,—надо чем-нибудь проявить свое «внимание» к представителю деревенской власти: начинается бомбардировка камнями его квартиры... В другом месте урядник вздумал появиться на сход; но едва он хотел попытаться что-то сказать, как он был взят за шиворот и вытолкнут вон.

На собрание в м. Мрине, Нежинского у., пришел стражник с целью арестовать «приезжих агитаторов». Он был избит с угрозой, что с ним совсем покончат, если он и т. д. На другой день все-таки как-то удалось арестовать одного агитатора и привести его в волостное правление. Но... туда явилась толпа крестьян и потребовала освобождения, грозя, в противном случае, убить бывшего там урядника и разгромить волостное правление.

В с. Холмах, Борзенского у., 28 дек. был созван сход для избрания старосты и десятника. Когда сход разошелся, в сборню явилась группа крестьян, силою отобрала у писаря приговор,

порвала его и написала новый, где избранными в старосты и десятские были показаны другие крестьяне, «участвовавшие в революционном движении». При этом избранным была дана инструкция не принимать присяги, не являться никуда по требованию начальства. Тогда же заставили старосту приложить печать к приговору о присоединении к крестьянскому союзу.

В одном жандармском донесении говорится, что «теперь везде по селам чрезвычайно тревожное положение, при котором пребывание в деревнях «возмутителей» является опасным». И власти, несмотря на объявленные «свободы», через какую-нибудь неделю—другую, а то и раньше, без всякого стеснения стали по всей губернии вновь практиковать свое «ремесло»—арестовывать в деревнях «возмутителей». Даже одно чтение манифеста 17 октября в глазах полиции становилось преступлением.

Однако не везде аресты проходили для властей благополучно. В селениях Хотеевке и Ивановке, Новозыбковского у., было арестовано несколько человек крестьян по обвинению в участии в разгромах и поджогах экономий. Арестованные были помещены в Семеновке в волостное правление, а на другой день толпа крестьян из Семеновки, Хотеевки и Ивановки пыталась освободить арестованных. Толпа была разогнана квартировавшими в Семеновке казаками.

~~В~~ В с. Сытой-Буде, того же Новозыбковского у., три урядника захотели арестовать видных местных агитаторов Иващенко и Стерлина. Но крестьяне этого села «скопом» не допустили этого ареста, угрожая убийством. В Сытой-Буде—писал в своем рапорте урядник—еще с весны появились «демократы», которые теперь все более и более стали «проявлять свои действия против правительства... Большинство крестьян их слушает и верит им»... На сходе в той же Сытой-Буде, созванном зем. начальником, агитаторы Иващенко и Стерлин заявили, что теперь крестьяне «старым законам уже больше не подчиняются, так как у них установлены новые законы, а прежние законы они попирают ногами». Подбрав себе партию единомышленников, названные агитаторы заставили зем. начальника удалиться со схода. После ухода зем. начальника были произведены выборы «гражданского сельского старосты». Избран крестьянин Семен Луговой.

Приводим полностью приговор об избрании гражданского сельского старосты, как интересный исторический документ.

«Приговор 1 января 1906 г. Мы, нижеподписавшиеся, граждане

с. Сытой-Буды Лакомобудской вол. Новозыбковского у., быв сего числа на сельском сходе, по созыву бывших старост Соломенника и Тарабанько, на коем сходе мы признали необходимым сменить тех сословных старост, которые существовали до 1906 г. Руководствуясь манифестом от 17 октября 1905 г., которым население не делится на сословия и должно быть установлено одно звание—государственные граждане, поэтому мы, граждане Сытой-Буды, вместо двух сословных, избираем одного гражданского старосту с назначением ему жалованья на сей 1906 г. 60 руб. и утверждаем в должности старосты гражданина с. Сытой-Буды Семена Павлова Лугового, которого и снабжаем для руководства в должности своей сельской инструкцией. В чем и постановили сей наш приговор к оному и подписали граждане села Сытой-Буды». Дальше идут подписи сначала грамотных, а потом неграмотных; «а за неграмотных, по их доверию, и сам за себя расписался...». На этом приговор кончается. Очевидно, полиция помешала довести до конца.

Приводим также полностью и упомянутую в приговоре «сельскую инструкцию». Она тоже представляет ценный исторический документ.

«Инструкция для руководства гражданскому старосте общества граждан с. Сытой - Буды.

1) Староста, как слуга общества, всецело подчиняется обществу во всех отношениях по службе.

2) До тех пор, пока земские начальники от народа фактически не удалены, то мы в этом отношении признаем нужным слушаться зем. начальника тогда, когда он предлагает что-либо полезное селу своим советом, но никак не по форме старых законов и не входящее вразрез с интересами населения.

3) Принимая в соображение то, что у нас не существует десятников, которые отчасти являлись по службе помощниками старосте, мы назначаем для сбора сходов очередные дежурства по селу для помощи старосте.

4) Если возникает вопрос в селе, которого староста не может решить сам по себе, то для этого мы избираем в обществе несколько человек, которые будут составлять комиссию и заниматься разрешением таких вопросов.

5) Такими вопросами могут быть следующие: так как мы решили не ходить судиться к земскому начальнику, то вопрос судеб-

ный мы решаем сами обществом или особой избранной в селе комиссией.

6) За нарушение общественной тишины и спокойствия старосте дается власть наказывать провинившегося арестом на двое суток и штрафом от 50 коп. до 2 руб. в пользу общественной кассы.

7) Полиции староста не подчиняется, начиная от исправника до полицейского стражника.

8) До тех пор, пока в стране революция, общество, граждане с. Сытой-Буды не подчиняются никакой административной власти, пока не будет созвано учредительное собрание и не установит справедливого порядка в стране».

В других селениях того же Новозыбковского у. тоже было тревожно.

С июля 1905 г. в с. Карповичах велась агитация, собирались сходки, на которых читались газеты, прокламации, при чем «разъяснялась необходимость грабить помещиков». В сентябре—значится в одном документе—крестьяне «стали постепенно приводить в исполнение то, чему их учили на сходках; а в октябре уже наблюдался открытый грабеж помещичьих экономий». На упомянутых сходках говорилось, что так как начальство будет за грабежи арестовывать, то ввиду этого решено было образовать особую кассу из членских взносов для оказания помощи тем семьям, хозяева которых будут арестованы. Интересно отметить, что на тех же сходках был намечен такой «план поведения»: крестьяне не будут оказывать сопротивления властям, если начнут арестовывать за грабежи; но в то же самое время грабежи не должны быть прекращаемы: те, кто останется на свободе, должны продолжать грабежи.

И действительно, несмотря на аресты, грабежи продолжались.

«В настоящее время—говорится в жандармском донесении от 24 ноября—следует ожидать новых беспорядков, которые могут возникнуть под влиянием рассказов депутатов крестьян, бывших в Москве на крестьянском съезде и теперь возвращающихся домой».

Таково было настроение крестьянства в «беспокойном» Новозыбковском у.

Но «беспокойно» было и в других районах Черниговской губ. В этом отношении особенно показательным является Кролевецкий у., где, как мы уже знаем, в с. Покошичах была заложена влия-

тельная организация крестьянского союза. Показательно настроение в деревнях Кролевецкого у. потому, что Покошицкий крестьянский союз вел агитацию в среде крестьян в смысле «мирной борьбы» за крестьянские требования. И однако же, несмотря на это, так сказать, охлаждающее действие названного крестьянского союза, настроение крестьян Кролевецкого у. далеко не было холодным, безразличным...

Вот 25 ноября в с. Покошичах пронесся слух, что в село будет прислана сотня казаков. Народ стал собираться к волостному правлению. Собралось большинство местных крестьян. Решено было: в случае прибытия полиции и войск, таковых в село не пускать, не давать им квартир и не продавать продовольствия и фуража. А кто осмелится не исполнить этого решения, постройки того будут уничтожены.

На митингах в Покошичах агитаторами-крестьянами прямо предлагалось: упразднить полицию, устранить черниговского губернатора Хвостова и ген. Дубасова, посланного царем в Черниговскую губ. для усмирения. Это было уже прямо бунтовщическое настроение...

А вот еще ряд примеров из того же «спокойного» Кролевецкого у.

В д. Царевке «ходили слухи» об агитаторе «из крестьян» Федосееве, что он объехал будто бы всю губернию «с какой-то бумагой» и отбирал от крестьян «подписки» о том, что «все люди согласны на то, чтобы не было царя». «А когда его не будет, то тогда—говорили крестьяне—мы пойдем разбивать помещиков».

Вообще мысль о том, что нужно «уничтожить панов, а их земли самоправно разбить» была в то время широко распространена среди крестьянства Черниговской губ.

Так, в с. Клишках, того же Кролевецкого у., велась агитация «на предмет подстрекательства крестьян к погрому владельческих усадеб и разделу их земель между крестьянами».

В с. Реутинцах шла агитация «о присоединении к крестьянскому союзу с целью отобрания земли у помещиков бесплатно, для чего—начать весной запахивать землю».

Так, по-своему, понимались крестьянами «мирные пути» борьбы за землю, пропагандировавшиеся Покошицким крестьянским союзом. Это—лучшее доказательство того положения, что только та агитация могла иметь успех среди крестьянства, со-

держание которой так или иначе, в большей или меньшей степени отвечало настроению и пониманию крестьян...

Но разгромное настроение крестьянства наблюдалось и в других селениях Кролевецкого у.

Так, в деревнях Оптове и Чеплеевке шла сильная агитация «к разгрому помещичьих экономий и самовольному захвату земель», вообще «к аграрным беспорядкам».

В других уездах настроение крестьян тоже было приподнятое.

В с. Шаловаловке образовалось «целое революционное общество—партия», вообще «началось брожение».

В с. Ивот, Новгород-Северского у., местные агитаторы подстрекали к рубке казенного леса.

По Конопотскому у. разъезжали «ораторы» и возбуждали народ к аграрным беспорядкам.

В деревне Свессе, Глуховского у., агитатор рассказывал крестьянам, что все земли бесплатно должны перейти к крестьянам и что нужно «на место самодержавия поставить выборное народное правление», и тогда «начнут действовать общественные предприятия, а все фабрики и заводы будут принадлежать рабочему классу».

В хут. Безугловке, Стародубского у., во двор помещика въехал на лошади крестьянин и спросил, где хозяин конторы. Так как последнего не было дома, крестьянин потребовал приказчика и стал его допрашивать, какую плату получают в экономии рабочие, не обижают ли их и т. д. «Надо увеличить рабочую плату—говорил приехавший крестьянин—я прислан сюда разузнать все про положение рабочих и предупредить, чтобы подобного не творилось... Зачем вы спите? Все экономии уже разгромлены.. Почему ваша цела?!»

Очень тревожно было в с. Макошине, Сосницкого у. Туда была послана рота солдат. Рота была доставлена при таких обстоятельствах. Капитан парохода, совершавшего рейсы между Черниговом и Макошиным,—говорится по этому поводу в жандармском донесении,—отказался перевезти войска вследствие угроз, якобы сделанных ему неизвестными евреями, требовавшими не допускать перевозки войск в Макошино. Капитан парохода, под угрозой применения крайних мер, должен был повезти войска: «я заставил капитана—доносил начальник жандармского управления Рудов—исполнить мое требование, водворил капитана на капитанский мостик, к которому были поставлены часовые».

Из массы «аграрных случаев», имевших место в этот период в деревнях Черн. губ., был один «случай» совершенно исключительного свойства: здесь крестьяне не только не грабили помещичьей экономики, но, напротив, защищали ее от нападений. Это было в с. Буянках, Городнянского у. Местная экономия дворянки Коробкиной охранялась всем селом. Подошла толпа неизвестных крестьян и со свистом бросилась во двор. Находившиеся в саду местные крестьяне, услышав шум, бросились на ворвавшихся во двор Коробкиной неизвестных людей, при чем один был убит на смерть, а другой тяжело избит. Дознанием было установлено, что оба эти крестьянина участвовали в разгроме еврейских лавок и домов в Ивашковке и экономии помещика Карвальского-Гриневского в Выхвостове.

В заключение отметим одно общее явление, наблюдавшееся всюду в деревнях Чернигов. губ. после 17 октября.

Там царило тогда небывалое настроение. Все—мужчины, женщины, дети—тянулись на сходки, собрания, митинги и т. п. «сборища». Деревня раскачалась во-всю... Все хотели послушать «свободного слова» и сами порассказать там про свои наболевшие думы, поделиться своими «мечтаниями»... Особенно часто созывались сельские сходки. Обычно мало посещаемые, в это время сходки пользовались большой популярностью: на сходки крестьян влекла словно какая-то неведомая сила...

3. Разгромы в Городнянском и других уездах.

Революционное гнездо в Городнянском уезде.

В Городнянском у. разгромы помещичьих имений начались с еврейских погромов, каковые были делом рук самой власти и «союза русского народа» (российские фашисты, только неизмеримо более невежественные и некультурные).

«На 23 октября—читаем мы по этому поводу в «Общ. Движении»—в Чернигове был назначен еврейский погром. Тысячи крестьян, говорят, по приглашению полиции, потянулись в город. Но погром был «отменен»¹⁾, и крестьяне двинулись громить евреев в селениях, а потом и помещиков. Толпа человек в пятьсот, на подводах, разгромив и разбив несколько экономий и усадеб, двинулась в местечки Сновск, Добрянку и город Городню. Но

¹⁾ Еврейский погром все-таки имел место в Чернигове.

крестьяне сначала были разбиты под Сновском самообороной, затем окончательно рассеяны самообороной города Городни, при чем было убитых человек 40. Разогнанных избивали сами более зажиточные и хозяйственные крестьяне, убивали жестоко вилами, топорами, кольями. Самозащиты со стороны помещиков не было, но мелкие землевладельцы защищались отчаянно и не без успеха: многие отстояли свои усадьбы, пуская в ход ружья. Как в этом «походе», так и в других участвовали лица, принимавшие участие в еврейских погромах, а местные крестьяне только доканчивали разгром экономий. Бывшие в Чернигове во время еврейских погромов крестьяне видели, что власти бездействовали (это была совершенная правда. И. Др.), а потому принесли весть, что бить панов и жидов разрешено; во время базара в Репкинской волости начался разгром еврейских лавок и домов, экономий, арендуемых евреями, и, наконец, помещиков, при чем хлеб и скот развозили по домам, а имущество уничтожали» (т. II, ч. 2-я, стр. 246—7).

По данным архивных материалов бывшего Черниговского губерн. жандармского управления, в Городнянском у. разгромы помещичьих имений начались с 24 октября и продолжались непрерывно все дни до 1 ноября.

Произведены были разгромы следующих имений:

1) В ночь на 24 октября толпа крестьян выгнала служащих экономий помещика Лизогуба в с. Куликовке; все было разграблено. На другой день исправник доносил, что «крестьяне разных деревень едут в экономию забирать хлеб».

2) 25 октября крестьянами была разгромлена лесная контора купца Богданова близ Сенькова.

3) 26 октября было произведено нападение на усадьбу помещика Енько в Репках. Мебель в домах была разбита. Урожай разграблен.

4) 26 октября было произведено нападение на усадьбу помещика Бакуринского в с. Церковище. Урожай был разграблен.

5) В тот же день произошло нападение на усадьбу помещика Свечина в хут. Ковалевка; все постройки и винокуренный завод были сожжены, имущество разграблено.

6) Тогда же была разграблена богатейшая усадьба того же помещика в с. Тушичеве.

7) В тот же день было произведено нападение на усадьбу Дунин-Барковского в с. Великом-Листвене. Все постройки были сожжены, имущество разграблено.

Перед этим в деревнях была распространена такая прокламация за подписью «крестьянского союза партии с. р.-в»: «Товарищи-крестьяне! Настало время получить нам землю и волю. Воспользуемся и мы этим случаем—всеобщей всероссийской забастовкой железнодорожных рабочих... Пора и нам, сельским пахарям, приняться за нашу работу. И так, 19 октября въедем (сохраняем орфографию подлинника. И. Др.) все до одного крестьянина в барские леса Барковского и Свечина и д. леса. Смело, товарищи! Не страшитесь никакой полиции и солдат. Сила теперь на нашей стороне. Восстали по всем городам и селам. Да здравствует земля и воля».

8) В том же селении Великом-Листвене 27 октября было разграблено другое имение Ачкевич.

Приводим небезынтересное показание управляющего этим имением:

«В октябре среди местных крестьян распространилось сильное брожение и волнение, дошедшее до того, что в 20-х числах несколько имений, находящихся по соседству, было разгромлено и сожжено. До меня доходили слухи, что и экономию моей владелицы собираются также разгромить. Некоторые передавали даже мне, что назначен день разгрома, и советовали, что, если я хочу спасти экономию, то чтобы я отправился в Городню отыскать там местного жителя Пинчука, и, под влиянием последнего, крестьяне могут оставить целой экономию. Я отправился. Но Пинчука не нашел; возвращаясь же обратно, на дороге нагнал шедших из Городни в Листвень Железняка, Гутора, Лузина, Левченко и др., которые, как мне было известно, были товарищами и компаньонами Пинчука. Я обратился к ним с просьбой помочь мне и спасти экономию, на что они отозвались очень сочувственно и даже ругали тех, кто хотел грабить. Я посадил к себе в экипаж Железняка и привез его в экономию. На дворе застали целую толпу народа—мужиков и баб. Мне и Железняку удалось целую ночь отстоять и не дать грабить. Наступило утро 27 октября, Часов около восьми двор снова наполнился; но никто не решался первый начать разгром: все подталкивали друг друга... Но вот явился Пинчук и, как бы предводитель, начал разгром. Были выломаны двери дома, затем начался грабеж и разгром. Во время разгрома я видел,—на экономическом дворе стояли учительницы местной школы Бухова и Кулик и не только не останавливали крестьян, но все время как бы радостно

усмехались. Эти же учительницы, как я знаю, несколько раз справлялись, скоро ли начнут громить усадьбу местной помещицы Богдановой,—как бы ожидали грабежа. Добавлю, что встреченный мною Гутор отправился в Пекуровку и пригласил крестьян на разгром экономии моей владелицы; и в то же самое время тот же Гутор говорил мне, что разгромы в программу их, демократов, не входят. Пекуровцы действительно приехали, но грабить нашу экономию их не допустили, при чем один пекуровец упрекал Гутора, что он зря смутил, приглашая ехать грабить экономию Ачкевич».

Интересно показание сторожа Великого - Листвяна:

Разбивавшие экономию Дунин - Барковского кричали: «Нам ничего не надо брать... Надо права добывать».

9) В ночь на 27 октября была разграблена и сожжена экономия зем. нач. и помещика Калиновского и хут. Озерщина. Это уже было, так сказать, повторное нападение на указанное имение. Еще в ночь на 17 октября, т.-е. в канун революционного дня, имело место такое происшествие: толпа неизвестных людей, вооруженных огнестрельным оружием, напала на хутор Озерщину; предварительно по направлению к дому помещика было произведено несколько ружейных залпов. В доме помещика произошла паника, а Калиновский с женой скрылся из дому. Было сожжено гумно, разбито 70 ульев, часть меда расхищена. После этого толпа удалилась.

10) В х. Михайловщине разгромлен дом помещика Лактинова; имущество разграблено.

11) В с. Буровке разгромлена и сожжена экономия Зорохви́ча, черниговского торговца железными изделиями.

12) В с. Невкле разгромлена экономия Иофе.

13) В с. Великая Весь было произведено нападение на усадьбу помещика Соколовского. Окна и мебель были разбиты. Рожь разграблена.

14) В том же селе была разбита казенная винная лавка; вино разграблено.

15) В хут. Чудовке разгромлена усадьба помещицы Кра-
сильщиковой.

16) В с. Буровке разбита казенная винная лавка; вино разграблено.

17) Толпа крестьян подошла к усадьбе графа Милорадовича (в том же селении) и с криком принялась ломать частокол по-

мещичьего сада, намереваясь затем разгромить экономию. Толпа была отбита служащими экономии, произведшими несколько ружейных выстрелов.

18) В с. Выхвостове были разгромлены винокуренный завод помещика Карвольского - Гриневского и его богатейшая усадьба. Имение было образцовым, хозяйство велось самое рациональное. Еще в июне настроение местного крестьянства было тревожное, ввиду чего для охраны завода сюда была прислана военная сила, но Карвольский - Гриневский нашел лишним военную силу, ибо «население находится в самом мирном настроении». В том же селе Выхвостове имела место жестокая расправа местных кулаков с «бунтарями», о чем (будет особая речь в следующей главе.

19) 28 октября было произведено нападение на дом землевладельца Савина в хут. Зеленом, близ с. Будище. Постройки сожжены. Имущество разграблено.

20) В с. Петровке разграблена и сожжена экономия Оболонского.

21) В х. Ягодном сгорели от поджога сарай и клуня с хлебом помещика Гурского.

22) В с. Будище у помещицы через взлом замка было похищено крестьянами разное имущество.

23) 29 октября в х. Никольском толпой крестьян была разгромлена экономия помещика Щербака. Некоторые постройки были сожжены. Часть имущества разграблена.

24) В ночь на 29 октября в х. Ольхи, близ с. Жабиччи, явилась толпа крестьян, человек в 30, окружила дом помещицы Вишневской, зажгла гумно с хлебом и другие постройки и разбила 25 колод пчел. Когда Вишневская со своим семейством вышла из дома, ей были нанесены побои. Все имущество было разграблено.

25) В контору купца Переплетчикова (уроч. Мальчу) явилась толпа крестьян, разбила окна и забрала разное имущество.

26) В м. Репках подожжен был сарай помещицы Енько.

27) В д. Старая Рудня разгромлена экономия Раевского; часть имущества разграблена.

28) 30 октября в с. Старые Боровичи толпой крестьян был подожжен сарай в имении гр. Милорадовича.

Здесь мы должны отметить, что в жандармских архивных делах сведения об аграрном движении в Городнянском уезде в 1905 г. отличаются большою скудостью: на основании этих све-

дений мы в постоянной работе могли дать только вышеприведенный голый перечень произведенных крестьянами в этом уезде разгромов помещичьих имений.

Ввиду сего представляет большой интерес привести здесь воспоминания, которыми любезно поделился с нами один очевидец аграрных движений в 1905 году в Городнянском у. Тихон Наумович Науменко.

Нижеприводимые его воспоминания имеют тем более историческую ценность, что автор их был не только очевидцем, но и активным, сознательным деятелем в крестьянском движении, имевшем место в те годы в Городнянском уезде.

Интерес этих воспоминаний усугубляется также еще тем обстоятельством, что автор их был рядовой крестьянин и что он жил в том самом селе (Великом-Листвене), которое, как мы увидим ниже, считалось властями «гнездом революции в Городнянском уезде» ¹⁾.

¹⁾ Воспоминания эти записаны нами со слов Т. Н. Науменко, при чем наши записки были затем им просмотрены и одобрены; считаем долгом выразить за это Т. Н. Науменко нашу глубокую благодарность.

Сообщаем краткие биографические сведения об авторе воспоминаний.

Ниже, в тексте, читатель найдет, что карательной экспедицией, приезжавшей в Городнянский у. в ноябре 1905 г., Т. Н. Науменко — тогда молодой, полный революционной энергии землероб-крестьянин — был арестован и посажен в тюрьму. Революционное счастье помогло Т. Н. Науменко вырваться из тюрьмы: через месяц он снова был в своем родном селе Великом-Листвене. Это было в декабре 1905 г. Однако пережитая автором воспоминаний передряга не ослабила энергии молодого крестьянского революционера. В августе 1906 г. Т. Н. Науменко едет в Чернигов на тайный областной крестьянский съезд. Но тут революционное счастье изменило Т. Н. Науменко. Съезд не состоялся за неприбытием главных его руководителей. При нем нашли письмо серьезно-компрометирующего свойства; в письме говорилось, сколько нужно оружия, бомб и т. п. „предметов“ для организации крестьянского восстания в уезде... Как случилось, что у Т. Н. Науменко находился в кармане такой серьезный документ, об этом пришлось бы долго говорить, мы же не располагаем для этого необходимым местом.

Автор воспоминаний и еще двое его товарищей (Кизим и Рудаев) были преданы суду киевской судебной палаты. Суд состоялся 29 мая 1907 года. Науменко был лишен всех прав состояния и сослан в Восточную Сибирь на вечное поселение.

24 января 1908 г. автор воспоминаний прибыл в ссылку в Енисейскую губернию, в село Кежемское на Ангаре (Верхняя Тунгуска), в 1.200 верстах на север от Красноярска. Здесь за маевку, устроенную политическими сель-

Начало крестьянскому движению в более или менее заметном виде в Городнянском уезде—по воспоминаниям Т. Н. Науменко—надо относить к 1903 г. В этом году, как известно, были введены в деревнях России полицейские стражники, каковая мера была ответом правительства на аграрные волнения, бывшие в 1902—1903 г. в Харьковской, Полтавской и др. губерниях.

Помещики, конечно, с радостью встретили такое «мероприятие» царского правительства, и они даже готовы были содержать стражников на свой счет, лишь бы только иметь возможность спокойно сидеть в своих дворянских гнездах...

Конечно, у крестьян к стражникам могло быть только чувство вражды и озлобления, ибо крестьяне не могли не видеть, что стражники—их враги и друзья помещиков. В результате—среди крестьян начало медленно, но неуклонно расти недовольство против властей и помещиков,—начало расти и формироваться уже в известном роде революционное настроение.

Да и сама жизнь крестьянская,—обнищание крестьян вслед-

ными, последние были привлечены к ответственности. Не желая отдаться в лапы жандармов, Т. Н. Науменко самовольно перекочевал в далекую глухую деревушку.

Здесь, вместе с двумя товарищами, Науменко зимой предпринимает побег. Побег не удался. В это время приходит решение: в наказание за маевку отправить всех ее участников на далекий север—в Туруханский край. Не желая погребать в холодных полярных снегах свою революционную энергию, автор воспоминаний предпринимает вторичный побег. С двумя товарищами он садится в лодку, проезжает на ней около 150 верст; затем, пройдя пешком 350 верст по глухой сибирской тайге, три беглеца прибывают на сибирскую ж.-д. станцию Тайшет. Отсюда Науменко отправляется по ж. д. в Иркутск. В Иркутске в это время жило нелегально много полит. ссыльных, которые понемногу тайно перебирались в Россию. И вот, при организации побега одной курсистки, во время ее отъезда на Иркутском вокзале Т. Н. Науменко был снова арестован и снова посажен в тюрьму. Здесь, в Иркутской тюрьме, в жизни автора воспоминаний имел место эпизод необычайно-драматического свойства... Политических заключенных заставляли громко петь молитвы... Они отказывались... За это им грозила порка... Мы испытывали жуткий, захватывающий интерес, когда Тихон Наумович рассказывал нам этот эпизод из своей жизни... Эпизод этот заслуживал бы отдельного изображения в печати, и автор воспоминаний обещал нам это сделать для журнала „Каторга и Ссылка“.

В Иркутской тюрьме Т. Н. Науменко получил проходное свидетельство на предмет следования в Туруханский край—продолжать вечную ссылку. Но революционная энергия продолжала бурлить у автора воспоминаний... Он решил не идти в Туруханский край... Живя по подложному паспорту, он

ствие помещичьей и правительственной эксплуатации,—способствовала накоплению среди крестьянства революционного недовольства.

Взять хотя бы такой вопрос, как вопрос о пастбищах: крестьянам негде было пасти свой скот, и, конечно, они принуждены были нарушать так называемую «неприкосновенность» частной земельной собственности, т.-е., попросту говоря, выгонять свой скот на панские земли. Помещики этим, конечно, не могли быть довольны и принимали против такой «самовольщины» те или иные меры. То же происходило и со сбором крестьянами ягод, трав и валежника в панских лесах.

В конце концов, создавалась почва для проявления крестьянами, «при случае», разного рода эксцессов.

Но вот началась японская война. Война дала огромный толчок развитию крестьянского самосознания. Попадавшие в деревню газеты, а также и доходившие до нее слухи знакомили крестьян с обильными проявлениями тех «маленьких недостатков» царско-дворянского политического механизма, которые уже так давно и так больно били по крестьянским спинам...

добывает себе средства существования физическим трудом. Тут у него в третий раз созревает план бегства прямо за границу, в Бельгию. Уже был получен им „приличный для заграницы“ костюм, и вообще все готово уже было к побегу... Но... революционное счастье снова не улыбнулось Т.Н.Науменко: он был опять арестован и отправлен на далекий-далекий север—в село Верхне-Эйбатское, в 450 верстах от северного полярного круга.

Здесь в это время пребывал в ссылке известный социал-демократ Богград, родственник Г. В. Плеханова. Здесь же Т. Н. Науменко встречался с депутатами 4-й Государственной Думы—большевиками, т.т. Петровским (теперь Всеукраинский староста) и Бадаевым. Приходилось автору воспоминаний тут же встречаться и с т. Каменевым.

Во время своего пребывания в с. Верхне-Эйбатском Т. Н. Науменко принимал участие в нескольких научных экспедициях—этнографической, ботанической и др. Ездил по делам экспедиций за полярный круг, где встречался с покойным тов. Свердловым и с ныне здравствующим тов. Сталиным.

Уже после революционного переворота 1917 г., но еще там, на „севере далеком“, автор воспоминаний имел случай присутствовать на митинге, где выступал тов. Свердлов со своим, в то время еще „дерзки-смелым“ лозунгом „долой войну“...

В настоящее время автор воспоминаний работает в Черниговской кооперации и известен здесь как видный кооператор. В данный момент он занимает ответственную выборную должность—председателя ревизионной комиссии одной из самых крупных кооперативных организаций Украины—Черниговского районного союза кооперативов.

Словом, крестьянство начинало пробуждаться от своего векового умственного и политического сна...

Не без пользы тут для развития крестьянского движения описываемого района оказалась и деятельность либерального Городнянского земства, что имело место, конечно, против воли и желания самого земства, ибо Городнянское земство, как и все прочие тогдашние земства, было учреждением узкоклассовым, помещичьим и, следовательно, сознательно оно не могло делать, — да и на самом деле не делало, — ничего такого, что революционизировало бы крестьянское сознание и что, следовательно, подрывало бы самое господство помещиков в России, вообще, и, в частности, в земствах.

Говоря о положительных тогдашних начинаниях Городнянского земства, мы имеем в виду введение им, в виде опыта, вечерних занятий в школах со взрослыми.

Учреждены были такие занятия и в родном селе автора воспоминаний — Великом-Листвене. Вел эти занятия земский учитель Дм. Петр. Теремец. Теремец был прямо-таки замечательным учителем-пропагандистом. Вел он эти занятия сразу в двух селениях: три дня в неделю в В.-Листвене и три дня — в с. Тушичеве. Д. П. Теремец обладал необычайной способностью заинтересовать занятиями своих «великовозрастных» учеников. Перед занятиями, например, он прочитывал ученикам наиболее интересные газетные новости и освещал их, насколько то позволяли условия полицейского надзора над школами.

Уменье Теремца вести занятия стало пользоваться такой славой, такой привлекательностью, что крестьяне стали предпочитать занятия в школе посещению церкви.

Местный священник Бельский, черносотенец и доносчик, как говорится, рвал и метал по поводу этих занятий. И вот сему ящюу пришла в голову дикая мысль «поконкурировать» с Теремцом: не долго думая, он, с учителем церковно-приходской школы, сделал попытку организовать занятия тоже со взрослыми. Но эта затея пона позорно провалилась: посетителей поповской школы не находилось.

Любопытно отметить, что заинтересовались занятиями Теремца со взрослыми также и местные стражники и даже принимали участие в беседах, особенно, когда им что-либо не нравилось в речах Теремца. Но... стоило стражникам сунуться со своими «возражениями» к Теремцу, как они получали самый энер-

гичный отпор от всех остальных крестьян, посещавших вечерние занятия.

Конечно, все, что говорилось на занятиях Теремцом, стражниками незамедлительно же докладывалось прежде всего попу, а тот уже посылал доносы дальше...

В конце концов, Теремца, конечно, убрали, несмотря даже на отстаивание его таким влиятельным богачом-помещиком и земским деятелем, каким был Свечин.

Как бы то ни было, но нужно сказать, что, только благодаря большому умению Теремца вести занятия, он мог так долго (два года) продержаться. Даже большинство крестьян, посещавших вечерние занятия, долгое время не могли обнаружить в Теремце крамольника-революционера, каким он был на самом деле: и только впоследствии они раскусили, кто был их учитель и какие цели он преследовал.

Более же боязливые крестьяне про себя толковали: «Смотрите... Не лизогубовец ли Теремец?!..»

Нужно по этому поводу заметить, что с. Великий-Листвень было родиной известного, выдающегося народовольца-революционера Дм. Андр. Лизогуба. Здесь, в Великом-Листвене, в имении Лизогуба часто устраивались тайные революционные съезды; здесь же, в Листвене, немало делалось Лизогубом для просвещения крестьянства (Лизогуб, как известно, был повешен).

Из своих учеников в Листвене Теремец сумел подобрать хорошую группу сознательных передовых крестьян.

Уже когда стало очевидно, что долго эти занятия Теремцу не удастся вести, Дм. Петр. стал в своих школьных беседах высказываться более откровенно, — он стал больше ставить точки над *i*, чего раньше ему, по-неволе, приходилось избегать...

Он, например, стал объяснять ученикам, кто такие капиталисты, кто такие помещики и чего хотят те и другие и т. д.

Нельзя при этом не отметить, что Теремец был противником уничтожения (сожжения и т. п.) помещичьих усадеб, считая такие уничтожения нецелесообразными и даже вредными, ибо помещичьи усадьбы, — говорил Теремец, — это — достойные народные и, следовательно, уничтожать таковое преступно и т. д.

Но в то же самое время Теремец учил крестьян, что нужно прилагать все усилия к тому, чтобы помещичьи имения перешли в организованные руки крестьянства. Вообще Теремец не был мирным реформатором; но, будучи социалистом, сознательным

где их подвергли допросу: кто они, куда и зачем шли и т. д. Арестованные отвечали, что они приехали на земское экономическое совещание. Тут же неподалеку жил один из членов Городнянской земской управы; к нему и повели арестованных для проверки их показаний.

Положение четырех крестьянских революционеров готово было сделаться весьма пиковым; но, к счастью, член управы, сразу поняв, в чем дело, заявил: да, действительно, экономическое совещание предполагалось, но оно было отменено вследствие тогдашних событий, и что двое из четырех арестованных состоят членами этого совещания. Также удалось удовлетворить полицейское «любопытство» и относительно остальных двоих арестованных.

Все четверо были отпущены. При этом сами полицейские посоветовали им возвращаться домой по другим улицам, где не было черносотенных застав.

После рассказанного «инцидента» делегатам пришлось оставить свое намерение попасть в Новозыбков на съезд крестьянского союза и возвратиться к себе домой ¹⁾.

Когда двое листовцев, — Пинчук и автор воспоминаний, — входили в свое родное село, как раз в этот же самый момент туда же входили и войска, присланные для усмирения, а следом за ними — казаки во всей своей полной боевой амуниции — с нагайками, пиками и т. д.

Вот как передавал автор воспоминаний, тогда 17—18-летний крестьянский юноша-революционер, свое в тот момент настроение.

«Вижу... Идут войска... За ними — казаки... Казаки все едут... едут и едут... Казалось, что и конца им не будет... Ну теперь, — печально проносилось в моей голове, — придется на время и, — кто знает, — может быть и надолго, — оставить дело революционного организации крестьянства...».

Войска расположились в селе лагерь, как бы на бивуаке перед битвой... Заправили карательной экспедиции отпраздничались на квартирование к местному священнику Бельскому.

Нужно отметить, что сей черносотенный поп был в большом «почете» у властей. Еще бы! Ведь он являлся в «революционном гнезде Городнянского у.» незаменимым для жандармов и полиции недреманым оком: поп зорко следил за настроением кре-

¹⁾ Новозыбковский крестьянский съезд не состоялся: помешала тамошняя полиция. *И. Др.*

стьянства и немедленно доносил обо всем, что, так или иначе, противоречило его черносотенным верноподданническим принципам...

И вот в доме этого самого попа, при его участии, состоялось немедленно по приезде совещание приехавших командиров-усмирителей.

На совещании были «выяснены зачинщики», и был составлен список последних.

Под влиянием панического настроения, созданного появлением карательной экспедиции, стали выдавать «зачинщиков» и сами крестьяне.

В тот же самый день начался повальный обыск по крестьянским дворам награбленного имущества, и, у кого таковое находили, того подвергали жестоким побоям нагайками, прикладами ружей и т. п. «предметами».

Но вот усмирители подошли к дому отца автора воспоминаний, Т. Н. Науменко.

Молодой Науменко был известен властям, как «бунтарь» и как один из «главных зачинщиков» революционного движения, и власти, у которых на только что учиненных ими повальных обысках руки успели уже сильно раззудиться, с большим жандармско-полицейским зудом и смаком принялись за обыск в доме Науменко.

Здесь усмирители хотели найти уже не награбленное помещичье имущество, ибо такая «находка» в данном случае им была бы мало интересна, а оружие и нелегальную литературу ¹⁾.

И вот изба, двор, огород, сарай и т. д. и т. д., словом все, положительно все, до нитки, было обыскано, осмотрено, взрыто... Копались в земле... Копались в навозе... Копались в других подобных местах... Но... но нигде оружия не находилось...

Что касается нелегальной литературы, то нашли лишь издания «Донской Речи», которые и были признаны усмирителями за настоящую нелегалщину. (Настоящие нелегальные издания, имевшиеся у автора воспоминаний, были им заблаговременно унесены из дому.)

Власти были в бешенстве... Как? У молодого бунтаря Науменко они не могли найти спрятанного оружия? То-есть не могли

¹⁾ Отметим в примечании, что в доме Науменко вовсе не было награбленного имущества, ибо никто в семье Науменко этим „делом“ не занимался. *И. Др.*

найти того «предметика», за который его можно было бы отправить в тар-тарары, отправить туда, куда Макар телят гоняет?!

С таким афронтом усмирители не хотели примириться...

И вот, не долго думая, они стали приставать к автору воспоминаний, стали настойчиво требовать, чтобы он выдал им оружие, в противном случае, они грозили—ни больше ни меньше—как тут же убить его... Окружив, затем, его плотным кольцом, они хотели было начать бить его прикладами ружей... Несколько раз заправили обыска посылали своих агентов еще и еще раз поискать по огородам, постройкам и т. п. местам все того же не дававшегося им в руки оружия... Но оружия никак не находилось...

Автор воспоминаний был, тем не менее, арестован и посажен в тюрьму...

Так как никто из крестьян на допросах не выдал Т. Н. Науменко, т.-е. не рассказал о той активной революционной роли, которую он играл в крестьянском движении, и так как у него не было найдено ничего «преступного»—ни награбленных вещей, ни оружия, ни, наконец, нелегальной литературы, то Т. Н. Науменко через месяц был из тюрьмы освобожден.

Когда при освобождении он вздумал было потребовать, чтобы возвратили взятые у него издания «Донской Речи», ему ответили: «пусть он благодарит бога, что сам остался цел»... Книги не были возвращены...

Всего было арестовано до 80-ти крестьян. Все они сидели в тюрьме. Многие из них были преданы суду.

«Сам» Дубасов, глава карательной экспедиции, прибыл в Листвень уже после того, как район был очищен от «зачинщиков», т.-е. уже после того, как последние были посажены в тюрьму: приехать раньше, до такой «чистки» района, «храбрый» адмирал Дубасов не решился...

О приезде Дубасова в Листвень автор воспоминаний узнал уже сидя в тюрьме.

Остановился глава усмирителей все у того же черносотенного попа Бельского.

Сейчас же Дубасовым был дан приказ собрать крестьян для выслушивания его «внушений».

Вот как происходило это «внушение».

Крестьяне толпой стояли возле церкви... Стояли без шапок...

на коленях... в мокрой, холодной, осенней грязи... А перед ними стоял на балконе церкви «сам» Дубасов и держал речь...

Ваше село, это—гнездо революции в Городнянском уезде... Я прислан сюда самим царем... Прислан с неограниченными правами... Я могу не оставить даже пепла от ваших хат... Я могу смешать вас с грязью... Но я этого делать не буду... потому, что знаю, что это вас научили и настроили революционеры... бунтовщики... зачинщики... Их мы уже посадили в тюрьму... И они понесут тяжелое наказание... Я надеюсь, что вы не только не будете больше бунтовать, но и выдадите и тех «зачинщиков», которые еще остались в среде вашей... Надо, чтобы среди вас ни одного зачинщика и бунтаря не осталось, и тогда никто вас не будет трогать, и у вас будет спокойно...»

Затем Дубасов потребовал, чтобы все крестьяне были введены в церковь. Тут Дубасов прочел крестьянам еще одну «лекцию» на тему о том, как начались в России крестьянские бунты, откуда взялись бунтари и что нужно было сделать, чтобы ни бунтов, ни бунтарей в России не было...

Но Дубасову, конечно, не удалось подавить крестьянское движение в Городнянском уезде: оно продолжалось и в последующие годы,—так закончил Т. Н. Науменко свои воспоминания об аграрных волнениях в Городнянском у. в 1905 году.

О разгромах, имевших место в некоторых других уездах Черниговской губ., в жандармских архивных материалах имеются следующие сведения.

10 декабря крестьяне с. Картушина Стародубского у. целым обществом под вечер стали разбирать сено на хуторе помещика—купца Филькина. Крестьянами была выставлена вооруженная охранная стража, грозившая сжечь не только сено, но и самый хутор. Была послана команда драгун, захватившая 30 подвод с двадцатью крестьянами. Остальные скрылись. При происшедшем столкновении оказались раненые холодным оружием.

С 7 на 8 декабря ночью крестьянами ближайших селений было произведено нападение на хутор Меловка того же Стародубского у. доктора Окушко. Нападавшие выгнали экономических служащих, разбили и сожгли все постройки. Пострадал экономический скот и хлеб.

Такое же нападение и в том же уезде было произведено на хутор богатого помещика Марковича возле с. Дохновичи. Служащие были заперты нападавшими в их домах. Открыты были

амбары и сараи. Часть имущества была забрана, часть уничтожена.

В ночь на 28 ноября огромная толпа крестьян из села Степок и соседних напала на х. Десятуху миллионера купца Гусева, выгнала всех служащих, выпустила скот, разграбила хлеб (до 10.000 п.), разгромила и сожгла все постройки.

Тогда же было сделано нападение на имения помещиков Бороздны и Янжула в с. Медведевке того же Стародубского у.; скот был выпущен, служащие изгнаны, постройки сожжены; изгнан был также урядник.

В некоторых селениях Стародубского у. были произведены порубки в помещичьих лесах.

В других селениях того же уезда крестьяне требовали от служащих в экономиях оставить службу.

Тревожно было и в Сосницком у. Помещики-чиновники этого уезда 27 декабря телеграфировали из Петербурга черниговскому губернатору, что в с.с. Погорельцах и Тополевке экономические усадьбы совсем уничтожены и что нет никакой защиты. «Вторично сообщаем—требовали эти помещики—о необходимости проявить законные действия к подавлению восстания мятежной банды нескольких селений, к арестованию виновных, к обеспечению вознаграждения убытков, к энергичному расследованию разрушительной пропаганды».

В хуторе Донце того же уезда, принадлежащем крупнейшему помещику аграрию графу Мусин-Пушкину, был сожжен скотный сарай. Местные власти 26 октября сообщали, что крестьяне угрожают разгромом экономии Мусин-Пушкина. Дальнейших сведений о судьбе этой экономии в делах не имеется.

Были также разгромы имений и в других уездах (например, Черниговском), но о них также не имеется сведений в жандармских делах.

Нельзя при этом не выразить величайшего сожаления по поводу того, что мы лишены были возможности пользоваться архивом бывшей канцелярии губернатора за полной неизвестностью, куда мог деться этот архив. А между тем там, несомненно, должны были находиться ценнейшие архивные данные об аграрном движении черниговского крестьянства.

В том же Городнянском у. и в тот же самый период (от 24 октября по 1 ноября), в какой имели место разгромы помещичьих имений, произошли во многих селениях еврейские погромы,

с разграблением домов и лавок и бывшего там имущества. Селения эти следующие: Добрянка, Поддобрнянка, Ивановка, Дубровное, Репки, Дроздовица, Макошино, Пекуровка, Жабчичи, Кусев, Новые Ярыловичи, Александровка, Горностаевка, Алешня, Грибова-Рудня, Анновка, Радуль, Любечь, Суховерщина и Зайцев хутор.

Были также еврейские погромы и в селениях некоторых других уездов: 1) в Борзенском—в селениях Терещихе, Круты, Бурковке, Переясловке, Черняховке, Евлаховке, Плисках и Загоровке; 2) в Нежинском—в с.с. Дорогинке, Заньках, Орловке, Гагарлыках и Веркиевке; 3) в Новгород-Северском у.—в м. Серединой-Буде; 4) в Суражском у.—в м. Ущерпье и 5) в Сосницком—в м. Стольном.

4. Выхвостовская трагедия и царско-дворянская „юстиция“¹⁾.

Выше мы имели уже случай отметить, что к 1905 году крестьянское население в России, а, в том числе, конечно, и в Черниговской губернии, не представляло из себя однородной в социально-имущественном отношении массы: в каждой буквально деревне в более выпуклом виде или в менее выпуклом наблюдалась дифференциация: были бедняки, полупролетарии, были середняки, была, наконец, деревенская буржуазия, т. н. «хозяйственные мужички»... Между этими деревенскими слоями шла непрерывная, ожесточенная, то вполне явная, то полуприкрытая экономическая борьба.

«Хозяйственные мужички», подобно голытьбе, а, м. б., еще в большей степени, конечно, не прочь были поживиться насчет «панского добра»,—не прочь были, «для округления» своих земельных владений, прихватить ту или иную толику из «панских земель»...

Но... так было только в первые моменты аграрного движения. Когда же деревенские богатеи расчухали, что, раз крестьяне «добрались» до помещиков, до дворян, то, в конце концов, они легко могут добраться и до тех «мужичков», которые успели накопить себе немало «землицы»... И действительно, после 17 октября были «аграрные случаи», когда крестьянская бед-

¹⁾ Материалом для настоящего очерка послужила наша статья в „Соврем. Мире“ за 1910 год „Под флагом „порядка“ и „собственности“ (июль мес.).

нота не обходила и имущества своих односельцев—крестьян-богатеев.

На этой-то почве,—на почве боязни богатеев-крестьян за свое благополучие в с. Выхвостове Городнянского у. произошла 31 октября и 2 ноября 1905 года названная в заголовке трагедия зверской расправы одной группы крестьян над своими односельцами, в результате каковой расправы оказалось 15 человек убитых.

Дело это разбиралось в Чернигове 29—30 апреля 1910 г. в выездной сессии киевской судебной палаты с участием т. н. «сословных представителей».

Хотя судебный процесс и вышел страшно скомканным и потому многие обстоятельства остались невыясненными, тем не менее и в том виде, в каком это дело прошло тогда перед судом, оно имеет и в настоящее время общественно-политический интерес.

Вот как изображается в обвинительном акте выхвостовская трагедия (мы возьмем лишь наиболее существенное).

«Во второй половине октября 1905 г. во многих населенных местностях Городнянского у., Черниговской губ., произошли беспорядки, сопровождавшиеся разгромом помещичьих усадеб, экономических построек и владельческих заводов. С особой силой эти беспорядки протекли в пределах Тупичевской вол., Городнянского у., где в течение недели разгромлены были почти все крупные экономии.

«В ночь на 27 октября 1905 г. разгромлены были усадьба и винокуренный завод помещика Кравольского-Гринемского в с. Выхвостове. После разгрома этой экономии шайка «разгромщиков» стала разъезжать по с. Выхвостову, вымогая деньги у более зажиточных крестьян и увозя их лошадей. Во главе этой шайки стояли братья Василий и Николай Потапенки и Петр Шеремок. Первый из них называл себя царем, второй—наследником, третий—министром. В. Потапенко распускал слухи по селу, что царя нет в России—уехал за границу, и он, Потапенко, будет царем.

«Участники шайки открыто заявляли, что вслед за помещиками будут разгромлены более состоятельные крестьяне, что после разгрома их все село будет подожжено и отстроено заново, а земля будет разделена поровну между всеми крестьянами, чтобы не было больше «тысячников», а были бы только «сотенники». Все это

наводило панику на местное население. Многие из крестьян по пяти суток не спали, охраняя свои усадьбы.

«30 октября по с. Выхвостову прошла молва о том, что в с.с. Ивашкове и Тупичеве крестьяне своим судом расправились с погромщиками и убили более опасных из них. В связи с этим стали носиться слухи о том, что Черниговская губ. объявлена на военном положении и что теперь можно убивать людей, вредных для общества.

«Под влиянием этих слухов, в воскресенье возле сборни собрался сход под председательством сельских старост В. Новицкого и Г. Ермака, на котором обсуждался вопрос о том, какие меры принять против дальнейшего развития беспорядков.

«Утром 31 октября население с. Выхвостова собралось на сход. Созвали на этот сход народ сельские старосты Новицкий и Ермак и полицейский стражник З. Савелов. Старосты требовали, чтобы все решительно население собралось на сход, чтобы «ни одна мужская плоть» не осталась дома. Отправлявшимся на сход они приказывали захватить оружие с собой. Народ с плачем шел к сборне, но остаться дома не было никакой возможности, так как старосты угрожали смертью оставшимся».

Такой же второй сход был созван, но уже по набату, 2 ноября. И вот на этих-то сходах была учинена на глазах всех расправа с «вредными для общества людьми». Положительно нельзя было хладнокровно слушать, когда на суде читались (по обвинительному акту) описания сцен расправы. С необычным зверством, с каким-то душой леденящим, прямо-таки нечеловеческим спокойствием и издевательством отправлялись на тот свет беззащитные, покорно принимавшие смерть жертвы, — отправлялись свои же братья-односельчане... «Обреченных» на смерть выводили или выгаликивали силой из сборни, где в это время, поджидая свои жертвы, стояли наготове участники расправы — с ружьями, топорами, вилами, кольями и т. п. орудиями...

Вот несколько «картинок».

«Приговоренный, — показывал на суде один свидетель, — пожелал проститься перед смертью со своим сыном... Он начал молить и просить «уважить его просьбу». Но... просьба была отклонена: «Поздно уже», — закричали коноводы расправы... И... по команде «заправил, человек был прикончен...»

Или вот описание одной сцены из обвинительного акта: «За Валухами был убит Т. Кардик, после чего десятские привели

к сборной сына Т. Кардика—Федора, мальчика 16 лет. Последний, уходя из дому, взял с собой икону (несчастный юноша, очевидно, рассчитывал иконой покорить сердца своих «судей». Др.). От него отобрал икону церковный староста, а Шевченко (подсудимый—один из главных коноводов расправы. Др.) крикнул ему: «Крестись»... Федор перекрестился. Н. Ильющенко (подсудимый. Др.) ударил его сзади топором, а Шевченко выстрелил в него на расстоянии 5 шагов. Заряд попал в лицо, кровь брызнула фонтаном, и Федор Кардик с пальцами, сложенными для крестного знамения, упал замертво. Шевченко велел Ивану Козловскому оттащить в воду тело Федора, что было исполнено.

Жестокость, бессердечие и хладнокровие, с коими люди были отправляемы на тот свет, прямо не поддаются обыкновенному человеческому пониманию.

Вот, например, такая сценка.

Приводят к сборной Г. Акуленко. Все тот же Шевченко (это была вторая скрипка в расправе, — первую играл Мартиниан Бобровник, старик 65 лет; о нем речь впереди; заметим здесь же, встати, что из 24 подсудимых только 4—5 люди молодые, все же остальные—крестьяне пожилых лет и даже старики,—есть, например, 66 лет) спрашивает Акуленко: «Куда тебе стрелять?» «В рот»,—был ответ покорной жертвы. Шевченко выстрелил в лицо. Акуленко упал, и его поволокли в воду. (Обв. акт).

Далее...

На предварительном следствии Малахия Кардик объяснил, что «он юдин только раз ударил Т. Пугача молотом, чтобы испытать силу молота,—Пугач в это время был уже мертв».

Каким-то, поистине, инквизиторским ужасом веяло в зале суда, когда читались извлечения из протокола судебно-медицинского вскрытия трупов убитых выхвостовских «крамольников»-крестьян... Проломленные черепа, раздробленные грудные клетки, поломанные ребра... Все трупы были исколоты вилами и кольями... Был случай, когда жертва, оттащенная в лужу, оказалась живой, и едва полу-убитый попытался подняться, он был тотчас же добит. Инициатор и душа расправы, Бобровник, откровенно признался на суде, что все они тогда были зверями. Все мы,—говорил этот подсудимый,—сделались тогда «собаками». И эта самохарактеристика, сделанная, нужно заметить, отнюдь не смирения ради, а в других видах—вполне верная и заслуженная.

Какова же была подкладка выхвостовской трагедии? Какова

была та канва, на которой были вышиты такие ужасные узоры из 15-ти человеческих жизней?

По словам обвинительного акта, старосты Новицкий и Ермак и стражник Савелов «посылали людей за лицами, которые должны были подвергнуться самосуду, а за некоторыми из намеченных жертв ходили сами... Все на сельском сходе происходило... «по команде» старост и стражника, которые уверяли, что имеют письменное разрешение высшего начальства убивать погромщиков». В другом месте обвинительного акта на ту же тему говорится, что Бобровником и Шевченко распускались слухи о приказе, разрешающем будто бы убивать «затейщиков погромов». Эти указания обвинительного акта вполне подтвердились и, так сказать, несколько более конкретизировались. Так, свидетель А.Ф. Ломонос показал, что М. Бобровник и Шевченко говорили, «будто у нас есть разрешение убивать от губернатора и исправника». Далее, свидетель Ильиченко показал, что всем делом руководила «партия» Мар. Бобровника, состоявшая из пяти человек. Эта же «партия», по утверждению того же свидетеля, распространяла разные слухи относительно убитых и принуждала других крестьян принимать участие в расправе. Наконец, и самой палатой была признана за М. Бобровником руководящая роль в расправе, что явствует из редакции формулированных палатой вопросов, поставленных на разрешение по окончании судебного следствия.

Словом, с несомненностью устанавливается тот факт, что расправа была делом группы деревенских богачей с. Выхвостова с М. Бобровником во главе, при активнейшем содействии представителей местных сельских властей. Больше того: эта самая власть (старосты, стражник) была в подчинении у партии Бобровника, — была, как говорится, ее правой рукой. Так, свидетель Хоботня сделал на суде такое показание: «Староста Новицкий едет на лошади по селу и созывает на сход... Когда его спрашивали, зачем на сход, он отвечал: М. Бобровник зовет».

И этот вывод—вывод, что выхвостовская трагедия была делом группы состоятельной крестьянской буржуазии—ни малейшим образом не колеблется тем обстоятельством, что в числе 4 подсудимых находились и малосостоятельные крестьяне, — и не колеблется по той причине, что некоторым пришлось участвовать в расправе не по своей воле, ибо

коноводы расправы, местные крестьяне-богачи, угрожали смертью тем, кто или останется дома или, придя на сборню, не примет участия в убийствах «вредных для общества людей». ТERRORИЗАЦИЯ населения коноводами расправы достигла в этом отношении необычайной степени. Так, один свидетель показал, что нельзя было даже говорить против убийства. Подсудимый Ж. В. Артеменко заявил на суде, что он себя виновным не признает: «Я поневоле убивал... Староста и стражники сгоняли на сход и говорили: если не будешь убивать, убьем. Шевченко приказал мне ударить... я и ударил». А что такое объяснение подсудимого не отговорка, это лучше всего подтверждается показанием одного свидетеля на суде: «Страх был от них (т.-е. коноводов) большой... рассказал этот свидетель. И родного батьку отдал бы, если бы потребовали»...

Особенно рельефно обрисовывается та же сторона событий в объяснениях, сделанных на суде подсудимым Беланом. Вот Белан—на сходе... Его пригнали туда староста и стражник... Кто-то из «приговоренных» задумал вырваться и начал убежать. Белану приказывают: «Белан, ты еще не томленный (т.-е. он еще свежий человек, а они, коноводы, уже достаточно «поработали». Др.), — держи его... А то тебя...» Белан бросается и схватывает жертву... Но схваченный начал молить: «Ради детейпусти меня...» Сердце Белана не устояло: он пустил жертву... Но, в конце концов, угрозой смерти Белана заставили принять участие в убийствах... «И вот,—повествует подсудимый свою личную трагедию,—я вилами ударил»...

Итак, выхвостовская кровавая история, это было дело богатой группы местных крестьян.

К сожалению, на судебном процессе не была выяснена с желательной полнотой и ясностью та подкладка, на которой разыгралась выхвостовская трагедия. Этому помешало отсутствие в царской России того неперемennого условия скольконибудь нормального судопроизводства, которое именуется независимостью суда, каковое условие *de jure*, на бумаге, широко провозглашалось, но которое *de facto*, на деле, в жизни, грубо и бесцеремонно нарушалось.

Еще до суда было известно, что местными «высшими сферами» были приняты меры к тому, чтобы подсудимым, как представителям «порядка и собственности», был вынесен оправдательный приговор. С этой целью председателем суда ставились всяче-

ские преграды возможности выяснения полной правды происшедшей трагедии.

Тогдашняя черносотенная печать—столичная и местная—также приложила свои грязные лапы к этому судебному процессу... Однако все-таки судебный процесс дал возможность установить в указанном отношении ряд интереснейших положений.

На суде все подсудимые признали себя виновными, с добавлением, что «виновны по необходимости». При этом коновод расправы, М. Бобровник (старик 65 лет, но старик бодрый и чрезвычайно энергичный), произнес на суде большую речь. В сущности именно эта речь решила дело в пользу подсудимых. Речь была построена очень тонко, с хорошим пониманием той «аудитории», повлиять на которую составляло задачу подсудимого. Последний начал, что называется, с места в карьер... «Были выкинуты в селе прокламации...и там было написано такое о правительстве, что я терпеть не мог»... И в дальнейшем М. Бобровник очень живо и картинно обрисовал перед судьями то свое чувство сторонника «порядка» и «собственности», которое «оскорбляли» местные крестьяне—люди «вредные для общества» своими «словами» и своим «поведением». Бобровник с гордостью повторил рассказ обвинительного акта о том, как он не принял на оходе руки Валлоха (впоследствии убитого), крикнув последнему: «ты не достоин моей руки»; рассказал далее и то, как Поталенко, подъехав к дому Бобровника, крикнул ему: «шпалку снять!» «Этим своим словом,—рассказывал подсудимый,—Поталенко меня убил.. Я вошел в избу, словно как мертв...». Суть речи подсудимого М. Бобровника (а также и его сына) сводилась к тому, чтобы показать суду, что убитые—мало того, что они были «погромщиками» помещичьего имущества, они в то же время были и «демократами» (такое именно слово употребил подсудимый) и «крамольниками», и что они, подсудимые, учинили расправу, встав на защиту «порядка» и «собственности», и притом потому учинили, что «от правительства им не было никакой помощи». «Я готов отвечать перед государем,—сказал, между прочим, на суде сын М. Бобровника,—но подчиняться босякам не хочу».

Речь М. Бобровника произвела на судей громадное впечатление. Особенно был тронут этой речью прокурор, назвав речь этого подсудимого «прочувствованной»... Едва ли когда какому

подсудимому приходилось слышать из прокурорских уст такую аттестацию своих на суде объяснений?!

На суде было установлено следующее: первое—в грабеже помещика участвовало «много народа: не только убитые, но даже кое-кто из подсудимых, из этих «людей порядка», как их аттестовал на суде свидетель, городничий уездный предводитель дворянства помещик Карнопольский-Гринеvский, имущество которого было разгромлено; второе—убиты были не только «затейщики погромов», но и те из крестьянской бедноты, которые так или иначе досадили тому или иному «затейщику»... расправы: только за битье окон, за кражу огурцов люди отправлялись на тот свет; третье—расправа была произведена не в видах защиты «помещичьей собственности», как таковой.

Но что же было движущим нервом деревенской драмы?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо определить социальную физиономию убитых.

В одном из 89 вопросов, поставленных палатой на разрешение, группа 15 убитых во время расправы крестьян характеризуется так: это была «группа лиц, задавшихся целью, путем открытого и вооруженного грабежа помещиков и зажиточных крестьян и отобрания у последних земель, достигнуть уравнительного распределения имущества между крестьянами и тем уничтожить класс состоятельных людей», при чем палатой признается, что именно для отражения «разбойного нападения» этой группы лиц подсудимыми и были учинены убийства.

Разберемся в этом определении палаты.

Из всех шести свидетелей, допрошенных по желанию прокурора, только один показал, что слышал, что «будут грабить богатых», но и это свое показание свидетель поколебал: когда один из защитников усиленно стал добиваться получения от этого свидетеля определенного заявления о том, что после погрома помещиков доберутся-де непременно и до крестьян, названный свидетель ответил: «Этого я не слышал про убитых». Что касается всех 12 свидетелей, допрошенных по желанию защиты, то четыре из них дали более или менее определенные показания об аграрных «намерениях» убитых.

Имеются показания, которые проходят, так сказать, красной нитью через всех свидетелей и которые устанавливают, что была группа крестьян, которые отбирали от богатых крестьян лошадей, разъезжали на них по селу и требовали у них деньги,

Затем данные процесса позволяют установить, что «намерения» этой группы крестьян были таковы.

Выхвостовские «крамольники» были монархистами и стояли они на принципе признания частной собственности, но на началах уравнильных. Они стремились не к «уничтожению класса состоятельных людей», как это думала палата, а лишь к «уравниению» этой самой «состоятельности». Но каким путем эти крестьяне думали осуществить свои аграрные мечтания и раз ли навсегда хотели они разделить поровну всю землю или же время от времени делать поравнения земли, это весьма важное обстоятельство осталось невыясненным.

Но палата далее утверждала: 1) что эта «крамольная» группа крестьян «подвергала действительной опасности жизнь, здоровье, честь, свободу жителей с. Выхвостова», 2) что подсудимые учинили убийства ввиду «неустранимого другими средствами отражения разбойного нападения» той же группы лиц (впоследствии убитых), ибо подсудимые были лишены всякой возможности обратиться к защите начальства не только в месте своего жительства, за отсутствием там надлежащей полицейской власти, но даже и в ближайший уездный город Городню, доступ к которому был в то время прекращен другими шайками грабителей, а также не могли прибегнуть к помощи своих односельчан, из которых часть находилась в таком же беспомощном положении вследствие тех же причин, а другая предавалась грабегам и насилиям».

Разберемся и в этом заключении палаты.

Никто из всех допрошенных 18-ти на суде, по желанию защиты, свидетелей не показал, чтобы убитые угрожали кому-либо смертью или лишением свободы. Даже сам коновод расправы М. Бобровник в своей речи перед судом такого рода фактов не привел: он лишь подробно обрисовал, какое ему пришлось «претерпеть унижение» от «крамольников». А, разумеется, он не преминул бы рассказать суду о насилиях, если бы таковые кому-либо причинялись убитыми.

Но лучше всего возможность объяснения расправы состоянием необходимой самообороны от «крамольной» группы опроверг не кто иной, как сам прокурор. «Нельзя говорить,—доказывал он в своей речи, очевидно не подозревая, что как раз именно так выскажется палата—нельзя говорить, что подсудимые действовали в состоянии необходимой самообороны, нельзя, потому, что никто из пострадавших (т.-е. убитых в расправе) в тот момент не совершал

никакого покушения на жизнь подсудимых; следовательно, и надобности в самообороне не было никакой. Не было также,—продолжал прокурор,—в момент убийства и соглашения между лицами, впоследствии убитыми: последние поодиночке появлялись перед подсудимыми и поодиночке же отправлялись на тот свет».

Итак, устанавливается, что группа в 15—16 человек выхвостовских «крамольников», впоследствии убитых подсудимыми, не угрожала последним ни смертью, ни насилием, ни лишением свободы.

Но чем все-таки можно объяснить трагичность развязки имевшегося антагонизма между разносостоятельными элементами местного крестьянства?

Прокурор в своей речи причину трагедии пытался свести к «фатальному случаю», созданному, по его мнению, одним из убитых Степаном Валахом: подъехав к сборне, он своим-де выходящим видом на панской лошади вызвал против себя раздражение присутствовавших на сходе; при чем все последующее, по мнению прокурора, проистекло уже из этого «фатального случая». И самые убийства,—доказывал обвинитель,—были совершены в запальчивости и раздражении.

Тогдашняя столичная черносотенная печать («Земщина», «Колокол») уже спешила использовать выхвостовскую расправу именно с отмеченной прокурором стороны: в самосуде-де,—видите ли,—«выразилась тоска по мирному житию, которое приходилось завоевывать от своих же «сородичей»... Один свидетель даже показал, что у коноводов расправы имелся даже список, кого решено было убить».

«Расправа с «вредной» группой выхвостовских крестьян мотивировалась перед деревенским населением коноводами, т.-е. богатой кучкой местных крестьян, именно, ссылкой на существование будто бы «указа» или «разрешения» начальства убивать «вредных для общества людей», «затейщиков погрома» и т. п.

Когда командированный из Питера важный чиновник прибыл в Выхвостово для обследования аграрных беспорядков и узнал, что «погромщики» уже убиты, то без стеснения сказал: «так им, собакам, и нужно»...

На самом процессе «свидетели»—помещик и исправник—аттестовали подсудимых, как «людей порядка». Но еще более выразительно высказалась защита, а именно, что действия подсудимых

были «чрезвычайно полезны для спокойствия страны» и что им «не было иного выхода»...

До суда все подсудимые находились на свободе. Причиной неявки двоих подсудимых оказалась «отлучка» последних в Ю.-Уссурийскую область, куда они переселились. В своем заключении по этому поводу прокурор указывал на незаконность действия того органа администрации, который разрешил «подобную отлучку». А затем из объяснений одного подсудимого секретарю палаты оказалось, что оба неявившихся поехали в Сибирь на казенный счет и провожал их земский начальник. Обвиняемые все были оправданы.

В черниговской газетке «Черниговское Слово», в номере от 2 мая писали:

«Ужасные картины прошли перед судьями в свидетельских показаниях, но судебная палата оправдала подсудимых... Оправдала, несмотря на то, что велик и возмутителен был грех этих простых, но честных людей... Оправдала потому, что этот грех казался ничтожным сравнительно с тем необъятным и позорным преступлением, которое в то время творилось над всей Россией и которое именовалось революцией».

Черносотенная газета кратко и четко формулировала причину оправдания подсудимых черносотенной палатой. Палата оправдала подсудимых потому только, что их «деяния» были контр-революционного свойства, что подсудимые встали на защиту «порядка» и «собственности»...

В заключение настоящей главы приведем еще один эпизод, имевший место в том же Городнянском у.

28 октября 1905 г. через с. Дубровное проезжали подводы, груженные какими-то вещами. На вопрос местного обхода, ехавшие ответили: «везем разграбленное имущество Облонского» и при этом добавили: «поезжайте и вы забирать имущество Облонского». На отказ обхода последовать этому совету везшие имущество заметили: «ну, так мы приедем грабить ваше имущество».

Обход пропустил подводы до села Смычина. Здесь стояла толпа местных крестьян в количестве до ста человек. Ехавшим был задан такой же вопрос, как и раньше, на который они ответили буквально то же самое, что вот они отвезут это добро, а потом приедут грабить имущество смычинских богачей и т. п. Во время этих разговоров начали звонить в колокол. Толпа увеличилась. В кон-

це концов, крестьяне селений Смычина и Дубровное напали на везших награбленное добро и тут же восьмерых убили.

К сожалению, в архивных жандармских делах нет данных, которые бы позволили определенно судить о том, при каких обстоятельствах произошла смычинская между-крестьянская кровавая история: было ли тут повторение выхостовской трагедии или же тут имело место какое-либо другое явление, сказать это трудно.

5. Крестьянские волнения в Конотопском уезде.

10 декабря 1905 г. весь Конотопский у. был объявлен губернатором Хвостовым на «положении чрезвычайной охраны», каковое «положение» давало местным властям неограниченные полномочия не только над имуществом, но и над жизнью граждан. Мотивировано было это «объявление» таким образом.

«Управляющий Московско-Киево-Воронежской жел. дороги сообщил мне, что отправляемые из Курска и Киева поезда задерживаются жел.-дор. забастовками на ст. Конотоп. Признавая, ввиду этого, а также ввиду забастовки в Конотопе ж.-д. мастерских, что положение на ст. в Конотопе, равно и в Конотопском у. становится крайне опасным для общего спокойствия, я, на основании высочайшего указа правительствующему сенату от 2 декабря 1905 г., объявил г. Конотоп и весь его уезд в положении чрезвычайной охраны».

При этом, на основании ст. 26 упомянутого «положения», начальник Черниг. губ. жанд. управления Рудов был уполномочен губернатором «принять энергические меры к восстановлению порядка и спокойствия в Конотопском у.». С этого времени полиция, а также и все воинские части, находившиеся в Конотопском у. поступили в полное распоряжение Рудова.

В тот же день, 10 декабря 1905 г., Рудов отправился из Чернигова в карательную экспедицию в Конотопский у.

Первые четыре дня Рудовым были употреблены на «успокоение» рабочих конотопских ж.-д. мастерских. После этого Рудов отправился для «наведения порядка» в бунтовавшие деревни Конотопского у., о чем 15 декабря полетели сразу три телеграммы: одна—губернатору; другая—в департамент полиции и третья—в Курск Пантелееву, командированному, «по высочайшему

повелению» в ряд губерний—а в том числе и в Черниговскую— «для водворения порядка»¹⁾. В этих телеграммах сообщалось, что сегодня он, Рудов, выезжает в ближайšie к Конотопу селения «для ареста агитаторов-главарей и для их обезоружения».

Конечно, «быстрота и натиск» были при этом проявлены необычайные: того же 15 декабря вечером были посланы Рудовым по тем же трем адресам новые телеграммы с извещением, что «сегодня» произведены обыски и аресты в с. Подлишном: арестовано было 12 человек и в том числе учитель министерского училища Кондрат Кошаевич.

Крестьяне отнеслись к властям и войскам враждебно, и только присутствие войск сдерживало толпу. Однако при следовании арестованных, когда они проходили в с. Подлишном мимо церкви, из-за ограды последней в конвой был произведен выстрел. Двое заподозренных были арестованы. Затем в Конотопе, при проходе тех же арестованных, имел место такой «случай»: собравшаяся тысячная толпа народа встречала и провожала конвой бранью и угрозами. Настроение толпы было настолько враждебное, что создавалась полная опасность того, что арестованные, в конце концов, будут освобождены силой.

Дано было распоряжение казакам связать арестованных и в таком виде провести через толпу. Картина получилась, конечно, отвратительная: арестованные упирались... казаки тащили их силой через толпу вплоть до тюрьмы... А затем принялись разгонять толпу.

Между прочим, в телеграмме Рудова губернатору, сообщавшей об этом «происшествии», имеется такое весьма интересное место: «сегодня ко мне прибыл уездный предводитель дворянства Рачинский, говорил с упреками о жестокости казаков, что возбуждает народ. При этом Рачинский заявил, что он, как хозяин уезда, будет телеграфировать губернатору и просить его или самому прибыть в Конотопский у. или командировать вице-губернатора. Я ответил Рачинскому, что буду благодарен, если вы пришлете другое уполномоченное лицо».

Замечание уездного (а впоследствии и губернского) предводителя дворянства Рачинского о проявленной казаками, при усми-

¹⁾ Ген. Пантелеев был командирован на место Дубасова, назначенного московским генерал-губернатором.

рени крестьянских беспорядков, жестокости имеет чрезвычайную ценность и достоверность.

Дело в том, что Рачинский был консерватор чистой воды, но большой законник, и в этом отношении он был белой вороной среди консервативных слоев черниговского дворянства; к тому же он был большой богач, крупный аграрий и винокурный заводчик. И, если даже и такой представитель командующих классов определенно говорил, что казаки проявили при умирении жестокость, что эта жестокость «возбуждала» народ, то можно себе представить, какие насилия и издевательства над крестьянами были проявлены на самом деле по распоряжению Рудова.

Жандармские документы далее свидетельствуют, что пропаганда идей крестьянского союза в Конотопском у. «шла шибко». Крестьяне соединялись в союзы, составляли о том соответственные приговоры, «проявляя себя непослушанием властям... неподчинением требованиям полиции... громкими толками об отобрании земли у помещиков... невнесением податей и т. п.». «Вообще,— характеризует тот же документ тогдашнее настроение крестьян в Конотопском у.,— последние держат себя вызывающе,— арестованных стараются освобождать силой. Все это вызывает сильное брожение среди крестьян и панику среди владельцев, к которым крестьяне начинают предъявлять разные требования».

Особенно «беспокойно» было упоминавшееся с. Подлипное, населенное по большей части служащими на жел. дороге. Оно являлось, по жандармской характеристике, опасным пунктом, возбужденным и готовым оказать сопротивление,—чуть не все жители этого села вооружены огнестрельным оружием.

15 декабря Рудов «замирил» с. Подлипное.

Одним из главных агитаторов крестьянского союза в Конотопском у. был крестьянин того же самого села Подлипного Василец, отличавшийся ораторским талантом и энергичной деятельностью. Василец был однажды арестован и посажен в тюрьму, но толпа крестьян Подлипного, вместе с крестьянами других селений, под угрозой разгрома тюрьмы, заставила его освободить. Потом он был все-таки задержан в Батурине того же Конотопского у. и посажен в тюрьму.

В других селениях Конотопского у. крестьяне производили «самовольно» массовую рубку помещичьих лесов, что особенно проявилось в с. Хижках, б. имени помещиков Фененко и Мар-

ковича. В этом селе, по приказу Рудова, был созван сход, где, под угрозой расправы, крестьян принудили «немедленно возвратить похищенное и не сметь более рубить лес». Тут же, на сходе, были арестованы двое крестьянских «главарей и распорядителей по рубке леса в Хижках».

Были также «недоразумения» и в Батуристине. В этом местечке на первый день Рождества перед становой квартирой собралась большая толпа народу (до 200 душ), несмотря на то, что «всякие сборища» были запрещены. На требование полиции и военных дозоров разойтись, толпа отвечала насмешками и бранью; однако, в конце концов, толпа была рассеяна. Но на другой день в том же самом месте собралась снова толпа народу, но уже в гораздо большем числе. Отношение собравшихся к полиции и войскам было крайне враждебное,—по адресу тех и других посылались насмешки, угрозы и т. п. Никакие предложения разойтись не помогали... Тогда были посланы к собравшимся урядник и стражник для предупреждения, что, если толпа не разойдется, войска будут стрелять. В ответ на это «предупреждение» в посланцев полетели колья и поленья. Было дано несколько залпов. Один был убит и несколько ранено. После первого выстрела раздался набатный звон. Народ стал собираться. Собралась такая масса людей, что даже вооруженные войска не решались сделать наступление. Специально был вызван взвод драгун. А 31 декабря прибыл сюда для усмирения и сам Рудов с уездным исправником.

Был согнан и сельский сход, где под защитой казаков Рудов принялся за «увещание» взбунтовавшихся крестьян и потребовал выдачи «виновных»... Последовало обычное «полное раскаяние» и такая же обычная «выдача агитаторов». Тут же было арестовано пять человек.

Ездил Рудов «успокаивать» население и в другие села—Митченки и Красное, где также было принесено крестьянами «чисто-сердечное раскаяние» с тем, чтобы, при первом же «удобном» случае, снова учинить «злое противоправительственное дело».

Кроме Подлипного, «рассадником преступных движений» в Котопском у. были соседние с Черниговской губ. с.с. Бочечки и Козачье Путивльского у. Курской губ. В этих селениях «бунтовщики» «уволчили» сельских властей, поставив на их место «какой-то комитет» («местное самоуправление»), который открыто заседал в чайной общества трезвости. Местные крестьяне отличались здесь

такой «дерзостью», что даже во время пребывания в Козацком Рудова явились в помещичью усадьбу, разогнали рабочих и всю прислугу... Жандармское управление говорит, что толпа была разъяренная, что только благодаря казакам удалось спасти жизнь управляющего и приказчиков. Казакам несколько раз пришлось делать атаку на толпу с целью разогнать ее.

6. Крестьянские бунты в Новозыбковском уезде и карательная экспедиция.

24 декабря 1905 г. в Чернигове была получена от Новозыбковского уездного исправника Голяховского телеграмма следующего содержания.

Положение дел в Новозыбковском у. ухудшается. Многие помещики подают заявление о том, что возможны «погромы», и просят «помощи», каковой оказать всем нет возможности:

В с. Катишине крестьяне составили приговор «не подчиняться властям и не платить налогов».

В с. Хотеевке образовалась «большая банда», производящая грабеж и открыто оказывающая сопротивление... Высланные туда из м. Семеновки казаки арестовали 12 крестьян и, только благодаря поспешности увоза арестованных, избегли опасности, ибо «все село поднялось на казаков». Но на этом дело не окончилось: четыреста хотеевцев направились в Семеновку и, окружив волостное правление, где сидели арестованные, «сделали нападение, но взводом казаков, после четырехчасовой борьбы, были разогнаны». «Для подкрепления казаков» из села Куршановичи «была передвинута» пехота, хотя и в Куршановичах—добавляет исправник—«тоже тревожно».

Но Новозыбковский уездный исправник не «как-нибудь» усмиряет: он, как на войне, вырабатывает «диспозиции», военные планы: «праздниками,—оповещает исправник жандармское управление,—он предполагает отправиться с полусотней казаков в вышеозначенную Хотеевку, чтобы «привести мятежников в повиновение и арестовать главарей. Только после этого представится возможность пойти с ротой пехоты и казаками в другие деревни—Белый Колодезь, Манюки, Сытую-Буду и Каташино для подавления мятежа».

Необходимо увеличение войск хотя бы на одну роту пехоты,—

просит исправник, — только тогда явится возможность «быстрее подавить разрастающийся мятеж».

В с. Карпиловке — драгуны. Но «главари разбойников» там не арестованы: они скрываются в селе Челкове. Из архивных материалов видно, что в Карпиловке была разгромлена экономия и винокуренный завод помещика Розенбаха. Крестьянин с. Денисовичи Заугольный, слышавший в деревне за «демократа», был во главе громивших экономию. После разгрома экономии он вел по деревне агитацию в пользу сбора денег для приобретения оружия, с целью оказания сопротивления солдатам и войскам в случае, если они придут арестовывать крестьян, участвовавших в разгроме экономии.

«Разбойники», разграбившие хутор Олимпиево, — продолжает телеграфировать исправник, — арестованы.

В с. Курозново, в имение помещика Карпенко, будет отправлен формирующийся отряд стражников. Из дел видно, что в этом селении крестьянами была сделана попытка нападения на помещичью усадьбу с целью грабежа хлеба.

Вокруг м. Семеновки «громят имения».

Город Новозыбков также «в сильном напряжении: ожидается нападение крестьян». Поэтому из Новозыбкова для других мест взвода казаков послать невозможно.

Получив по телеграфу такие «тревожные сведения» «об усиливающемся в разных местностях Новозыбковского у. аграрном движении и нападении крестьян на экономии местных землевладельцев», губернатор 27 декабря дает распоряжение известному нам Рудову, уже произведенному за «усмирение» Конотопского у. из полковника в жандармского генерала, отправиться в Новозыбковский у. «для подавления беспорядков самыми решительными мерами», при чем в его распоряжение были предоставлены как все находившиеся в уезде и городе Новозыбкове воинские части, так и уездная полиция и стража. При подавлении беспорядков предложено было руководствоваться распоряжениями департамента «крушая малейшее поползновение вооруженного сопротивления» полиции, то - есть «действовать оружием суровым образом, со-и т. п.

Еще до прибытия Рудова в Новозыбковский у. (Рудов в это время находился в Конотопском у.) был получен в Чернигове и Конотопе ряд телеграмм о дальнейших событиях в Новозыбковском у.

Помещик Розенбах молит о помощи, так как его имение в Карпиловке «подвергается разгрому».

Помещик Михневич, член совета министра финансов, телеграфирует Рудову из Петербурга, что крестьяне селений Белошицкая Слобода, Тополевка, Орлиновка, Хандобокровка и Погорельцы рубят его лес. В телеграмме предлагается «обратить внимание на тополевских заправил» Ивана Поддубного, Афанасия Шарабура, Григория Акускова и Семена Приходьку с братьями. В заключение помещик жалуется, что «власти давно уехали, не доведя дела до конца».

Третья телеграмма от Новозыбковского исправника от 30 декабря из Семеновки в Конотоп на имя Рудова. В ней сообщаются следующие сведения: «демократами» подготавливается мятеж. Возбуждение населения сильное. Собрались тысячные толпы, но сопротивления войскам не оказывают. Агитаторы «намечаются». Они будут арестованы.

Того же 30 декабря в Конотоп летит из Чернигова телеграмма губернатора Рудову с просьбой поспешить выездом в Новозыбковский у., так как получены «весьма тревожные сведения».

Но еще до прибытия в Новозыбковский у. карательной экспедиции Рудова усмирение там уже шло во всю мочь.

Так, под воздействием властей, крестьяне Нового Ропска на сельском сходе постановили сослать шестнадцать «воров». Едва ли нужно здесь комментировать, что «ворами» именуются здесь или участвовавшие в разгромах, или подозреваемые в таковом участии, или, наконец, агитировавшие в революционном направлении.

Окончив сход,—читаем мы в одной телеграмме,—толпа отправилась арестовать назначенных к высылке, арестовала шесть, остальные же десять скрылись. Шесть домов скрывшихся толпой были разгромлены, остальные же четыре дома были сожжены. Задержанный толпой Москаленко сильно избит; затем он исчез: говорят, его бросили в огонь.

В дальнейшем, под давлением жандармско-военной силы, крестьяне в Новозыбковском у. составляли приговоры о высылке «порочных членов общества», т.-е. бунтарей, агитаторов и т. п. элементов, и, следовательно, возможно, что под угрозой жестокой расправы могли найтись среди крестьян такие, которые из людей превратились в зверей, в предателей своих же братьев крестьян,

предавая их смерти по средневековому способу сжигания на кострах...

Возможно, наконец, что тут имело место нечто подобное выхвостовской истории, но только здесь, в Новом Ропске, «хозяйственным мужичкам», — этим людям «порядка» и «собственности», — удалось увлечь за собою более значительное число местных крестьян.

Но вот 1 января 1906 г. прибыл в Новозыбковский у. и сам глава карательной экспедиции жандармский генерал Рудов. «Экспедиция» эта продолжалась целых девять дней.

Уже из предыдущего читатель мог видеть, что в Новозыбковском у. крестьянские беспорядки приняли для правящей власти особенно опасный, особенно упорный характер.

Выше уже был приведен «случай» в Семеновке, где толпа была разогнана, по выражению своих усмирителей, лишь «после четырехчасовой борьбы»... Это уже нечто вроде настоящих «военных действий»...

А вот другой эпизод, имевший место в другом селе, когда нападение «бунтовщиков было отбито залпами взвода драгун и отряда стражников»...

Здесь, в Новозыбковском у., при описании усмирительных мер, власть не раз употребляет выражения уже не просто «беспорядки», а «мятеж» и даже «вооруженный мятеж», а то и прямо «вооруженное восстание»...

Здесь, в том же Новозыбковском у., действуют уже не отдельные группы села, а все село или, по крайней мере, большая его часть... Так, о беспорядках в Сытой-Буде говорится, что это был «вооруженный мятеж, к которому примкнули все жители села»...

Вообще, в Новозыбковском у. аграрные волнения носили гораздо более резко-революционный характер, чем, например, в Котопском у.

В с. Рубежном, где еще в ноябре крестьяне рубили леса помещиков Долгоруковой и Зеньковича, приставу, приехавшему собрать сведения об агитаторе-крестьянине Иващенко, толпа крестьян оказала сопротивление. Пристав под угрозой толпы должен был оставить село.

То же имело место в другом селении — Великой-Топали: когда в это село попытались явиться урядник и старшина с целью аре-

Такова была общая картина крестьянских беспорядков в названном уезде.

В частности, об отдельных деревнях имеются в тех же архивных материалах такие сведения.

Крестьяне с. Денисковичи с 12 декабря стали «скопом» увозить дрова, приготовленные для завода помещика Розенбаха в д. Карпиловке. Увезено было до 250 куб. сажени. А 29 декабря крестьяне с. Денисковичи совместно с крестьянами с. Карпиловки толпой ворвались в экономическую усадьбу в с. Карпиловке, разбили окна в квартирах служащих и рабочих, разбили замки у амбаров и кладовых, где хранился хлеб, и в подвалах, где находился спирт. Разграблено было свыше пяти тысяч пудов ржи, столько же овса; свыше 170 тысяч градусов спирта и др.; был также взят весь живой хозяйственный инвентарь (лошади, коровы).

По словам одного документа, движение возникло вследствие агитации учителя денисовской земской школы И. Н. Дмитриюка. Арестовать, однако, последнего не удалось, так как он скрылся, но зато было арестовано 10 человек крестьян, как «предводителей и зачинщиков»; в числе арестованных оказался и староста Петьков. Арестованные были заключены под стражу на другой усадьбе того же помещика, в с. Спиридоновой-Буде. Толпа крестьян селений Денисковичей и Карпиловки сделала попытку освободить арестованных, но взводом драгун и отрядом стражников толпа залпами была отбита.

3 января в Карпиловке был созван сход всех домохозяев, где, после известных уже нам «разъяснений» и «уговоров» Рудова, крестьяне «обязались» возвратить помещику все награбленное, к чему в тот же день и приступили, и составить приговор о высылке подстрекателей и вообще порочных членов общества.

Того же числа был созван сход в с. Денисковичах. Но так как на сход явилось весьма мало крестьян, то были посланы по селу казаки и полиция для привода на сход силой.

Крестьяне этого села, при участии карпиловских крестьян, оказали «явное неповиновение чинам полиции», разбив квартиру стражника. Так как «главные коноводы и бунны» скрылись, то были арестованы их отцы и братья, впоследствии освобожденные по явке скрывшихся.

Здесь, на сходе, жандарм Рудов, конечно, тоже выступил со своими традиционными «увещаниями», в ответ на что следовало,

как и в других селениях, «принесение повинной», обещание возвратить помещику награбленное и составить приговор о «высылке порочных членов общества». Арестовано было девять человек.

В селе Спиридоновой-Буде крестьяне, хотя и обязались на сходе перед усмирителем Рудовым «возвратить награбленное, но ничего не возвратили». Очевидно, здесь «уговоры» не помогли. Было арестовано шесть «подстрекателей».

Неудачна была также рудовская «экспедиция» и в село Малые Щербиничи. Здесь «орудовал опасный агитатор и пропагандист» крестьянин Иван Мосягин: он собирал сходки, вел пропаганду, «подстрекал» к бунту и неповиновению властям, распространял прокламации и т. д., и т. д. При проезде Рудова по этому селу, в сопровождении исправника и под охраной взвода казаков, Мосягин находился тут же, в селе, и однако... арестовать его не удалось...

В селе Синем-Колодезе «часть крестьян образовала особую партию из 14 человек, терроризировавшую всех крестьян села и побуждавшую их не платить податей, не исполнять требований начальства, грабить и разбивать помещичьи усадьбы». Эта «партия» избрала из своей среды одного агитатора, присвоив ему наименование оратора для сношения с «революционерами-агитаторами», проживавшими в Новозыбкове, и для получения от них книг для распространения среди крестьян.

На сходе в этом селе, конечно, тоже последовало обычное «выступление» Рудова и такое же «обычное» обещание крестьян «не допускать в свое село злонамеренных лиц для агитации, при появлении их задерживать» и т. д., и т. д.

Так как из упомянутых 14 крестьян никто не пожелал выдать «агитаторов, подстрекавших к мятежу», то все они были арестованы.

По донесению в департамент полиции Рудова, в селе Мониоках, благодаря агитации крестьянина Мартына Дикого, «революционное движение приняло широкие размеры... Половина населения Манюков была увлечена революционным движением». Прибывшему сюда для карательной экспедиции Рудову удалось захватить «всех главарей революционного движения» и в том числе долго скрывавшегося «главного агитатора Мартына Дикого». Всего было арестовано 13 человек, в числе их был и сельский староста, «примкнувший к революционному движению». На собранном, по приказу Рудова, сходе последний сделал «должные

разъяснения и строгие внушения», при чем усмиритель «предупре-ди» крестьян, что для них последуют «страшные бедствия, в случае повторения того, что было». Затем усмирителем было предложено возвратить (лес, имущество и др.) и составить приговор о «высылке порочных членов» и т. д.

«Крестьяне, — доносил Рудов, — повидимому, поняли серьезность положения и обещали задерживать агитаторов и представлять их в полицию, а также дали обещание составить приговор о высылке».

Давая впоследствии (27 января 1906 года) в департамент полиции письменный отчет о своих карательных экспедициях, Рудов так характеризует настроение крестьян с. Манюков после своего туда карательного набега: «По настоящее время крестьяне держат себя спокойно, никаких насиллий, как равно попыток к революционному движению, не проявляют, но награбленный лес владельцам никто из них еще не возвратил». Подчеркнутая нами фраза достаточным образом свидетельствует, что о крестьянской покорности с. Манюков и после карательной экспедиции также не могло быть речи. Не могло быть речи о покорности крестьян и во всех других селениях как Новозыбковского, так и прочих уездов Черниговской губ., если, конечно, говорить о покорности сознательной, искренней, а не вынужденной, проявленной под угрозой расправы военной силы, нагаек, штыков и т. п. мер...

7. Крестьянские вожди.

Мартын Дикий.

(Характеристика его революционной деятельности.)

Личность крестьянского агитатора Мартына Дикого представляет немало интереса.

Ему было 35 лет. Он пользовался среди крестьян популярностью и доверием, что доказывается избранием его делегатом в Москву на съезд Всероссийского крестьянского союза. По возвращении оттуда в свое родное село Манюки Дикий начал вести усиленную пропаганду среди крестьян не только своего села, но и соседних деревень.

Крестьяне, — говорил Дикий, — должны вступать в крестьянский союз, так как, только объединившись, они смогут добиться значительного улучшения своего положения. Что касается земли,

то она, в конце концов, теми или иными путями должна перейти в собственность крестьян; путь этого перехода должна будет определить Государственная дума, решение которой по этому делу нужно ждать терпеливо. Разгромы помещичьих экономий—рассказывал крестьянам Дикий—и вырубка лесов обесценивают землю, что не в интересах крестьян, ибо земля достанется им же; а потому разгромов и порубок делать не следует.

Дикий пользовался среди крестьян большим авторитетом, что, помимо вышеупомянутого факта его избрания делегатом в Москву, хорошо иллюстрируется еще таким обстоятельством: под влиянием Дикого крестьяне давали слово не пить водки и составляли приговоры не платить податей. В этих приговорах говорилось также и насчет земли; указывалось, что крестьяне в своих нуждах стеснены, а чтобы вышло облегчение, необходимо, чтобы все земли—казенные, монастырские, удельные и помещичьи—перешли бесплатно в общее владение. Говорилось в этих приговорах и о том, чтобы всем было доступно образование, чтобы сняты были косвенные налоги и т. д., и т. д.

По совету Дикого в Манюках был составлен приговор об образовании крестьянского союза; под приговором подписалось много крестьян—до ста душ. По показанию одного крестьянина, «Дикий весьма влияет на крестьян и своим влиянием быстро составляет крестьянские союзы в окружающих местностях».

При любопытных обстоятельствах был собран сход в дер. Скоробогатой-Слободе. В эту слободу Дикий пошел со специальной целью побудить крестьян образовать крестьянский союз. По его просьбе сельским старостою был созван сход. Впоследствии в своих показаниях староста дал по этому поводу такое объяснение: он, староста, пригласил на сход и волостного старшину; сделал он это с такой целью: если Дикий вздумает сказать на сходе, в присутствии старшины, что-нибудь противоправительственное, противозаконное, то чтобы тут же его и арестовать. Но—показывали и староста и урядник—Дикий на сходе «ничего против законного» не говорил, а лишь только читал из газет приговоры, которые составляли крестьяне в разных местностях России для образования крестьянских союзов. Но, по показанию урядника, миссия Дикого в Скоробогатой-Слободе, в противность Манюкам, кончилась будто бы неудачно: «крестьяне ответили ему дерзостью, и он, Дикий, ушел оттуда ни с чем домой». В рапорте того же урядника «о противоправительственной дея-

тельности» Дикого имеется одно чрезвычайно интересное место: «как стал Дикий уходить из училища со схода 27 ноября, то я ему объяснил, чтобы сходов подобных он не созывал и приговоров не составлял; а он мне ответил: прочитайте манифест 17 октября, где сказано—свобода слова, собраний и союзов. Я ему на это ответил: на основании положения об усиленной охране всякие сборы (т.-е. собрания. *И. Др.*) без разрешения начальства воспрещаются».

Последующая судьба Дикого показала, что в его «академической дискуссии» с урядником «сила доводов» была не за Диким, а за урядником...

По донесению в департамент полиции, Дикому в ряде деревень «с успехом удалось образовать вокруг себя значительную партию, терроризировавшую и подчинявшую своему влиянию почти всех домохозяев села Манюков. Неоднократные попытки чинов местной полиции арестовать Дикого встречали упорное сопротивление со стороны крестьян, и агитация Дикого продолжалась».

Мартын Дикий по убеждениям своим был штундист и, как таковой, он был противником всяких насилий. И потому данное им на этот счет показание уряднику было вполне искренним. Вот это показание, как юнo передано было урядником в рапорте последнего по начальству: «если бы я собирал (народ), чтобы с целью сделать возмущение, разбить кого-либо, ограбить или убить, я этого на сходках не говорю, а тем более я делаю им наставление не посягать на чужое имущество, а не разбивать и не грабить, а я только веду беседу с крестьянами о нуждах наших».

Итак, Мартын Дикий учил крестьян, употребляя его собственное выражение, «быть мирными гражданами». И однако... и однако те же его односельцы, среди которых, как было говорено выше, он пользовался большим влиянием, оказались далеко не мирными гражданами: производили порубки в помещичьих лесах, увозили домой награбленное и т. п.

А с другой стороны, нужно констатировать и то обстоятельство, что не будь «мирной» пропаганды Дикого, аграрное движение в тех местностях приобрело бы более эксцессуальные формы...

Судьба Мартына Дикого была печальна. Он просидел в тюрьме около полугода и там проявил признаки умопомешательства. Случилась обычная жандармская гадость.

В жандармском донесении Дикому была дана такая характе-

ристика: «в общем влияние Дикого на крестьян нельзя считать опасным, так как Дикий, как штундист, — противник насилия». И... и, тем не менее, ему инкриминировалось традиционное «насильственное ниспровержение» и т. д. Дикий, как «государственный преступник», был арестован. Так обстояло дело Дикого в марте 1906 года. А в августе обвинение Дикого в «государственном преступлении» самими жандармами было признано уже «сомнительным»...

И вот, доведя человека до психического расстройства, жандармы освобождают Дикого и дело его прекращают...

У Мартына Дикого были «ближайшие помощники». Вот какая характеристика дается им жандарским дознанием.

Василий Рющин. Он снимал во владельческих экономиях рабочих; «подстрекал» крестьян к массовой рубке помещичьих лесов; собирал деньги на вооружение с целью оказания в будущем вооруженного сопротивления властям; учил крестьянских детей петь революционные песни, и дети, действительно, ходили толпами по селу с красными флагами и пели эти песни...

Михаил Рубан. Будучи сельским старостой, он «не только не препятствовал, но даже способствовал» развитию среди крестьян революционного движения. Рубан «не допускал» крестьян покупать частновладельческие земли, доказывая, что землю крестьяне возьмут даром.

Тимофей Приходько. Он был «непосредственным помощником Дикого по революционной пропаганде среди крестьян».

Григорий Дикий (брат Мартына). Собирал деньги на вооруженное восстание.

Домет Кусов, Иван Кусый, Семен Шатаба, Иван Корейцев и Василий Федорченко. Все они, «будучи воспитанные Мартыном Диким в революционном духе, являлись главарями шайки, грабившей лесной материал у помещика Воронина».

Василий Савченко. Был казначеем и сборщиком денег «на вооружение революционеров».

Мотель Нейштадт. Укрывал у себя Мартына Дикого и давал помещение под революционные сходки.

Гавриил Савченко. Распространял среди крестьян нелегальную литературу, а также вместе с Мартыном Диким вел пропаганду среди крестьян.

Все эти «помощники» Дикого, конечно, тоже были арестованы,

СЕМЕН ТУРОВ.

(Характеристика его революционной деятельности.)

В с. Великой-Топали, Новозыбковского у., куда также был произведен набег карательной экспедиции Рудова, вел агитацию крестьян этого же села Семен Туров.

Агитатору Турову было 19 лет. Родители его были крестьяне, имевшие 8 дес. земли. Туров окончил Велико-Топальское земское училище, затем поступил в Новозыбковское двухклассное городское училище, которое также окончил. Далее, на средства кн. Долгоруковой, Туров попал в Новозыбковское сельскохозяйственное техническое училище, где прошел только приготовительный класс, так как вздумал поступить в Белгородский учительский институт. Но тут его не приняли «вследствие физической слабости». Проживал Туров в родном селе Великой-Топали; средства к жизни добывал уроками.

В жандармских делах имеются следующие сведения о революционной деятельности Турова.

11 ноября Туров читал крестьянам на крыльце волостного правления газету «Русское Слово», где был помещен отчет о съезде крестьянского союза. В этом отчете были, между прочим, приведены речи делегатов съезда, призывавшие громить помещиков и выгонять полицию. Народ, слушая чтение, смеялся, видимо, сочувствуя читаемому.

С этого дня Туров стал пользоваться большим доверием своих односельчан, и на селе стали уже говорить, что Туров—единственный человек, который стоит за крестьянские интересы, и что за это его и преследует полиция. С этого дня Туров стал ежедневно читать газеты вслух в помещении чайной общества трезвости.

Нижеследующий случай еще более усилил популярность Турова среди крестьян.

Ревизор, служивший у кн. Долгоруковой, поручил сельским старостам (их было в этом селе два) составить списки крестьян, нуждающихся в топливе. Но Туров этому воспротивился. Он «самовольно» (после того, как староста ему в этом отказал) собрал 24 ноября сход, где прочел заранее составленный им приговор и предложил крестьянам подписать его. В этом приговоре был выставлен ряд требований к экономии кн. Долгоруковой, а

именно: удаление управляющего за невозможно-грубое обращение с народом и неисполнение своих слов; свободный проезд по дорогам; бесплатный сбор ягод, грибов и валежника в лесах и лов рыбы в экономических водах; бесплатная пастьба скота; сдача крестьянам земли и лугов с третьего, без услуг; отпуск на каждый двор по 1 куб. саж. дров по цене от 4 руб. до 6 руб. за сажень; улучшение быта экономических рабочих; повышение поденной платы: 1 руб.—мужчинам, 60 коп.—женщинам и 30 коп.—подросткам; возка сена с экономических лугов в такое время, когда крестьяне найдут это для себя более удобным, наконец, предоставление другого здания для чайной и читальни, так как теперешнее очень тесно. Когда приговор этот уже был многими подписан, урядник вдруг отобрал его у Турова, чтобы представить по начальству. Тогда Туров произнес: «Мы хотели жить в мире с экономией и потому решили обратиться к ней с этим приговором. Но полиция отбирает приговор и заставляет нас воровать. Урядник и старшина действуют против царя ¹⁾,—они лишают крестьян возможности улучшить свое положение»... Крестьяне начали кричать: «отнять приговор»... Приговор не дошел до помещицы: на нем рукою ревизора была сделана такая резолюция: «Так как это прошение (приговор, а не «прошение». *И. Др.*) подписано не всем обществом (произошло это потому, что урядник отнял приговор во время подписания его. *И. Др.*) и так как некоторые пункты его представляются неисполнимыми, а другие являются требованием, а не просьбой, я настоящего прошения для доклада ее сиятельству кн. Марии Павловне Долгоруковой принять не нахожу возможным».

4 декабря урядник получил приказание пристава арестовать Турова, но последнего не было в селе: он уехал на съезд крестьян в Новозыбков. Урядник отправился вслед за Туровым в Новозыбков, но арест его не удался. Когда Туров вернулся, урядник стал его искать. Урядник, застав Турова у одного крестьянина, предложил ему добровольно явиться к приставу. Туров согласился было; но в этот момент в избу вошли ближайшие приятели Турова вместе с группой других крестьян и прямо

¹⁾ Был ли такой взгляд Турова на царя его убеждением, или же это было лишь тактикой со стороны Турова, определенно ответить на этот вопрос нет данных. Можно лишь высказать предположение, что скорее тут имел место тактический шаг, считавшийся Туровым наиболее целесообразным.

заявили уряднику, что они не пустят Турова. В другой раз—как уже рассказано раньше—Турова приехали нарочно арестовать урядник и старшина, но они были толпой крестьян изгнаны. Вообще полиция долго никак не могла арестовать Турова, хотя он открыто собирал многочисленные сходки, где открыто выступал с речами. Впоследствии его все-таки удалось арестовать уряднику, подкараулившему Турова, когда он возвращался домой из соседнего села.

10 декабря земским начальником был собран сход для выслушивания крестьянами «объяснений» манифеста 17 октября. Суть этих «объяснений» земского начальника сводилась к тому, что хотя-де манифестом и «дарована» свобода слова и т. д., но закон этот войдет в силу лишь тогда, когда он будет разработан Государственной думой. Туров и его ближайший товарищ крестьянин Роговец выслушали эти земско-начальнические «объяснения», но, как только «земский» вышел в другую комнату, они—по словам одного донесения—«стали на его место» и начали читать «какой-то свой манифест и объяснять его по-своему». «Царь,—говорили названные агитаторы,—дал свободы, а губернаторы их отнимают...¹⁾ С весны выйдет новый закон, и тогда уже не будет никакого начальства...» В этот момент снова вошел в комнату земский начальник и стал просить разойтись. «Но Туров и его шайка,—показывал впоследствии староста,—требовали сместить обоих старост и ввести новый закон».

Турова на собраниях крестьяне всегда охотно слушали, так как он обладал даром красноречия. В одном протоколе пристава Туров аттестуется как «непримиримый враг правительства».

На жандармском допросе 21 декабря Туров дал следующее очень интересное показание.

«Я не признаю себя виновным в подстрекательстве крестьян к аграрным беспорядкам. Я им объяснял, что захват земли и леса у помещиков в настоящее время безнравственен, потому что крестьяне в настоящее время не могут поделить захваченное добро поровну и явятся обиженные крестьяне. Я объяснял крестьянам, что если они организуются, то земля все равно перейдет к ним. Я говорил, что если помещики отвыкли от физического труда, то придется их содержать на свой счет, пока дети не при-

¹⁾ См. предыдущее примечание.

выкнут к работе и не станут обрабатывать землю ¹⁾. Я говорил крестьянам, что землю у помещиков можно взять совершенно законно, если в Государственной думе окажется большинство крестьян, тогда они могут постановить об отобрании земли у помещиков; в противном случае рекомендовал им стачки, говоря, что стачки поставят помещиков в безвыходное положение и тогда крестьяне отберут большие имения без всякого вознаграждения, а за малые имения дадут вознаграждение по своему усмотрению. Я не говорил крестьянам, чтобы они отказывались платить подати, но внушал им мысли, что податей они переплатили уже с излишком.

«Я не учил не слушаться и внушал им, что в настоящее время это неосуществимо, так как прищлот казаков и заставят слушаться. Крестьянам необходимо организоваться, и тогда они уже смогут настоять на своем. Лично себя я считал принадлежащим к крестьянскому союзу».

Далее Туров показал, что, по приглашению Иващенко, он вместе с Роговцем ездил в Новозыбков на съезд крестьянского союза, который не мог состояться, так как полиция узнала про съезд.

Что касается выступления Турова на сходе с объяснениями манифеста, то по этому поводу Туров показал жандармам, что действительно он выступал с объяснениями, но только ввиду того, что видел, что крестьяне объяснениями земского начальника остались недовольны. «При чем, — показывал Туров, — я не столько объяснял, сколько внушал крестьянам необходимость скорейшего созыва народных представителей. Как член крестьянского союза, я приближаюсь по своим взглядам к партии социалистов-революционеров».

Приведенное выше о деятельности Турова, и в особенности об его взглядах, свидетельствует, что названный крестьянский агитатор был ярким выразителем умеренных идей крестьянского союза. К положительным же чертам деятельности Турова несомненно нужно отнести то обстоятельство, что Туров высоко

¹⁾ В одном жандармском документе, где излагаются взгляды Турова, читаем следующее: „О соглашения с помещиками—говорил Туров—не может быть и речи. Крестьянам лишь придется на первых порах содержать помещичьих детей, пока они не привыкнут к физическому труду“. Несомненно, что здесь более верно передана относящаяся сюда точка зрения Турова, чем в вышеприведенном показании.

ценил организованные приемы борьбы крестьян с правительством за свои нужды, что он достаточно хорошо понимал силу и мощь объединений и союзов. Однако же и в отношении агитации Турова среди крестьян нужно сказать то же самое, что было нами сказано в отношении агитации Дикого: умеренные взгляды Турова не помешали крестьянам бурно проявить свое веками накопившееся недовольство.

У Турова, как и у Дикого, тоже были «ближайшие помощники по революционной пропаганде». Часть из них была арестована, другим удалось скрыться.

Григорий Иващенко.

(Характеристика его революционной деятельности.)

Григорий Иващенко был крестьянином уже известной нам дер. Сытой-Буды. Он вел активную агитацию не только в Сытой-Буде, но и в окрестных селениях. Иващенко «всю округу мутит» — говорила о нем местная власть.

Вот факты революционной работы Иващенко, почерпнутые нами из архивных дел бывшего жандармского управления.

Иващенко был избран делегатом на Московский съезд крестьянского союза. По возвращении из Москвы, он стал «самовольно» собирать не только сходы и собрания, но даже и сельские сходы, и не только в своей деревне Сытой-Буде, но и в других селениях. На одном из таких сходов, им собранных, Иващенко доказывал, что следует выгнать полицию, так как она совершенно не нужна и делает только один вред. Не нужны также и земские начальники, к волостному правлению также не нужно обращаться; будет «какое-то учредительное собрание», которое и издаст новые законы. Когда при этом один крестьянин вздумал заметить, что «не следует слушать какого-то арестанта» (Иващенко раньше привлекался по политическому делу и сидел в тюрьме), то его просто выгнали вон из сборни.

«Иващенко, — показывал один староста, — завладел почти всем селом; ему все подчиняются... Он устроил свою милицию, которая защищает теперь панские леса от массовых порубок... Рубить панские леса не надо — так говорит теперь Иващенко крестьянам — потому что они все равно будут наши и, стало быть, не надо их портить...»

На сходе 20 ноября в Сытой-Буде было много народу, до

двухсот человек. Иващенко и один из его ближайших «помощников»—Стерлин—читали народу «какие-то книжки» и говорили такие речи: царя теперь нет... властей слушаться не надо, так как крестьяне теперь «сами собой будут управляться»... С весны земля у помещиков будет отобрана и поделена, «потому что теперь все равные граждане».

На этой сходке имел место такой эпизод. Один крестьянин подошел к Иващенко и говорит: «тут стоит староста и молчит, а ты говоришь...» На это Иващенко ответил: «Староста—болван, ничего не понимает... Их гнать надо из села... Нужно гнать и дворян, вообще надо очистить село... И тогда у нас будут хорошие порядки...»

Иващенко пользовался известностью «во всей округе»: за ним даже нарочно присылали из других селений, чтобы он приехал к ним «говорить». По одному из таких приглашений Иващенко поехал в с. Каменку. Прибыв в эту деревню, он послал одного крестьянина к старосте с требованием, чтобы последний созвал сельский сход. Староста отказал. Несмотря на это, на судовую квартиру собралось до 80-ти крестьян. Пришел туда и Иващенко. Здесь он продиктовал сельскому писарю приговор, где были выставлены такие требования: «не признавать самодержавия»; не давать рекрут; не платить податей; «упразднить косвенные налоги»; «устранить великую власть»; «полицию избивать»; отнять земли помещичьи, казенные, удельные и монастырские и разделить их между крестьянами. На другой день староста этот приговор уничтожил.

На этом же сходе Иващенко предлагал выбрать делегата на съезд крестьянского союза в Новозыбкове. Избраны были Иващенко и другой крестьянин—Семен Луговой, ближайший «помощник» Иващенко.

С тем же предложением Иващенко выступал и в Великой Топали. Здесь делегатами были избраны крестьяне Роговец и известный уже нам Туров.

На поездки делегатов в Новозыбков были собраны деньги.

А вот что было на сельском сходе в с. Рубежном, созванном 28 ноября старостой. На сход явился и Иващенко. Сход был многолюдный. Иващенко сразу завладел вниманием собравшихся: он принялся читать протокол крестьянского съезда в Москве; после чего предложил писарю составить приговор, указав при этом, что должен заключать в себе этот приговор. Содержа-

ние последнего было таково. При общем беспорядке в государстве, крестьянские нужды не могут быть разрешены, как следует. Для устранения же этого беспорядка нужно, чтобы государством управляли не чиновники, а выборные от народа люди. Объявленное 6-го августа положение о Госуд. думе обставляет выборы такими стеснениями, что лучшие люди не попадут в думу (речь идет о совещательной Булыгинской думе, от которой, под давлением октябрьской революции, правительство отказалось. *И. Др.*). Почему сход постановляет и т. д. Дальше в приговоре были намечены следующие крестьянские требования: четыреххвостка; учреждение особых комиссий, наблюдающих за правильностью выборов; издание законов принадлежит только народным представителям, и никакая власть их отменить не может; упразднение сословий; демократизация местного самоуправления; национализация всей земли и отобрание ее в пользу трудящихся; уничтожение косвенных налогов и введение прямых; обязательное всеобщее обучение на государственный счет; свобода собраний, союзов, слова и печати; амнистия политическим и аграрным преступлениям, и, наконец, в последнем пункте говорилось о присоединении с. Рубежного к крестьянскому союзу. При этом Иващенко объяснил крестьянам, что подобные приговоры составляются повсюду и что к весне непременно будет произведен насильственный раздел земли.

После подписания приговора Иващенко предложил собрать с каждой души по 25 коп. для покупки оружия «для отражения полиции и войск».

Впоследствии приговор этот писарь порвал, за что его грозил убить.

В заключение маленький штришок о том влиянии, которое оказывала на крестьян агитация Иващенко: об одной деревне—Пруске—волостной старшина показал: крестьяне этой деревни всегда были самыми исправными плательщиками и самыми тихими; но теперь осмелели, самовольно стали выезжать для рубки леса кн. Долгоруковой, вообще «испортились»...

8. Крестьянские бунты в Суражском уезде и карательная экспедиция.

Нигде в Черниговской губ. (кроме разве Новозыбковского уезда) крестьянские беспорядки не получили такого распространения, как в Суражском у. Здесь с осени 1905 г. по январь

1906 года было разгромлено 35 помещичьих имений, вырублено было много помещичьих лесов, и произведено громадное количество мелких «нарушений собственности и насильий». За это расправа с «бунтовщиками» в Суражском у. носила особенно жестокий и варварский характер: людей застреливали прямо на сходах, публично; подвергали их пачками позорному наказанию розгами, порой запарывали почти до смерти...

В с. Кибирщине, напр., как признается само жандармское донесение, восемь крестьян были подвергнуты тяжелому телесному «наказанию»... Раз сами жандармы говорят, что наказание было «тяжелое», то можно представить себе, что было в действительности...

Тут, в Суражском у., палачи карательной экспедиции разошлись, что называется, во-всю, полностью следуя директиве царского обер-палача—министра внутренних дел Дурново—«без суда истреблять мятежников силою оружия и даже жилища их стирать с земли»... В Суражском у. усмирители в точности выполнили эту безрассудную и невиданно-дикую меру—сжигания домов и хозяйственных построек бунтовщиков крестьян... Даже само жандармское донесение, передавая по телеграфу о случае сожжения «для примера» гумна скрывшегося «вожака—главаря» Федоса Кулеша, сопроводило это свое сообщение такими двумя чрезвычайно выразительными словами: «впечатление потрясающее»...

Усмирение крестьянских бунтов в Суражском у. было поручено черниговским губернатором тому же самому жандармскому генералу Рудову. «Полномочие» на это было дано ему еще 27 декабря, то-есть «авансом», одновременно с поручением усмирения Новозыбковского у.: «в случае возникновения беспорядков в Суражском и Мглинском уездах» Рудову предлагалось «незамедлительно выехать на места происшествя».

Время было тогда «подъемное»... События развивались быстро... Уже 1 января 1906 г. губернатор телеграфировал в Новозыбков Рудову, «занимавшемуся» там «замирением» крестьянства, что получены «весьма тревожные известия из Суражского у.: беспорядки усилились».

Как видно из телеграммы суражского исправника в Новозыбков Рудову от 2 января, крестьянские беспорядки проявились в такой форме.

27 декабря было сделано нападение на винокуренный завод помещика и зем. начальника Стоша.

То же самое случилось в Кургановке, в имении помещицы Ханенковой.

Того же числа была разгромлена мельница и сукновальня в с. Косичах помещика Ерченки.

25 декабря разгромлен хутор Речное помещика Скорнякова. Участвовали в грабежах крестьяне из ряда селений (Косич, Кулаги, Василевки и Зубович).

26 декабря было нападение на имение помещицы Бурковой в с. Казаричах.

28 декабря крестьяне села Каменки произвели попытку разгромить винокуренный завод в Заполье, возле Суража.

30 декабря разгромили хутор Горячкина.

Того же числа в селе Смяльцах было оказано вооруженное сопротивление казакам.

Губернатор, «обеспокоенный» такими «событиями», шлет 3 января Рудову в Новозыбков телеграмму с предложением «поспешить в Суражский у.».

Между тем беспорядки в Суражском у. продолжали развиваться и наводить панику на помещиков. Насколько «положение дел» в уезде было серьезно, об этом хорошо свидетельствует телеграмма суражского исправника от 5 января Рудову: «общая последнему, где именно и сколько войск расположено в уезде, исправник добавляет: «выводить их даже временно небезопасно».

Далее, того же 5 января, помещик и зем. начальник Стош, хлопоча о «спокойствии» в своем монрепо, с. Кибирщине, «убедительно просит» губернатора принять меры к «восстановлению «порядка»: аресты в Кибирщине не удались, — телеграфирует он губернатору, — ибо восстала вся деревня; при- став и казаки уехали»...

Заинтересовался крестьянскими беспорядками в Суражском у., конечно, и «сам» департамент полиции. И вот 8 января в Чернигов летит приказательная телеграмма, требующая, чтобы Рудов «поторопился в Суражский у., и самым решительным образом погасил бы, пока не поздно, смуту суровою расправою на местах с бунтовщиками и подстрекателями».

10 января Рудов начал свою «знаменитую» карательную экспедицию по Суражскому у.

Однако, прежде чем перейти к описанию «подвигов» этой экспедиции, приведем ряд эпизодов из крестьянских беспорядков,

происшедших в Суражском уезде еще до начала этой экспедиции.

Вооруженная толпа крестьян из дер. Калинок Новодроговской вол. отправилась грабить винокуренный завод купцов Голодцов в хуторе Заполье Лялической вол. С целью предупредить этот грабеж туда был послан полицейский надзиратель гор. Суража с отрядом казаков в 10 человек. При проезде через лес Голодцов отряд встречали группы крестьян, вооруженных ружьями. На вопрос: «что это за люди?» последовал ответ: «лесники». Но в трех верстах от города казаки увидели на льду реки толпу крестьян, из коих трое стояли отдельно на самом берегу. Одного из них казаки разоружили, двое же успели перебежать на лед. Как только это произошло, в толпе крестьян поднялся крик, на который последовал ответный крик и свист из лесу, при чем отвечавшие стали выходить из лесу и приближаться к отряду казаков. На вопрос казачьего урядника: «что за народ?» из толпы ответили бранью и выстрелами в казаков. Так как—говорится по этому поводу в рапорте исправника губернатору—винтовки были в чехлах, а лошади от выстрелов горячились, то, прежде чем ответить на выстрелы, казакам пришлось отступить по направлению к городу, что еще более подзадорило крестьян, и последние с криком: «идем в город... казаки удирают...» вышли из лесу к своим подводам, очевидно, намереваясь отправиться в город. Тогда казаки открыли по крестьянам огонь, что, однако, не оставило шестерых крестьян. Ввиду этого отряд казаков во весь карьер помчался в город: но при въезде в город встретил другую толпу крестьян. Казаки дали залп... Толпа крестьян с подводами стала отходить к деревне Калинкам. Казаки принялись ее преследовать. Было арестовано 17 крестьян; забрано 12 подвод, два ружья, семь топоров, шесть пил и два ведра. Из задержанных оказалось шесть раненых: пять—легко и один—тяжело.

На рапорте исправника о вышеизложенном «происшествии» губернатором была сделана такая достопримечательная резолюция: «казаки очень слабо действовали. Прошу генерала Рудова расследовать о бездействии казаков, убежавших от грабителей и не пускавших в ход военного оружия. Раненых очень мало. Стыдно только! (Курсив наш). А исправник не умеет внушить, как надо действовать. Всех встречных нужно обезоруживать, а сопротивляющихся уничтожать, не вступая в переговоры. Ружья должны быть наготове».

Итак, губернатор считал «стыдом», если при усмирении мало раненых... Это было практикование треповского приказа: «патронов не жалеть». Так всегда поступали царские власти по отношению к трудящимся массам...

А вот другой эпизод.

По сведениям властей, из дер. Кибирщины скрылся ряд лиц, виновных в подстрекательстве крестьян к погромам имений и грабежам и поджогам. Кроме того, власть обвиняла трех старост Кибирщины (Бокана, Грибанова и Рабенка) в том, что они допустили «подведомственные» им общества, в своем присутствии, составить приговор о снятии рабочих в экономии и на винокуренном заводе помещика Стоша (заводские рабочие были сняты 2 января 1906 г.).

И вот решено было произвести ряд арестов. Так как волостной «старшина Крупеня наотрез отказался идти с полицией для указания дворов крестьян, «подлежавших» аресту, и так как сельские старосты, несмотря на требование пристава, не явились к последнему, полицейский набег на Кибирщину был произведен под охраной 18-ти казаков, восьми стражников и двух урядников. Ко времени окончания обыска в казенной винной лавке, заведующий коей считался «подстрекателем», возле названной лавки собралась большая толпа крестьян, человек до двухсот (там были не только мужчины, но и женщины и даже дети). Казакам был дан приказ разогнать толпу или нагайками или холодным оружием. Казаки отказались выполнить этот приказ.

Несмотря на «угрожавшую толпу», пристав все-таки решился отправиться к домам сельских старост с целью захватить их там. Лишь во дворе одного Грибанова находился волостной старшина Крупеня; но и тот, узнав о приближении полицейских с отрядом казаков, тоже скрылся.

К этому времени толпа еще больше увеличилась (будто бы до 2.000 человек). Среди толпы было много вооруженных вилами, топорами, ружьями и револьверами.

И вот пристав предпринимает такой «военный маневр»: он решается «подойти к деревне с другой стороны», чтобы, арестовав старосту, затем, в отсутствие его, произвести обыск в доме последнего. Но... но и «с другой стороны» отряд пристава был встречен еще более многочисленной толпой, собравшейся из других окрестных селений (Бирюлей, Медведей и др.) и достигшей до трех тысяч человек.

Толпа эта не позволила полицейскому отряду войти в деревню, и пристав должен был удалиться, не арестовав никого из агитаторов.

Интересна была такая деталь. Крестьяне прибежали к следующему крайне отважному способу защиты: вперед были выставлены женщины и дети, и уже за ними находилась толпа крестьян. На этот раз такой маневр крестьян оказался действительным: казаки стали говорить между собой, чтобы не стрелять в женщин и детей. Если бы не такое решение казаков, пролилось бы много невинной детской и женской крови, ибо толпа была от казаков на расстоянии 10—15 сажень... Только ввиду такого исключительного поведения казаков пристав вынужден был удалиться со своим отрядом из деревни ни с чем...

Насколько настроение крестьян названной деревни было решительно и серьезно, об этом убедительным свидетельством может служить заявление того же пристава исправнику, что «для ареста крестьян необходимо командировать около батальона пехоты и сотню казаков, которые лишь после боя могут арестовать бунтовщиков».

Приведенный эпизод в д. Кибирщине весьма интересен. Он достаточным образом свидетельствует о том, до какой точки кипения доходила борьба взбунтовавшихся крестьян с угнетающим их произволом... Крестьяне были вооружены не только своим традиционным оружием—вилами и граблями, но и настоящим оружием—револьверами и ружьями. При чем, как видно из вышерассказанного «случая» в Кибирщине, бунтующее крестьянство действовало в известной степени организованно и планомерно: пристава, пожелавшему войти в бунтующую деревню с отрядом казаков и стражников, пришлось, как во время настоящих военных действий, встретить преграду своему «военному маневру» в лице вооруженной толпы крестьян и отказаться от «взятия деревни»... Сами представители власти говорят, что даже батальону пехоты и сотне казаков не удастся «без боя» войти в деревню и арестовать «зачинщиков»... Только таким решительно-мужественным настроением взбунтовавшихся крестьян и можно объяснить случаи, когда военная сила отказывалась «действовать оружием»: обычно усмирители бывают «храбры», когда перед ними отступают... но эта «храбрость» быстро теряется, когда усмирители видят перед собой бесстрашных противников...

Конечно, как то мы увидим дальше, и смелые, мужественные кибирщинцы должны были, в конце концов, «покориться», чему

вовсе удивляться нечего, ибо эта «покорность» получилась после жесточайшей и суровой расправы...

Приведем еще один эпизод, имевший место 3 января 1906 г. в с. Смолевичи.

Крестьяне этого села рубили лес помещика Степунина в хуторе Вьюнка. Полиция «дозналась», кто именно из крестьян рубил лес и кто были «зачинщиками»! Двух «подстрекателей» (Ермолаева и Рассоленко) выдал староста Афанасенко. И вот пристав явился в Смолевичи арестовать «зачинщиков» рубки и отобрать нарубленный лес. Ему, действительно, удалось арестовать Ермолаева и Рассоленко и передать их стражникам. Но стражники, по словам пристава, «вскоре умышленно упустили арестованных». (Это, по всей вероятности, напрасный поклеп пристава на стражников; вероятнее всего, стражники просто не в силах были удержать арестованных). Тогда пристав, вместе с стражниками, отправился во двор Ермолаева с целью забрать лес. Но, когда они пришли туда, там уже была толпа крестьян, человек до трехсот. Толпа вошла во двор, вывела оттуда подводы, приведенные приставом для увоза леса, и затем заперла ворота. По приказу пристава стражники перелезли через забор и отперли ворота; но ввести туда подводы им не удалось: толпа решительно этому воспротивилась. При этом произошла такая сцена: один из крестьян, схватив лошадь за вожжи, произнес: «не пуццу»... На требование пристава «пустить вожжи» ответил решительным отказом. Тогда пристав берет револьвер и стреляет в «бунтовщика». Но револьвер дает осечку... Тогда крестьяне стали кричать, что, если пристав еще раз попытается выстрелить, то они убьют и его, и стражников.

Дальше в рапорте исправника ход рассказываемого события изображается так: «несмотря на то, что стражники были вооружены винтовками, пристав не решился употребить в дело оружие, так как был окружен со всех сторон толпой и считал безумием пускать в ход оружие, так как был сдавлен толпой в узком переулке, где развернуться было нельзя, и можно было поставить себя в опасное положение. Стражники действовали вяло,—рапортует далее губернатору исправник,—и по всему было видно, что они вряд ли бы исполнили приказание стрелять».

Как читатель видит, уже не раз случалось, что или войска, или казаки, или стражники отказывались «действовать». Трудно определенно ответить, почему имели место эти «отказы»: скорее

всего, как мы уже один раз заметили, причиной тут было настроение бунтовавших крестьян: это настроение настолько было активно-протестующим, что умиротворяющая военная и полицейская сила, блюдя прежде всего, конечно, свои животы, не решилась, выражаясь дипломатическим языком рапорта исправника, «ставить себя в опасное положение» или, говоря попросту, «дала труса»... Что касается возможности допущения тут со стороны присланных для умиротворения войск, казаков и стражников «крамольного настроения», то отрицать категорически эту «возможность» нельзя: царский режим слишком уж много поработал для того, чтобы заронить этой своей «работой» даже в казацкие и стражнические сердца семена, если не крамолы, то семена сомнения, колебания насчет правоты и целесообразности «усмирительных» мер...

Еще пару фактов, и мы перейдем к описанию «подвигов» карательной экспедиции жандармского генерала Рудова по Суражскому у.

12 января губернатором была получена из Клева, из штаба округа, копия телеграммы фабрикантов посада Клинцов Суражского у. с просьбой «о присылке вооруженной силы», так как окрестности Клинцов охвачены беспорядками и крестьяне вооружаются: в Клинцах же только 20 солдат.

О такой же «помощи» просил губернатора через четыре дня отставной лейтенант и помещик Суражского у. Ракусъ-Суцевский.

В его имени крестьяне соседних деревень «целыми толпами» все лето травили луга и поля, воровали сено, рубили лес, увозя все это целыми обозами (до 300 подвод.). То же продолжалось и зимой 1905—1906 г.г. «Днем и ночью—жалуется названный помещик—к его арендатору являлись крестьяне, требуя денег, что приходилось исполнять под угрозой пожаров». Крестьяне требовали также, чтобы арендатор выехал или же уплачивал им, крестьянам, половину арендной платы, а, в случае неисполнения этого требования, грозили смертью.

10 января 1906 г. жандармский генерал Рудов отправился в карательную экспедицию по Суражскому у.

11 января он прибыл в «разбойничье гнездо», село Смяльчи, где кругом производились массовые порубки помещичьих лесов, разгром экономий и где взбунтовавшееся крестьянство оказывало сопротивление войскам.

«Сельский сход с. Смяльчи — описывает Рудов свои подвиги в телеграфных донесениях по начальству — выслушав на коленях мое внушение и выдав главных виновников, принес искреннее раскаяние, «обещал» и т. д., и т. д. Излишне добавлять, что упомянутое «коленипреклонение» не было добровольным актом, о чем, впрочем, в донесении ни звука...

Здесь же в первый раз было приведено в исполнение известное уже нам требование министра стирать жилища бунтовщиков с лица земли: это был тот самый «случай», который, как мы уже приводили выше, сам усмиритель комментировал словами «впечатление потрясающее»: «для примера — значит в телеграмме Рудова — я нашел необходимым сжечь гумно крестьянина Кулеша, скрывшего главного вожака»...

Сход «выдал» главных виновников: последние были сейчас же арестованы.

Из села Смяльчи Рудов поехал в Писаревку, где была повторена та же процедура с «внушениями», «раскаяниями» и тому подобными «номерами» карательной программы.

Отсюда карательная экспедиция отправилась «по самым зараженным местностям Суражского у.».

В Петровской-Буде 12 января, по требованию карателей, был созван, точнее говоря, согнан, волостной сход из селений Перетина, Малоудебного и Великоудебного. Не мешает отметить, что в этих селениях, благодаря наплыву шахтеров, пропаганда пустила довольно глубокие корни; здесь же широко распространились и идеи крестьянского союза...

И в этих селениях повторилась та же картина: «надлежащее внушение», «раскаяние», «выдача смутьянов» и т. д., и т. д. Но была здесь и «новость»: четверо выданных «смутьянов» были публично на этом самом сходе наказаны розгами...

Такие же «методы замирения» применены были вслед за тем и в деревнях Ширки и Лотаки.

Но вот наступил черед и за «дерзкой» Кибирщиной. Здесь 13 января произошло следующее.

При вступлении казаков в деревню один из крестьян бросился с топором на командира сотни Таманского полка и был за это смертельно ранен. А другой крестьянин, бросившийся с колом в руках на казака, был также тут же застрелен.

Так как схода в этот день согнать не удалось, то «для примера» карателями были сожжены четыре избы и одно гумно

«главных виновников»; при этом было приказано старшине «приготовить на другой день сход с выдачей подстрекателей»...

«Приготовить сход!» Это, в своем роде,—классическое выражение! Оно так живо, так выразительно, так характерно передает о тех «способах», какие пускались в ход, чтобы созывать в деревнях крестьянские сходы для «выслушивания внушений» усмирителей.

Только после такого, невиданного еще крестьянами, способа подготовки схода, последний 14 января 1906 года оказался в полном сборе. «Сход на коленях принес полное раскаяние». Восемь выданных «подстрекателей» тут же, публично, были подвергнуты, по собственному признанию усмирителя Рудова, тяжелому телесному наказанию.

Следующими селами, которые были посещены карательной экспедицией, были:

Кургановка. Здесь были сняты с работ рабочие винокуренного завода. Здесь же крестьянами была установлена «произвольная плата» на дрова из помещичьего леса. Шесть выданных обществом «подстрекателей» были наказаны розгами.

Ларцевка. Имение сахарозаводчика Терещенко. Здесь был выдан один «зачинщик» и наказан розгами.

Лотаки. Здесь «сход доставил шесть шахтеров, главных бунтовщиков», а полиция — «пять громил из с. Великоудебного». Все эти юдиннадцать «бунтовщиков» были наказаны розгами.

Заборье. Здесь на согнанном волостном сходе были также наказаны розгами «доставленные сходом громилы».

Далее шли деревни Гордеевка, где на волостном сходе были наказаны «громилы», и Творишин — «разбойное гнездо». Здесь Рудовым были сожжены четыре избы и одно гумно, и наказаны розгами семь «подстрекателей». «Главные же агитаторы» скрылись. Было приказано вновь «приготовить» волостной сход, при чем после этой «подготовки» сход «предстал» перед Рудовым уже на коленях...

В с. Косичах был «созван» сход из деревень Зубовичи, Песчанки и Косичи. Здесь опять «раскаяние», опять выдача «подстрекателей», опять все те же позорные розги...

На волостной сход в Душатине были доставлены из деревень Душатина, Кобылинки, Михайловки и Гудовки 26 «главных подстрекателей». Все они были наказаны розгами.

В подгородной (возле Суража) деревне Калинках, тех самых Калинках, которые «держали в панике город Сураж», были согнаны сходы из деревень Калинок, Старо- и Ново-Дрокова, Лубенек и Кошевки. Сюда были доставлены 24 «вишневых»; из них восемь человек были наказаны розгами.

Все эти сходы на колених выслушивали «внушения» своих палачей и приносили «покаяние».

В Мизричах был собран сход из селений Мизричи, Голубовки, Гнилуши, Рудни, Смолевич, Кулаги, Добрики, Жемердеевки и Княж. «Сходами доставлено было 28 человек вишневых». Все они были наказаны розгами.

«Попутно» были «замирены» некоторые соседние с тогдашней Черниговской губ. села Могилевской губ. (Бирюли, Горы, Дерновая, Стойкое, Марына-Буда). Сюда просил прибыть Рудова могилевский губернатор «для водворения порядка». Здесь повторились известные нам «картины» сжигания крестьянских построек.

Таковы были «деяния» карательной экспедиции Рудова.

Эту свою кровавую летопись, переданную им по телеграфу в Питер и Чернигов, с зашифрованием тех мест, где говорилось о наказании розгами, Рудов закончил таким «подытоживанием»: «по заявлениям владельцев, принятые мною меры произвели надлежащее впечатление. Крестьяне образумились, поняв, что есть власть, не допускающая насилия. Не платившие податей стали усиленно платить по всему уезду».

Карательная экспедиция жандармского генерала Рудова в течение 11 дней (с 10 января по 21 января 1906 года) закончила «свои дела», признав, что бунтующий уезд «замирен», что крестьяне «образумились», что, словом, в крестьянскую среду «внешено успокоение»...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„ВСЕПОДАННЕЙШИЙ“ ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛА ДУБАСОВА НИКОЛАЮ IГ О КРЕСТЬЯНСКИХ БЕСПОРЯДКАХ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ.

Как было упомянуто раньше, Дубасов был специально послан Николаем в Черниговскую губ. для подавления крестьянских бунтов. Об этой своей командировке Дубасовым был представлен царю отчет.

В делах бывшего Черниговского жандармского управления этого отчета не было. Но, зная об его существовании, мы пытались достать его из петербургских архивов. Наша попытка, к сожалению, не увенчалась полным успехом: нам удалось получить только «конспект к отчету генерал-адъютанта Дубасова 1905 года», который мы и приводим здесь полностью.

«Генерал-адъютант Дубасов прибыл в Черниговскую губ., когда острый кризис революционного движения уже миновал. Крестьянские разгромы были результатом долго таившегося брожения и недовольствия среди населения; толчком для сего послужил еврейский погром. Аграрное движение захватило собственно два района: Городнянский у. (узкая вытянутая полоса, где стерты с лица земли чудные старинные барские усадьбы) и Суражский, с частью Черниговского у. (громадный район, где разгромлено 25 хуторов); при чем ввиду забастовок и плохого состояния путей сообщения, власти не могли подать всюду помощь.

✓ Суражский у. весьма беден, почва песчаная, мало производительная, население его темное и нуждающееся, и потому пропаганда в нем имела легкий доступ. Пояснение революционеров, что крестьяне могут, причиняя убытки помещикам, принудить последних продать свою землю за ничтожную цену, и еврейские погромы побудили крестьян к крайним мерам. Антисемитское движение имеет в русском народе глубокие корни. В большинстве имений Суражского у. находились евреи арендаторами, управ-

вляющими, приказчиками, мельниками и т. д., а отношение их к крестьянам было суровое. После манифеста 17 октября, ко-свенно признавшего равноправность евреев, последние держали себя вызывающим образом, оскорбляя патриотизм и верноподданнические чувства русских; ответом на это были еврейские погромы,—первым же сигналом послужил погром в посаде Клиндах. Во главе шаек громил были главари, носившие у местных жителей имена «Куропаткиных» и «Линевичей»; успеху же агитации способствовало ложное толкование манифеста 17-го октября о свободе и ходившие нелепые слухи: «царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов». Погромы производились в два приема: в 1-й—громили и буйствовали, во 2-й—грабили, увозили и жгли, что нельзя было увозить. Благодаря умелым действиям вице-губернатора Родионова, в северных уездах при помощи войск были прекращены беспорядки, хотя настроение населения оставалось возбужденным. Наиболее сильные проявления были в Новозыбковском у. и тоже в Городнянском и Черниговском у. В этом районе агитации много способствовали председатель земской управы А. А. Свечин и член управы Малявко, из среды учителей некий Теремец. Кроме того подозрительно поведение земского начальника А. М. Селецкого и некоторых священников, а также черниговского уездного предводителя Карвольского-Гринева. (Приложены были к отчету фотографии с некоторых разгромленных и уничтоженных пожаром усадеб). При вызванной реакции среди казаков и крестьян самосудом убито до 50 человек грома из самых буйных.

В Нежинском и Козелецком уездах движение приняло полуаграрный, полу-революционный характер. В селе Мринах сильно агитировал господин, называвший себя «главным контролером стачки (разгрома)». Непременный член Шрамченко с эскадрон драгун своей энергией восстановил порядок. В Нежине пришлось арестовать так называемых «демократов» (политических), чтобы их спасти от толпы. В Конотопе движение было, главным образом, рабочее, а главный руководитель—агент Московского Стачечного союза Шор. В с. Гоголеве Остерского уезда порядок был восстановлен, когда неременный член Шрамченко арестовал 41 зачинщика.

Вообще ясно, что местное земство покровительствовало преспаганде; требование администрации в 1905 г. об удалении

вредных лиц не удовлетворялось. 9 сентября в Москве «Всероссийский союз учителей» свои решения разослал с делегатами по губерниям.

В отношении войск Черниговская губ. была поставлена довольно удовлетворительно, большого недостатка, благодаря добавочным командированием частей, не ощущалось. Острожский пехотный полк был в боевом составе, но власти опасались его посылать для прекращения разгромов, ибо он мобилизовался в момент разгара брожения умов. Тем не менее Дубасов свидетельствует об отличном поведении этого полка, а особенно 9-й роты (капитан Август Табанецкий). Всего в губернии были 31½ рота, 7 эскадронов и 7½ сотен, не считая артиллерии и частей, специально назначенных для охраны железных дорог.

Дубасов, убедившись, что безнаказанность крестьян мешала прекращению движения, просил министра юстиции усилить состав окружных судов, что и было частью исполнено. По совету с местными властями ген. Дубасов признал нужным воспользоваться законом, дающим крестьянским обществам право высылать в Сибирь вредных членов, но закон требует, чтобы это выселение делалось за счет самих обществ, что в некоторых случаях невозможно. Поэтому ген. Дубасов просил министра внутренних дел разрешить этот расход принять на счет казны; Дурново ответил, что полностью это ходатайство он не может удовлетворить, но что предоставляется обществам в каждом отдельном случае, при неимении средств, о сем возбуждать особое ходатайство. Дубасов с таким решением не согласен, ибо он, как царский посланный, это обещал крестьянам, и слову его должны верить. А посему он просит его величество, ввиду важности вопроса, удовлетворить полностью его ходатайство.

В посаде Клинцы Дубасов объяснял местному еврейскому обществу, что оно своим вызывающим поведением само вызвало против себя народ, что оно должно помогать администрации, а не спорить с ней, что убытки, если и будут возвращены правительством, на что мало надежд, то во всяком случае не скоро. В Суражском у. он говорил с населением на сходах, увещевал их и пригрозил, если беспорядки не прекратятся, вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения. Толпа везде выказала покорность, в 7 селениях постановлены приговоры о выселении 87 зачинщиков. Для прекращения порубок Дубасов приказал против непослушных войскам открывать сейчас же огонь. В Стародубе

Дубасов словами успокоил царившую там панику. В Городнянском у. (прилагаются фотографии разгромленных имений) он добился выселения крестьянскими обществами 94 зачинщиков и полного раскаяния обществ.

В Чернигове созданные уездные старшины указали на желательность скорейшего созыва Государственной думы, понижения искусственно вздутых цен на землю, жаловались на то, что ссылаемые в Сибирь с отпускными свидетельствами возвращаются и держат в страхе население, и просили обратить внимание на бесчинства призванных на службу и временно уволенных по домам новобранцев. В Конотопе Дубасов имел случай убедиться, что толпа повинуетя твердому и решительному обращению слова царского посланного.

Благодаря назначению московским генерал-губернатором, Дубасов не мог докончить свою командировку в Курской губернии, где пробыл всего 4 дня ¹⁾. В Курской губернии положение было серьезное, разгромлено было до 45 экономий, войск было мало. К прибытию Дубасова движение охватило почти все уезды губернии. Вице-губернатор, оправдываясь болезнью, оставался дома и мало делал. Губернатор Гордеев принужден был дать самостоятельность исправнику и местной полиции и предоставил им даже передвижение войск. Всех разгромов было до 100, пропаганда шла страшно успешно на почве малоземелья, но, главным образом,—революционная. Агитаторы всюду сеяли смуту, манифест 17 октября критиковался, ибо в нем не было упомянуто о главном вопросе для крестьян—о земле. Манифест 3 ноября—тоже; говорили, что позволили покупать то, что уже взяли. К счастью, насилий над самими помещиками не было. Предотвратить беспорядки было очень трудно, ибо движение носило характер вспышек везде, а не в одной какой-либо полосе губернии. Требовались всюду войска, а их не было; было всего 1.350 человек пехоты, 376—кавалерии и 474—казаков. Обоянский и Грайворонский пехотные полки, развернутые из резервных батальонов, стояли в Курске; но были ненадежны ввиду массы запасных, которые и были удалены по ходатайству Дубасова. Дабы произвести подавляющее впечатление на население, Дубасов разослал такое же воззвание, как и в Черниговской губ., но прибавил, что, если по-

¹⁾ Хотя дальнейшая часть „отчета“ касается Курской и других губерний, мы, тем не менее, приводим и эту часть отчета.

вторятся погромы, он уничтожит мятежные села, и приготовился идти исполнить это с отрядом трех родов оружия.

Отозвание его в Москву помешало ему выполнить этот план,— он не хотел связывать Пантелеева, предоставив ему действовать по своему усмотрению, но все же Дубасов сожалел, что не довел начатое до конца, так как отозвание его могло быть истолковано с превратной стороны.

В Полтавской губ. Дубасов не успел побывать ввиду железно-дорожных забастовок, и имел сведения лишь телеграфные.

В Орловской губ., из личного доклада губернатора, ген. Дубасов усматривал, что движение было много слабее. Войск было 2 полка пехоты и 6 сотен казаков; кроме того, губернатор возлагал большие надежды на формируемую местную полицейскую стражу.

В заключение Дубасов говорит, что достигнутое успокоение есть только затишье. С наступлением весны беспорядки могут возобновиться (курсив наш). Необходимо, чтобы виновные крестьяне понесли кару, а невинно пострадавшим помочь восстановить свое хозяйство. Надо усилить воинские части и полицейские команды, наблюдать за движением в глуши деревни. Разоренным помещикам надо, по возможности, вернуть убытки и хотя бы часть этого разложить на громивших крестьян. Крестьянский банк должен наблюдать за тем, что, покупая от разгромленного помещика землю, эта земля отнюдь бы не досталась громившим ее крестьянам, а такую землю надо продать другим крестьянам, не принимавшими участия в беспорядках, и для этого не останавливаться перед переселением. Это очень важно.

Чтобы пользоваться дарованными свободами, надо, чтобы крестьянство сперва поняло, что надо уважать чужую собственность наравне со своею.

Дубасов свидетельствует об отличной деятельности при нем администрации Черниговской губ. и особенно губернатора Хвостова, вице-губернатора Родионова и неперемных членов губернского по крестьянским делам присутствия—Малахова и Шрамченко—оба бывшие военные, которые личной деятельностью много способствовали успокоению.

Кроме того, ген. Дубасов свидетельствует о безукоризненном исполнении долга присяги и поведении войск, которые, несмотря на всю пропаганду, не дрогнули ни разу и остались верны престолу и отечеству.

Комментировать отчет нет большой необходимости. Он говорит и о серьезности движения и о глупости генерала, не сумевшего разобраться в своих «друзьях»—Карвольском-Гриневском, Молявко, попах, земских начальниках и т. п., обычные выпады против евреев вряд ли заслуживают серьезной критики.

В 1906 г. в Черниговской губернии имели место все формы аграрного движения: и разгромы, и порубки, и стачки. Но, как и в других местностях России, разгромы в Черниговской губ. в 1906 году уже не имели того преобладающего значения, как это было осенью 1905 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1906 г. В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ.

1. Боевое настроение крестьянства в Черниговской губ.

Каково было настроение крестьянства Черниговской губ. в 1906 г., об этом достаточно хорошо говорится в найденном нами в «делах» бывшего Черниговского губернского жандармского управления письме, помеченном: «М. Ичня Борзненского у. Черниг. губ., 4 июня 1906 года», за подписью—«Гр.». (Письмо это было адресовано и послано в Киев, где и было взято при обыске; в копии оно в выдержках было переслано департаментом полиции в Черниг. жандармск. управление на предмет разыскания автора и т. п. «надобностей»). Вот это письмо.

«Мне часто приходится бросать свой мирный хутор и перекочевывать в пыльные города и села: я здесь работаю в украинской с.-д. рабочей партии. Большую часть своего времени отдаю этой работе. А как скверно себя чувствуют теперь партийные работники! Эта отвратительная медлительность Государств. думы, совершенно неизвестная ближайшая развязка и ближайшая будущность—вконец изводят истстрадавшийся народ! Делается страшно за русскую деревню, которая с таким напряжением ждала зиму и весну Думу,—ждала от нее земли и воли, а теперь—ни того ни другого. Ведь так можно довести народ до крайнего раздражения, когда разум и страх перестанут его сдерживать и его столетняя горечь и злоба выльются в очень резкой, некультурной форме. Теперь деревня готовится к решительной кровавой встрече со своими врагами. Настроение ее в высшей степени революционно и тревожно. Достаточно только бросить туда искру, бросить руководящие лозунги минуты, и пожар революции разгорится... Только много еще есть

медвежьих уголков, куда не проникает еще луч сознания, где люди не слышали разумного, правдивого слова. Вот эти-то места внушают серьезные опасения: там будут выливать злобу на всех, кто попадется под руку,—там может возникнуть и контр-революция. Нужно побольше активных работников, побольше светильников, которые освещают темные углы и указывают людям путь к разумной, счастливой жизни, в мире, равенстве и братстве».

Итак, по свидетельству автора приведенного письма, к середине лета 1906 г., т.-е. спустя 7—8 месяцев после октябрьской революции 1905 г., настроение деревни в Черниговской губ. было в высшей степени революционное и тревожное. Жандармские материалы вполне подтверждают вышеприведенное мнение автора.

Так, ряд данных свидетельствует, что в деревнях Борзненского у. образовывались ячейки агитаторов (местами—относительно большие), которые вели довольно умело обширную агитацию среди крестьян с ярко-революционными требованиями,—с предложением заготавливать оружие и т. п.

Встряску дала октябрьская революция 1905 г. Существование первой Государственной думы также способствовало поддержанию в деревнях «недовольства и «брожения умов»...

В с. Холмах, напр., того же Борзненского у.; «партия бунтовщиков-крестьян» потребовала от местного священника отслужить 8-го января 1906 года панихиду по убитым во время московского декабрьского восстания. Когда священник на это не согласился, «партия» отправилась в школу и там сама отслужила панихиду.

17 января явился в Холмы пристав с двумя урядниками, двумя стражниками и тридцатью драгунами при офицере, с целью производства обысков и арестов. Как только эта кавалькада въехала в село, то сейчас же раздался с церковной колокольни набатный звон. На улицах собралась толпа, страшно возбужденная и притом вооруженная кольями; там были не только мужчины, но и женщины и даже дети...

Толпа, узнав о цели прихода в деревню полиции и драгун, не пожелала выдать агитаторов. Последние все, кроме одного, успели скрыться, захватив с собой все «вещественные доказательства».

В тех же Холмах «партией» было решено 6 августа 1906 г. отправиться в Борзну (25 верст от Холмов) и произвести нападение на управление воинского начальника с целью взять там ору-

жие, а затем отправиться к тюрьме и силою освободить арестантов, а также произвести ограбление казначейства.

В указанный день в селе раздался набатный звон и, когда крестьяне по зову набата вышли на улицу из своих изб, то «члены партии, — говорится в одном донесении, — стали принуждать, чтобы все жители шли громить город Борзну. Не пожелавших подчиниться тут же убивали». Толпа, во главе с руководителями, двинулась с топорами и вилами к городу. Но, не дойдя до Борзны, вернулась обратно, так как узнала, что навстречу ей высланы казаки и стражники.

В других селениях того же Борзенского у. также наблюдалось «брожение умов».

В с. Кладькове, при обыске у одного крестьянина, были найдены заметки об образовании сельских боевых дружин.

В с. Шаповаловке действовало «преступное сообщество». Среди других «преступных» целей выставлялось требование — отобрать землю у помещиков и богатых людей и поделить ее между крестьянами.

Что земля должна быть отобрана не только у помещиков, но и вообще у зажиточных людей, такие мысли циркулировали среди крестьян и в других местностях Черниг. губ.

Так, в с. Кукшино Мринской вол. Нежинского у. крестьянин Коваленко - Сергеевко, вернувшийся из армии с Дальнего Востока, вел агитацию среди крестьян, распространяя выборгское воззвание. По словам его сотоварища по службе, Сергеевко «заразился революционным направлением в Манчжурии». Придя в свою деревню, он стал открыто говорить, что нужно отобрать землю от панов и вообще от более зажиточных людей. На замечание же собеседников, что «этого никогда не будет», Сергеевко отвечал: «Ну тогда мы устроим забастовку и сами отберем землю... Панов надо жечь, так как их везде жгут. Панов надо известить...»

Неспокойное настроение было и в других уездах Черниговской губ.

В м. Воронеж Глуховского у. летом устраивались митинги, на которых бывало много народу; посещал митинги и местный священник. Когда в сентябре был арестован член Государственной думы Тарасенко, народ пытался его освободить, но безуспешно. У одного доносчика был сожжен амбар, поломана мебель, а самого доносчика толпа хотела бросить в огонь. Казак выстрелил в толпу; один был убит, двое ранены.

Расправа с крестьянами за аграрные беспорядки, конечно, не могла заставить крестьян бросить думы о земле. В деревнях не прекращались раздаваться требования «земли и воли». В с. Ядловке Козелецкого у. было составлено обращение в Государственную думу. Содержание этого обращения свидетельствует, что, по крайней мере, крестьянские агитаторы достаточно понимали силу народа. В обращении, написанном малограмотным языком, предлагалось членам Государственной думы: «Помните, что вы за народ, что народ вас поддержит, и правительство вас не разгонит. Но бойтесь—говорилось далее в обращении—вступать в сделки с этим правительством, уже не раз обманувшим народ. Не обманывайтесь насчет своей цели, которую вы должны иметь в виду. Ваша цель—уничтожить теперешний строй; при этом смотри, не обманывайтесь насчет своих сил. Ваша сила в народе. Добивайтесь земли, и мы вас поддержим в нужную минуту».

В том же Козелецком у., в с. Новой-Басани, был арестован ряд крестьян по подозрению в «производстве целого ряда поджогов, по преимуществу зажиточных лиц, для чего ими была образована шайка поджигателей с революционной целью».

В м. Баклани Мглинского у. во время ярмарки произошли беспорядки. Были задержаны двое мелких ворышек и арестованы. Толпа крестьян, бывших на ярмарке, отправилась к арестному помещению с целью освободить арестованных, грозя разнести как арестантское помещение, так и самую квартиру, где находились стражники. Последние открыли стрельбу, убив четырех человек. Но это не остановило толпу. Тогда стражники бросились бежать, оставив три винтовки. Из убежавших стражников одного толпа настигла и убила. Вечером в Баклань пришли казаки.

На ст. Унеча того же Мглинского у. по донесению властей «партия революционеров деятельно вела по селам агитацию, собирала митинги и сходки, расклеивала прокламации и натравливала крестьян на беспорядки против панов и начальства».

Полиция в России всегда была всеобщим объектом ненависти: она была своего рода воплощением всего самодержавно-дворянского политического строя, и, естественно, что народ, при всяком удобном случае, спешил выместить на полиции эту свою ненависть к политическому строю.

Примеров такого отношения народа к полиции было особенно много в такие моменты приподнятого общего настроения

народа, каковыми были конец 1905 г. и первая половина 1906 г., а местами и весь 1906 г.

Вот в июле месяце 1906 г. в м. Новый Ропск Новозыбковского у. была ярмарка. На ярмарке, «для порядка», была не только полиция, но и казаки. Семь казаков отправились пешком вместе с урядником на ярмарку «в обход». Как только толпа увидела этих «стражей порядка», так сейчас же стала их ругать. Неизвестно, что случилось бы с казаками, если бы не подоспели на лошадях пристав и урядник, — только благодаря этому казакам удалось освободиться от толпы. Когда казаки проходили к себе домой, в них из толпы полетели камни и палки.

После этого «случая» на ярмарку был послан уже целый взвод конных казаков. Однако появление казачьего взвода не испугало крестьян: последние начали бросать в казаков камни, палки, весовые гири и т. п.; лошадей били кольями; некоторых казаков крестьяне пытались стащить за ноги с лошадей. Казаками были пущены в ход нагайки. Но и это не помогло. Тогда было дано несколько залпов. Двое крестьян было ранено. Толпа разбежалась. Было арестовано 14 человек крестьян.

Интересно отметить, что, когда потом помощник исправника производил дознание, то ему не удалось добиться от крестьян выдачи «виновных». В донесении своем по этому поводу исправник говорит следующее: настроение крестьян Нового Ропска в высшей степени приподнятое; все они, целым обществом, решительно и упорно уклонились дать соответственные указания при производстве дознания; так что данные для выяснения «главарей и подстрекателей к нападению толпы на войска» пришлось добывать исключительно от чинов полиции, а также путем предъявления большинства крестьян казакам. Свое донесение исправник кончает таким выводом: крайне необходимо послать в Новый Ропск карательный военный отряд «для приведения населения путем репрессий к полной покорности».

В том же беспокойном Новозыбковском у. имели место также «случаи».

В ночь на 10 февраля 1906 г. крестьяне с. Дубровки «скопом» напали на лесную дачу купца Переплетчикова, срубили 22 сосновых дерева, разбили лесную сторожку и увезли срубленный лес и доски, сорванные с пола сторожки. «Главари» были арестованы. Одному из арестованных, кр. Ермоченко, инкриминировалось появление в с. Дубровке на сходах, где он «вел

агитацию к разбоям и грабежам, неплатежу податей и присоединению к крестьянскому союзу». В полицейском протоколе говорится, что дубровские крестьяне раньше вели себя мирно, и в то время, когда в других селениях уезда происходили беспорядки, в Дубровке было спокойно. Но явился Ермоченко, и его агитация «все изменила».

В с. Куршановичах того же Новозыбковского у. в ноябре месяце были ограблены и убиты местный помещик Леонтович и его жена. У помещика Суровцева был вырезан скот.

В соседнем Стародубском у. также имело место «брожение умов».

В селениях Жигалках и Синино в мае месяце появились из соседнего городка Погара «приезжие агитаторы» и вели среди крестьян такие речи: Государственная дума действует неправильно. Министры не допускают дать землю крестьянам. Добром земли не получишь: ее надо взять силой... Крестьянам придется немножко подождать, пока в городах начнутся бунты,—железные дороги и заводы забастуют и вообще начнется всеобщая забастовка. И вот, когда из городов будет дан сигнал, крестьяне должны поддержать города... «Смотрите,—говорили агитаторы крестьянам,—будьте готовы... Не отставайте... Прислушивайтесь, что будут делать в городах... Но «жидов» бить и разорять не нужно; это—народ безвредный и без всяких прав, а только—образованный... За это их и не любят... Нужно поддерживать погромы помещиков там, где они начнутся. А если придут войска, то надо их встретить за селом и дальше не пускать... А так нельзя, как раньше: войска приходили, и их все пугались... Нужно дружно взяться за дело...»

Когда, после ухода агитаторов, сельский староста стал кричать, почему агитаторов не задержали, то, в ответ на это, крестьяне принялись ругать старосту, говоря: «хорошо, что у тебя есть земля... Ты бы всех задерживал... Ну, а нам таких людей не следует задерживать...»

Подобные же речи говорились на деревенских митингах и в других селениях.

«От Думы и от правительства толку не выйдет,—говорили агитаторы в с. Нижнем того же Стародубского у.,—ни правительство ни Дума ничего хорошего дать народу не хотят. А потому нужно, чтобы крестьяне забрали землю у панов: идите, сами косите, жните, забирайте все с полей... Все это—ваше...

Если же станут отбирать взятое, то стойте дружно, не поддавайтесь и ничего не отдавайте...» Предлагали делать сборы на оружие; советовали писать братьям и сыновьям, находящимся в войсках, чтобы «наказали» им не стрелять в своих же братьев мужичков, если их погонят умирять беспорядки...

В других уездах Черниговской губ. также наблюдалось приподнятое, боевое настроение.

В июне, в с. Салтыкова-Девница Черниговского у. во время ярмарки произошли беспорядки (в чем они выразились, не сказано). Двое было арестовано. Тогда в толпе послышалась крики: «полиция—наши кровопийцы... Бить полицию...» Толпа, вооружившись оглоблями и лущнями с возов и другими подобными предметами, набросилась на пристава. Конные полицейские стражники стали разгонять толпу, но должны были перед толпой отступить. Пристав и стражники стреляли. Когда через некоторое время на ярмарку появился урядник, он был избит до потери сознания.

Было арестовано 16 человек. Арестованные были увезены. В с. Горбове они заночевали. Во время ночевки был облит керосином навес, где находились конные стражники; но последним удалось остаться целыми.

В том же Черниговском у. был такой случай. Помещик Черниговского у. М. Н. Комаровский по телеграфу сообщил исправнику, что в его имении Тамаровке крестьяне производят потраву сенокосов и рубят лес и просил командировать пристава и стражников для принятия мер. Пристав и стражники были посланы. В ночь на 16 июня они застали на лугу до сотни лошадей. Крестьян на лугу не было видно; но, когда стражники стали забирать лошадей, из-за кустов вдруг повыскакивали крестьяне и, с кольями в руках и криком: «не смей забирать лошадей... бей их, мерзавцев», бросились на пристава и стражников... Было пущено в ход холодное оружие... Крестьяне все-таки забрали своих коней и разбежались. Несколько крестьян было арестовано.

Интересно отметить, что революционное настроение вносили в деревни крестьяне, возвращавшиеся домой с заработков с юга России.

В с. Блистово Сосницкого у. вернулись из Крыма двое крестьян и стали рассказывать своим односельчанам, что в Крыму теперь «большие забастовки», что крестьяне там добиваются

ставов троих, пристав с конным отрядом стражников подошел к дому Штырхунова. Дело было ночью. Штырхунов и его семья стали во всю мочь кричать и звать на помощь соседей. Однако Штырхунов все-таки был арестован. Затем пристав приказал стражникам зарядить ружья и вести под конвоем арестованных.

Когда вели арестованных, раздались два выстрела в конвой; дробь попала в спину юдному стражнику, но не причинила ему вреда. Пристав командует дать залп. Но залп вызвал только раздражение...

— «Бери вилы, топоры, ружья... Бей их!»—раздались крики.

Из какого-то двора снова раздались выстрелы в конвой. Опять был дан стражниками залп. Толпа стала разбегаться. Стражниками были пущены в ход нагайки.

Арестованные были доставлены в Мглинскую тюрьму.

В том же Мглинском у., в с. Жасткове, в сентябре месяце местные крестьяне не допускали крестьян из других деревень работать в экономии помещика Есимонтовского. Старостой были даже разосланы «два приказа» к сельским старостам ближайших деревень—не ходить на работы к Есимонтовскому, ибо все равно жастковцы не дадут им работать.

В других уездах Черниговской губ. крестьяне также требовали бороться с помещиками за землю более или менее организованными путями.

В Козелецком, например, уезде имел место такой эпизод.

В июне месяце в селениях Н.-Быкове, Вороньках и Петровке крестьянами были предъявлены помещикам требования об отдаче в аренду земли по 6 руб. за дес. вместо прежних 15—23 руб. Требование это поддерживалось крестьянами разными способами. Так, крестьяне перестали вовсе брать помещичьи земли под обработку, перестали ходить и на полевые работы к помещикам по существовавшей рабочей плате; с работ снимались экономические служащие. Крестьяне из других селений также не допускались на помещичьи работы, под угрозой побоев и даже убийств.

Находясь в таком безвыходном положении, некоторые помещики согласились на требования крестьян. Но одна помещица—княгиня Ливен—в с. Петровке отказывалась исполнить требования крестьян. На этой почве среди крестьян с. Петровки возникло «брожение». С помещичьих полей и лугов были сняты все рабочие, отчего работы должны были приостановиться.

Губернатором был командирован в Петровку исправник. Последний пробовал уговаривать крестьян, но крестьяне еще более озлились и стали даже угрожать разгромом имения.

Тогда исправник обратился к командиру казачьей сотни с просьбой прислать в Петровку казаков, но получил отказ: эсаул ответил, что «казаки слились с крестьянами и стрелять в них не будут». Однако, по распоряжению губернатора, казаки все-таки были посланы в Петровку. Но казаки, по свидетельству жандармерии, «вместо оказания исправнику содействия по предупреждению беспорядков, сами держали себя беспорядочно». «Такое поведение казаков—доносил Рудов в департамент полиции—произвело на помещиков удручающее впечатление».

25 июня в Петровке был созван сельский сход, куда под охраной казаков явились исправник и известный уже нам Шрамченко.

«Разъяснениями» Шрамченко крестьяне остались недовольны, при чем некоторые стали даже «очень возбужденно» возражать. При этом имел место такой «случай»: когда один из крестьян был арестован, толпа бросилась его отбивать. Тогда отдан был приказ казакам «оказать содействие». В ответ на это из толпы раздались выстрелы, полетели в казаков камни, а у крестьян в руках появились колья... Казаками был сделан залп; трое крестьян было тяжело ранено.

В донесении исправника Рудову (финал рассказанного случая передается так: «на другой день сход принес полное раскаяние и отказался от земли».

Ездил Шрамченко с карательной экспедицией и в другие села Козелецкого у., и «везде, после случая в Петровке,—говорится в том же донесении,—со стороны крестьян обнаруживалась полная готовность отказаться от вынужденной аренды», каковой «покорности» крестьян удивляться не приходится, раз с ними стали разговаривать... пулями.

Довольно интересные сведения имеются в донесении нежинского уездного исправника губернатору «о настроении населения Нежинского у. к 8 июня 1906 г.».

С открытием Государственной думы—говорится там—по настоящее время революционные возжеления значительно расширились в среде крестьянских обществ. Крестьяне, жадно ожидающие необузданной свободы и земли, которая будет разграблена от помещиков, до мельчайших подробностей знают, что гово-

рится и делается в стенах и за стенами Таврического дворца. Большая часть населения Нежинского у., в особенности молодежь, выписывает и читает массу газет и журналов исключительно революционного содержания, — выписывают же они и читают революционные издания под давлением разных неуловимых агитаторов крамолы. Все эти издания, а равно и печатаемые в них речи разъяренных до бешенства депутатов Государственной думы развращающим образом действуют на крестьянское население уезда. Все лица из крестьянской среды с революционным направлением, благодаря указанным обстоятельствам, пользуются почти повсеместно в уезде расположением сельского населения и выбираются сходами (сельскими и волостными) на разные должности крестьянских управлений. Зловредность Государственной думы в нынешнем ее составе почти ежедневно отражается на жизни уезда.

В Дремайловской вол. на должность волостного старшины был избран человек с крайним революционным направлением — бывший земский учитель Хвост (впоследствии член 2-й Государственной думы. *И. Др.*). А 23 мая под руководством Хвостова был собран сельский сход, на котором составлен был приговор для представления в Государственную думу, каковой приговор староста отказался подписать. На этом же сходе производился сбор денег на поездку Хвоста в Петербург. Такие же сходы собирались и в других селениях Нежинского у.

В м. Монастырище — продолжает свое донесение нежинский исправник — в последнее время произошло восемь пожаров от поджогов. В том же селе, а также и в других местностях уезда, жители толпами являются в усадьбы помещиков и заявляют владельцам, чтобы они не брали рабочих из других сел, а только из тех, где находятся экономии, и притом за плату, которая лично рабочими будет предъявлена.

4 июня в дорогинскую экономию помещика Троцины ехали на работу крестьяне соседних селений. При въезде в Дорогинку их встретила большая толпа дорогинцев (до 200 человек) и заставила возвратиться обратно, при чем их предупредили, чтобы они никогда не являлись на работы в дорогинскую экономию. В Дорогинку был послан под командой офицера разъезд казаков для производства арестов. Свое донесение исправник кончает сообщением, что в других местностях Нежинского у. «пока еще существует наружное спокойствие».

Но вот в соседнем Борзненском у. даже и «наружного спокойствия» не было.

В знакомой уже нам Ичне существовала «Иченская громада УСДР Партии», заявлявшая о своем существовании выпуском прокламаций с печатью «Иченской Громады». У ряда крестьян Ични были найдены «преступные» вещественные доказательства: у одного—чековые книжки для сбора пожертвований на революционные цели; у другого—красный флаг с надписью «Хай живе вільна Україна»; у третьего—номера «Искры»; у четвертого—прокламации. Существовала в Ичне еще и другая подпольная организация—«рабочая группа социалистов-сионистов».

Только что приведенные факты свидетельствуют о том, что вековое недовольство крестьян в 1906 г. стало выливаться в более или менее организованные формы. Правда, к этому замечанию надо сделать оговорку, а именно ту, что таких революционных деревенских очагов, каковыми являлись Ичня Борзненского у или Веркиевка Нежинского у., было весьма и весьма мало в Черниговской губ.

В Борзненский, например, уезд в начале сентября специально выезжали жандарм Рудов вместе с губернатором «для расследования причин революционного движения и для выяснения вожаков пропаганды». Таковыми, по этому «расследованию», оказались земские служащие—учителя, страховые агенты, фельдшера, акушерки и врачи, вообще, так называемый земский «третий элемент».

Само собою разумеется, что «третий элемент» только потому оказался «сеятелем крамолы», что находилась почва, куда можно было бросать семена крамолы.

В с., например, Великой Загаровке того же Борзненского у. сами жандармы насчитывали группу агитаторов—крестьян в количестве до 20 человек. Группа эта чрезвычайно деятельно вела агитацию среди крестьян. Революционная работа была поставлена довольно широко и притом довольно умело. Об этом знала вся деревня. Чуть не половина села, по жандармским данным, примыкала к «революционной партии». И однако, когда жандармы в августе месяце вздумали поднять «дело», то почти все доносчики могли давать погашения жандармам только со слов других: «слыхал», «по слухам», «ему рассказывали» и т. д.

Этот факт нельзя не отметить, как весьма и весьма достопримечательный, как явление исключительного свойства, ибо изучение «дел» бывшего Черниговского губернского жандармского

управления, к великому сожалению, свидетельствует совсем о другого рода явлениях, притом как о явлениях обычного характера: обыкновенно сами односельчане, под страхом ответственности, рассказывали властям все, что они знали и чего даже не знали...

В названном селении случилось иное: благодаря солидарности целой деревни «дело» о привлеченных 19-ти «агитаторах» было прекращено «за недостатком улик». Однако же в тюрьме всем им пришлось некоторое время просидеть...

Но революционные партийные организации имелись и в некоторых других сельских местностях Черниговской губ.

В м. Мене Сосницкого уезда существовала «Менская организация РСДРП». Функционировавшая в г. Стародубе «Организация Бунда» свою работу распространяла и на крестьян. Так, в с. Степок Стародубского у. у одного крестьянина была найдена прокламация Стародубской с.-д. организации Бунда. В этой прокламации выражается такой протест против Госуд. думы: «не путь компромиссов и петиций, а только революция, руководимая восставшим пролетариатом всех национальностей, приведет к желанной цели—демократической республике».

Крестьянство медленно раскачивалось,—оно долгими, кривыми путями доходило до более целесообразных форм борьбы за землю и волю...

Еще в июле 1905 г. крестьяне с. Бровничи Новозыбковского у. посылали царю петицию в холопском духе. Даже девятое января их еще не образумило, не привело на правильный путь... Но вот «случилась» октябрьская революция 1905 г., а затем в апреле была созвана Госуд. дума, и те же «верноподданные» бровничане 7 мая 1906 г. пишут уже совсем другого рода «петицию», и уже не к царю, а к своим представителям в Государственной думе.

Вот эта петиция:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане с. Бровничи Черниговской губ., Новозыбковского у., собравшись на сход 7 мая 1906 г. и обсудив настоящее положение дел, постановили сделать Госуд. думе следующее заявление:

«Созыв Думы 27 апреля с. г. есть последняя и окончательная победа народа над правительством, душившим в течение целых столетий всякую живую мысль, залившим всю русскую землю морем слез и крови, проявившим особую разнузданность в тяже-

лые дни, когда издевательство над русским народом достигло невиданных размеров по своей жестокости и зверству. Начиная с 9-го января 1905 г., правительство ясно показало, в чем состоят его заботы о народе, как ему дороги народные интересы. Свист нагаек, выколачивание из худых мужицких спиц податей, треск ружей и пулеметов, успокаивавших голодные желудки мужиков и рабочих, разбойничьи набеги с разрешения и под руководством начальства диких орд казаков, не уступающих в своей жестокости самым свирепым, самым диким зверям, расстрелы целых тысяч крестьян и рабочих без всякого суда и следствия, переполнение тюрем и виновными и невинными, издеательства над арестованными, как не издеваются хищные звери над своими жертвами,— вот заботы правительства о «дорогом» для него народе,— вот чем они хотели успокоить народ, задушить народную мысль о справедливости и правде... Кровь и слезы, душу раздирающие стоны раненых и вопли семей убитых стояли над всей русской землей.

«Приветствуя русский народ в лице его избранников в Госуд. думу, мы предлагаем Думе не забывать «забот» правительства о благе народа, не входить с этим правительством ни в какие сношения и сделки, а только требовать передачи всей полноты власти учредительному собранию, которое одно, и только одно оно может и должно привлечь к суду тиранов, долгое время терзавших народное тело, окончательно очистить русскую землю от зловонных, ненавистных остатков самодержавия и установить новые законы, обеспечивающие свободную мысль, жизнь без слез и горя, без голода и холода.

«До созыва учредительного собрания Дума, хотя и созданная под свист нагаек, при лишении лучших граждан свободы и права быть избранниками народа, должна требовать передачи исполнительной власти в ее руки для созыва и передачи власти учредительному собранию.

«К сему подписались граждане с. Бровничи Ново-Ропской вол. Новозыбковского у. Черниговской губ.».

Следуют подписи 29-ти грамотных и 36-ти неграмотных и печати двух неграмотных старост.

Сбоку написано: «Члену Госуд. думы Гужовскому из Черниговской губ. Гос. Дума. Бюро печати».

Приведенная петиция, конечно,— дело рук агитаторов... Но характерным здесь является то обстоятельство, что и в июле 1905 г. в Бровничах тоже действовали агитаторы; но тогда в

результате агитации получилась холопская петиция царю, а через 10 месяцев та же агитация дала уже совсем иные результаты: те же бровничанские крестьяне уже вздумали не просить, а... требовать... Факт этот лишний раз указывает на то, что агитация, сама по себе даже самая талантливая, не может иметь успеха, если для нее нет соответствующей почвы...

Октябрьская революция весьма способствовала образованию такой почвы. И только поэтому революционная агитация в 1906 г. стала гораздо более широко распространяться по деревням Черниг. губ., чем то было в 1905 г., о чем в жандармских архивных «делах» есть ряд подтверждающих фактов.

В с. Мутино—доносили в Чернигов—с весны началась энергичная пропаганда среди крестьян.

Из Нежинского у. в июне сообщалось, что по ряду селений (Беаугловка, Монастырище и др.) разъезжают агитаторы и снимают рабочих в помещичьих экономиях.

В с. Жадове Новгород-Северского у. велась агитация о том, что нужно отобрать землю у панов «мирным путем» и что этого можно добиться, если «не давать в экономии рабочих».

В том же Н.-Северском у., в селениях Костобобр, Гамагановка, Вербиевка, Ковчичи крестьяне-агитаторы в январе 1906 г. вели агитацию, разъезжали по селам, собирали сходы; велась также агитация и за крестьянский союз. Были даже разосланы повестки в разные селения с предложением явиться в Костобобр на сход относительно образования крестьянского союза. На сходе этом говорились такие речи.

— В Харьковской губ. народ поступает хорошо: там все забастовали, но никого не трогают и не громят экономий; а в Черниговской губ. поступают нехорошо: грабят, жгут, рубят лес. Нужно наложить арест на экономический лес и запретить его продавать. Вообще крестьянам надо добиваться своих целей мирным путем, через учредительное собрание и объединения в крестьянский союз. Для этого надо составлять приговоры, собирать союзы—село к селу, волость к волости, и тогда можно предъявить требования. «Паны задурили царя,—так передавал речь одного агитатора один крестьянин,—государь выпустил манифест, а паны не дают собираться, не дают составлять приговоры...». На сходе предлагалось требовать возвращения с востока солдат: правительство их не возвращает потому, что «солдаты возмущаются иначе, так как знают все неправды...».

Урядник и стражник пытались было арестовать одного из агитаторов (крестьянина Чаплю), но это не удалось: Чапля скрылся. В деревню был послан взвод драгун.

3. Ефим Никифорович Гаврилей.

В упоминавшемся уже выше донесении нежинского исправника «о настроении населения Нежинского у. к 8 июня 1906 г.», между прочим, приводится такой факт.

25 мая 1906 г. в Веркиевке был волостной сход, созванный для выбора волостного старшины. Неожиданное появление на этом сходе учителя веркиевского земского училища крестьянина Гаврилея—лица с крайне революционными взглядами—повело к тому, что сход почти единогласно избрал его на должность веркиевского волостного старшины.

Гаврилей, поблагодарив сход за избрание, сказал речь, в которой упомянул, что по вине нынешнего волостного старшины Иваненко он скитался по разным местам и не жил в Веркиевке, что Иваненко за допущенное им разорение его, Гаврилея, и других жителей Веркиевки достоин порицания, так как грабить и разорять никого не следует... Говорил Гаврилей в своей речи и по политическим вопросам.

Гаврилей выехал из Нежина—продолжает свое донесение исправник—и теперь разыскивается. Земский начальник Довгелло не утвердил Гаврилея в должности волостного старшины и назначил новые выборы, предложив избрать волостного старшину не открытым голосованием, а шарами. Новый сход также отказался баллотировать старшину шарами и опять избрал Гаврилея открытым голосованием на должность волостного старшины.

Ефим Никифорович Гаврилей—незаурядное лицо: он был видный местный общественный работник и революционный деятель. О нем в «делах» жандармского управления имеется специальное дело под таким заглавием: «О земском учителе Ефиме Никифорове Гаврилее, обвиняемом по 2 ч. 132 ст. Уголовного Уложения».

«Дело» это весьма интересное. Но, прежде чем начать его изложение, сделаем пару вступительных слов.

Е. Н. Гаврилей был сын крестьянина с. Веркиевки. Учился он в земской школе, где тогда учителем был Я. А. Гужовский (впоследствии—член первой Госуд. думы). Гаврилей еще мальчиком проявлял большие способности. Он очень любил читать.

Бывало даст ему учитель Гужовский большую книжку по истории, Гаврилей прочтет ее дома и затем, передавал нам Гужовский, «когда Гаврилей начнет рассказывать своим товарищам ее содержание, то диву даешься: он так интересно и так умело передавал содержание книги, как не всякий даже хороший учитель смог бы так рассказать содержание книжки»...

По окончании школы Гаврилей вздумал сам сделаться учителем. Гужовский советовал ему «оставаться крестьянином, ибо—убеждал Гужовский Гаврилея—такие учителя, как ты, все-таки имеются. А вот интеллигентных крестьян в среде крестьянской пока нет». Но Гаврилей не последовал совету своего учителя Гужовского и пошел по пути учительства... (Заметим в скобках, что учительство не только не помешало Гаврилею оставаться среди крестьян интеллигентным крестьянином и влиять на них, но, наоборот, облегчило Гаврилею это самое влияние).

Переходим теперь к изложению жандармского «дела» «О земском учителе Гаврилее».

Дело это, повторяем, очень интересное. Суть его очень проста: земский учитель Гаврилей м. Веркиевки Нежинского у. в течение ряда лет вел политическую агитацию среди местного крестьянского населения. Зимой у него в доме, а летом прямо на открытом воздухе, в лесу, возле его хутора, собиралось много крестьян, где Гаврилей и его ближайшие единомышленники вели беседы, говорили речи, читали газеты, прокламации и т. д.

Вот и все содержание «дела». Но в нем чрезвычайно много интересных деталей, эпизодов, моментов и т. д.

Маленькое общее замечание.

Когда мы приступили в первый раз к ознакомлению с содержанием «дела» о Гаврилее, нами уже было прочтено очень много других жандармских дел за три года... И вот должны сказать, что мало—и даже очень мало—попадалось нам таких дел, которые доставили бы столько отрадного и бодрящего, как «дело» о Гаврилее... Сплошь и рядом, в большинстве «дел» приходилось констатировать выдачи и выдачи: как только попадается человек в лапы недремлющего жандармского ока, так и начнет выгораживать себя путем... «чистосердечных показаний» на своих бывших товарищей по подпольной революционной работе. В «деле» же Гаврилея «публика» на редкость держала себя прекрасно... И ведь «публика»-то эта была не интеллигенты, кое-что все-таки

смекавшие в «конспирации», а рядовое крестьянство, совершенно далекое от приемов подпольной конспирации...

На собраниях бывало очень много народу; преобладала молодежь, но посещали собрания также и старики, старухи и женщины с детьми. И, представьте себе, когда жандармы подняли «дело», до они не могли добиться узнать достоверно, от первоисточника, что же именно делалось на этих собраниях, что там говорилось, читалось; бывал ли там Гаврилей и, если бывал, то, что именно говорил и т. п. Все бывавшие на собраниях, будучи потом допрошены жандармами, в один голос показывали, что на собраниях ничего преступного не делалось, никаких листов и газет не читалось, и т. д., и т. д. Хотя на самом деле, как то определенно видно из всех обстоятельств дела,—каковы «обстоятельства» мы имели возможность проверить,—там велась самая активная противоправительственная, противопомещичья агитация.

Крестьяне держали себя на жандармских допросах удивительно хорошо...

Да и самый способ пропаганды и агитации был организован Гаврилеем, при содействии своих единомышленников, весьма искусно и умело. Собраниям придавались, по возможности, легальные формы: так, собрания приурочивались к праздникам и имели характер обычных крестьянских гуляний; затем Гаврилей организовывал у себя в хуторе так наз. «толоки» (общественная помощь в с.-хоз. работах), а также летучие пчеловодные курсы и практические занятия по пчеловодству (он был хороший пчеловод), беседы по кооперации и т. д.

Маленькая, но крайне интересная деталь: как мы увидим дальше, на эти собрания человеку подозрительному было попасть крайне трудно: его замечали и... таковому по добру, по здорову приходилось из собрания удаляться...

Что касается показаний жандармам тех крестьян, которые являлись в этом деле доносчиками, то все эти «показатели»—тоже в один голос—показывали жандармам, что сами они там, на собраниях, не бывали и говорят здесь только по слухам, со слов других и т. д.

Нашлись только двое, бывавшие на собраниях, которые показывали жандармам на основании того, что сами видели: из них один был крестьянин, другой—дворянин.

На одном из собраний—показывал сей доносчик из кадра

«первенствующего сословия»—были двое приехавших к Гаврилею студентов. Был там также и сам Гаврилей. В своей речи на этом собрании Гаврилей говорил, что, если бы в России не было самодержавия, а было бы народное правление, то для народа это было бы лучше. При этом Гаврилей говорил, что, если бы собраться и действовать дружно, то можно было бы добиться народного представительства... По окончании своей речи Гаврилей крикнул: «долой самодержавие», на что толпа ответила дружным «ура». При мне Гаврилей никаких прокламаций не читал... Добавляю, что я говорю сущую правду, а большая часть свидетелей боится говорить правду о Гаврилее, чтобы сторонники последнего не отомстили... Мне лично говорил Даниил Крутько, что, если я буду говорить что либо против Гаврилея то меня убьют».

Пусть показания сего доносчика не совсем верны, но «сущая их правда» заключается в том, что собрания, устраивавшиеся Гаврилеем, действительно имели противоправительственный, т.-е. революционный характер.

Но даже для жандармов показания двух—трех «очевидцев» были недостаточными... И в донесении в департамент полиции по этому делу жандармский подполковник Субботин, ведший следствие по данному делу, должен был признаться в следующем.

«Гаврилей вел свою пропаганду очень осторожно и уличить его на месте преступления местной полиции не являлось возможным». Далее, в том же донесении, а также и в специальном жандармском постановлении делается любопытное признание, что показания всех тридцати свидетелей оказывались недостаточными для того, чтобы привлечь Гаврилея за антиправительственную пропаганду среди крестьян. «Между тем—говорится по этому поводу в жандармском постановлении упомянутого Субботина от 5 октября 1905 г.—нахождение у Гаврилея преступных воззваний при задержании, при чем некоторые были в нескольких экземплярах, дает основание к привлечению Гаврилея».

Затем в жандармском донесении в департамент полиции говорится, между прочим, следующее.

«Вся группа свидетелей в 30 человек показала, что действительно зимой на квартире у Гаврилея и летом в его хуторе собирались крестьяне из молодежи и что «заседания таковые» продолжались с самого вечера и до рассвета. Но что говорилось на этих собраниях, никому из свидетелей неизвестно, и они знают

лишь одно, что, когда толпа возвращалась с означенных сходок, то всегда пела песни «о свободе» и «дубинушку».

Была попытка жандармов использовать бывших школьных учеников Гаврилея, но и эта затея не выгорела.

Из дела видно, что за Гаврилеем давно полиция присматривала и искала повода, чтобы загнать его в жандармские лапы. Еще 14 октября 1904 года стражник сделал такой донос на Гаврилея уряднику.

«13 октября 1904 г. В. М. Иваненко, 16-ти лет, рассказал ему, стражнику, что он, Иваненю, ходил в земскую школу в 1901 г., а его брат в 1903 г., которых учитель Гаврилей во время уроков научал, что в нас нужно государя выбирать с умных людей, с таких, как выбирают старшину и старосту обществом, и что свят. Феодосий и свят. Николай—не мощи святые, а с воску слеплены. Слыхали ученики...» (далее идет их перечисление).

Исправник, конечно, донес об этом в Чернигов, в жандармское управление, назвав это «дело» «делом о внушении учителем Гаврилеем ученикам мыслей, которые могли бы поколебать в них верность и преданность верховной самодержавной власти».

Почему-то тогда (в октябре 1904 г.) жандармерия не дала хода этому доносу,—вероятно, она опытом была научена, сколько неосновательных доносов приходилось ей получать от своих агентов.

Но тут на высоте полицейского сыска оказалась прокуратура: прокурор Нежинского окружного суда 29 января 1905 года посылает запрос в Черниговское губернское жандармское управление о том, какое направление получила «переписка» о Гаврилее по поводу того, что Гаврилей «произносил в 1901 году ученикам речи преступного содержания».

Однако и прокурорское поджучивание не возымело своего действия. Повидимому, жандармы считали для себя более удобным не торопиться с поднятием дела против Гаврилея.

Только 12 октября 1905 г. были допрошены жандармами бывшие школьные ученики Гаврилея. И что же?.. Жандармы обожглись: ни один из допрошенных бывших учеников (им было тогда 15—18 лет) не выдал своего бывшего учителя: все в один голос показывали, что, «кроме наук, которые преподавал Гаврилей в школе, никаких посторонних разговоров, напр., о государе, о правительстве, он с ними не вел».

А между тем на самом деле, как это мы можем точно удостоверить, «посторонние разговоры» Гаврилей с своими учениками

в школе вел, и, следовательно, донесение стражника в этом отношении вполне соответствовало действительности...

Но на редкость дружны и солидарны были крестьяне Веркиевки, на редкость не испугались они жандармского недреманого ока!!.

И это обстоятельство тем более необходимо отметить и подчеркнуть, что против «неблагонадежных лиц» в Веркиевке, и прежде всего против Гаврилея, как их «главаря», велся энергичнейший поход...

Так, 24 июля 1905 г. приставом Скаблиным был составлен «именной список неблагонадежным лицам, проживающим в м. Веркиевки». В этот список вошло 30 человек, и среди них на первом, конечно, месте значился «казак Ефим Никифоров Гаврилей, учитель земской школы в Веркиевке—главный руководитель».

Этот список удостоверили своими подписями 32 лица,—главным образом, богатых крестьян.

Е. Н. Гаврилей был, конечно, арестован. Арест состоялся 29 сентября 1905 г. на нежинском вокзале, при возвращении Гаврилея из Москвы с пчеловодного съезда.

Просидел Гаврилей в тюрьме до 18 октября 1905 г., когда, по требованию народа, был из тюрьмы освобожден.

Из «дела Гаврилея» видно, что еще 3 августа было решено арестовать Гаврилея. В сентябре Гаврилей поехал в Москву от земства на пчеловодный съезд. На вокзале в Нежине специально дежурила полиция. 29 сентября, как уже сказано выше, он был арестован. При нем была найдена масса нелегальной литературы и открытых писем с рисунками политическо-сатирического характера. При обыске в его доме было взято много книг и брошюр, указывавших на то, что Гаврилей из рядового крестьянина стал вполне интеллигентным человеком и сознательным социалистом.

Было также найдено письмо его жены к нему в Москву, где, между прочим, были такие строки: «Нежин не дремлет... Досталось полиции на орехи: убит один полицейский, один—ранен, убито из молодежи двое». В письме далее высказывается сожаление, что, за отъездом Гаврилея, собраний в бору не было и что, «хотя и было одно собрание, но, так как лекторы ничего интересного сообщить не могли, то хлопцы немедленно и разошлись».

Из одной бумаги видно, что Рудов «придавал серьезное значение личности Гаврилея и его преступной деятельности среди

крестьян», что на это дело—писал он в департамент полиции— «будет обращено особое внимание».

В донесении в департамент полиции говорится об агитационной работе Гаврилея следующей.

Гаврилей собирал зимой у себя в доме, а летом в своем хуторе, в лесу, местных крестьян, читал там им преступную литературу, развивая мысль о том, что крестьяне должны бить помещиков и поделить между собою их землю. На уроках в школе он старался в детях поколебать верность и преданность верховной самодержавной власти; сформировал у себя группы молодых крестьян и стал ими пользоваться, как разносителями его идей среди крестьянства, видимо, раздавая им преступные прокламации как для чтения, так и для разбрасывания.

В заключение напомним читателю, что во время черносотенных погромов в октябрьские дни черносотенцы решили убить Гаврилея, но ему удалось спастись.

4. Состояние Глуховского уезда с октября 1905 г. по конец июля 1906 г. Карательные экспедиции. Вепышки бунта.

Помощником глуховского уездного исправника был представлен в Черниговское губернское жандармское управление «Краткий обзор о состоянии Глуховского у. с октября 1905 г. по конец июля 1906 г.».

Вот каково было, на основании этого «обзора», «положение дел» за означенный период в разных местностях Глуховского у.

Шостка и Воронеж.

«Брожение» в среде населения Глуховского у. стало заметным с октября месяца 1905 г. Прежде всего это «брожение» проявилось в двух местностях, с преобладающим рабочим населением, а именно: в м. Воронеже и пос. Шостке. В Шостке находился пороховой завод. Здесь рабочие стали устраивать в народном доме митинги, где произносились речи «к ниспровержению существующего госуд. строя». Происходили также манифестации с красными флагами. Были и забастовки.

Для защиты своих интересов рабочими были избраны «делегаты». Делегаты ездили в Конотоп для ознакомления с положением тамошних дел. Оттуда, с тою же целью, вместе с шосткин-

скими делегатами, приехали также же делегаты от рабочих Конопских жел. дор. мастерских.

Одним из деятельных агитаторов был учитель Евтушенко, организовавший в Шостке союз рабочих.

Но Евтушенко вел агитацию не только в Шостке, — он «проникал» также и в соседние села как Глуховского, так и других уездов (Кролевецкого, Н.-Северского и др.).

Являясь в деревни, Евтушенко собирал там сходы, составлял приговоры «к неповиновению властям, удалению полиции и духовенства, неплатежу повинностей и проч.», советуя объединиться и примкнуть к Всероссийскому крестьянскому союзу. У Евтушенко были «подручные».

«Последствием такой пропаганды» в Шостке 20 декабря 1905 г. было «вооруженное восстание и сопротивление властям».

К сожалению, в жандармских «делах» не говорится, в чем именно состояло упомянутое «вооруженное восстание и сопротивление властям». Передается лишь эпилог о том, что 18 рабочих Шосткинского порохового завода были административно высланы, другие же преданы военному суду.

Состояние м. Воронежа было таково.

Являясь в Воронеж, Евтушенко устраивал митинги и своей пропагандой привлекал массу народа, «сочувствующего его идеям». «Брожение и волнение» в Воронеже происходили почти одновременно с волнениями в Шостке.

Воронеж, это — местечко с рабочим населением до 800 человек. Здесь находились сахаро-рафинадный и кислотный заводы. Часть населения местечка работает в Шостке.

Здесь горячее участие в пропаганде принимал казак Тарасенко (впоследствии член Госуд. думы). Тарасенко до 5 декабря 1905 г. состоял писарем волостного суда. Он постоянно вращался среди крестьян и имел там для пропаганды удобную почву, вызывая людей в волость под предлогом волостных дел». Тарасенко устраивал митинги и проводил те же идеи, что и Евтушенко, разъясняя крестьянам, что они должны примкнуть к Всероссийскому крестьянскому союзу и что если Госуд. дума не в силах будет бороться с правительством о наделении крестьян землею, то народ должен будет требовать созыва учредительного собрания и, «объединившись», захватить земли помещиков, церковные и прочие.

В пропаганде принимал участие также и местный врач Зелионко и делопроизводитель городского управления Сухманев. На Зелионку тогдашним председателем Глуховской уездной земской управы Амосовым был сделан донос. В письме на имя Рудова Амосов «покорнейше просит» последнего, когда он будет в м. Воронеже, «обратить серьезное внимание на доктора Зелионку, с которым—добавляет доносчик—я, конечно, и сам могу разделаться, но считал бы эту меру недостаточной».

Зелионку и Сухманев бывали на сельских сходах, где беседовали с крестьянами «о делах политических».

«Вообще—говорится в «обзоре» помощника исправника—в м. Воронеже с давних пор свилось революционное гнездо, и, благодаря близости железной дороги и пос. Шостки, местечко это посещается всевозможными элементами, приезжающими из больших городов под предлогом дел с заводами».

«Упомянутый агитатор Тарасенко—продолжает доносить помощник исправника—человек неглупый от природы,—он сумел заслужить доверие народа и свободно проводил свои идеи. А когда был избран в члены Госуд. думы, то еще больше приблизил к себе народ и уверял, что только одна Госуд. дума, без правительства, может помочь народу».

С объявлением манифеста 17 октября эти лица, а также и многие другие «подобные им, стали извращать дарованные манифестом народу свободы; последствием чего были забастовки, насильственное снятие рабочих, митинги, сплошные порубки помещичьих лесов и, наконец, готовившееся восстание».

После роспуска Госуд. думы, бывший ее член Тарасенко, возвратившись из Петербурга, собрал громадный митинг, где рассказывал, что правительство по просьбе дворян разогнало Думу, дабы не дать крестьянам земли, и чтобы опять был старый строй». Из Петербурга Тарасенко присылал «своим сотрудникам письма, описывая все происходившее в Думе по отношению к митингам и вообще к правительству, и этим возбуждал и без того горячие головы своих последователей».

Настроение здесь повышенное,—резюмирует свои «наблюдения» помощник исправника,—и только присутствие войск и полиции мешает населению приводить в исполнение «навеянные идеи».

18 июля последовало предложение губернатора Рудову: «ввиду полученных тревожных известий из Глуховского у. и развившейся там революционной агитации, могущей повлечь за собою

серьезные беспорядки»,—выехать в Глуховский у. для карательной экспедиции.

26 июня генерал Рудов прибыл в м. Воронеж. По его приказу был собран сельский сход, на котором Рудов сделал крестьянам «надлежащие внушения», объявив при этом ряд своих приказов о том, что с настоящего дня никакие сборища, без надлежащего разрешения, не будут допускаться, что участники боевой дружины должны быть арестованы, а также должны быть арестованы и другие лица, «агитирующие и возбуждающие» население к неповиновению властям. Еврейскому обществу было приказано: во-первых—распустить свою охрану, во-вторых—«спредавать в руки полиции» тех, кто укрывает в своих домах «приезжих агитаторов».

«Обзор» передает, что «многие крестьяне» высказали Рудову «свою признательность» за то, что он освободил их от «лихих людей», которые все время «держали их в страхе и подчиняли их своей воле», и что «большинство населения, не сочувствуя ни в чем этой группе, составили приговор о том, что на будущее время не допустят недозволенных сходов и будут задерживать агитаторов».

Конечно, кулацкий слой крестьянства не мог сочувствовать революционной агитации; но так же, конечно, верно и то, что большинство населения сочувствовало агитаторам и поддерживало их, каковое утверждение ни в малейшей степени не может поколебаться от того, если признать верным замечание «обзора» относительно подписания приговора именно большинством населения,—не может поколебаться потому, что ведь достаточно общеизвестно то, как составлялось в то время подобное «большинство» и какова была та «добровольность», с какой давались подписи на такого рода «приговорах» грамотными и, в особенности, неграмотными крестьянами.

Местечко Ямполь.

«Учение» Евтушенко и других «лихих людей» нашло «удобную почву» и в м. Ямполье. Население вполне верило Евтушенко и «близко принимало к сердцу» все то, о чем Евтушенко говорил им. «Брожение» в Ямполье началось вскоре же после первых «бесед» Евтушенко с народом на митингах. Народ стал враждебно относиться к помещикам. Начались самовольные порубки лесов,

снятия рабочих в экономиях и вообще «всякие насилия и угрозы». Народ недоверчиво относился к местным властям, требовал удаления полиции и войск, заявляя, что «они сами могут управлять и без власти».

У Евтушенко были «ближайшие помощники» — служащий экономии Доценко и учитель «из крестьян» Остапенко.

Народ был настроен против властей, и при арестовании Остапенко во время сходки в деревне Никитовке властям было оказано народом сопротивление.

Приходили также в Ямполь для пропаганды «переодетые в крестьянское платье» двое воспитанников Глуховского учительского института (Беляев и Моруняк); они держали к народу речи, раздавали прокламации и брошюры. Оба названные агитатора были арестованы.

С роспуском Госуд. думы в Ямполье стал появляться из Глухова студент Трофименко. Сначала в лесу, а затем и в самом местечке, Трофименко устраивал митинги, на которых «угovarивал крестьян не слушать правительства и не верить его распоряжениям». Он далее, «подговаривал объединиться» и силою брать землю. Народ охотно посещал митинги, верил пропаганде и, по выражению «обзора», «впоследствии был так настроен, что, по первому зову, приведет в исполнение все внушенное».

В Ямполь также приезжал Рудов с карательной экспедицией. Он потребовал выдать «виновных», но это требование осталось неисполненным, ибо «виновным» удалось скрыться. Студент же Трофименко был арестован.

Слобода Свесса.

Здесь находился механический и сахаро-песочный завод с значительным числом рабочих (были и пришлые). Селение это постоянно посещалось «приезжими лицами».

Среди рабочих и населения наблюдалось «брожение умов». Настроение — повышенное. Местные агитаторы — Евтушенко, Остапенко, Доценко и другие также посещали Свессу. Они «угovarивали» народ не признавать властей, не платить податей, не давать рекрут «и вообще научали идти вразрез с правительством».

После ареста трех названных агитаторов волнения немного улеглись. Однако население оставалось все-таки «очень беспокойным». В лесах очень часто собирались сходки, где произносились

речи «к низпровержению существующего государств. строя и уничтожению помещиков».

В Ямполе находилось имение и завод богатейшего помещика-магната и сановного агрария Неплюева. Губернатором была получена от министра внутренних дел специальная телеграмма с предложением «действовать в Свессе решительно силою и принять твердые меры».

Прибыв сюда, Рудов тоже принялся за обычные «внушения», аресты агитаторов и т. п. «успокоительные» мероприятия.

На железнодорожную станцию «Свесса» пришло много рабочих провожать арестованных. Из толпы были слышны угрозы по адресу полиции.

Вследствие доклада пристава, что, хотя рабочие и стали на работу, но они волнуются, Рудов, на основании приведенного приказа министра, распорядился поставить на стоянку в Свессе полуроту пехоты.

Хутор Михайловский.

Здесь находился винокуренный и сахарный завод сахарного короля Терещенко.

Рабочие волновались, требуя удаления из хутора полицейской стражи.

Толпой в количестве до ста человек, они товарным поездом поехали в Свессу для снятия с работы тамошних рабочих. Но войска помешали довести до конца это намерение.

Прибывшим сюда Рудовым были произведены аресты. Были вызваны все сельские старосты Марчихино-Будской вол. Сделав им «внушения», Рудов дал приказ строго наблюдать за появлением «дурных людей». Сельский староста с. Журавки Фурсей был тут же смещен за то, что он агитировал за бойкот выборов в члены землеустроительной комиссии.

В других селениях того же Глуховского у. «положение дел» было таково.

В с. Дубовичах Тулиголовской вол. нанятые для охраны имения крупнейшего помещика Кочубея ингуши встречены были крестьянами «недружелюбно»: так, при проезде в них была брошена палка, молодежь же старалась раздражать ингушей, вызывая их на драку.

Из Кролевецкого у. в Дубовичи наезжали агитаторы, собирали митинги, на которых составляли «какие-то» приговоры в Гос.

думу и т. п. Один из этих агитаторов был арестован затем в г. Козельце.

Волновались крестьяне и в других селениях Глуховского у., — Ярославце, Полковничьей-Слободе, Уздице, Студенке, Слоуте, Макове, Собычеве, Хатьминовке и др. Крестьяне собирались на митинги, предъявляли разные требования помещичьим экономиям, снимали экономических рабочих, угрожали даже уничтожением самих экономий. В ряде селений были произведены крестьянами массовые порубки помещичьих лесов, увоз экономического хлеба, потравы и т. п. Особенно крупные потравы были произведены в с. Уздице, имени Скоропадского — «будущего гетмана»: ночью скопом, крестьяне явились с лошадьми на поля Скоропадского и произвели потраву. Темнота ночи и болота, окруженные лесом, помешали казакам и стражникам, под личной командой «самого папа-исправника», задержать крестьян.

Следует подчеркнуть, что беспорядки особенно развились в заводских районах, где преобладал рабочий элемент, а именно: в п. Шостке, м-ках Воронеже и Ямполе, хут. Михайловском, слободе Свесе, Дубовичах и Ярославце.

Не довольствуясь «увещаниями» на местах, Рудов созвал затем (25 июля) в Глухов всех волостных старшин и старост, где последним было еще раз сделано соответствующее «внушение» с требованием, под угрозой строгого наказания, «представлять агитаторов в руки полиции».

Не успел Рудов вернуться в Чернигов из карательной экспедиции по Глуховскому у., как в этом же самом уезде снова начались беспорядки...

В ночь на 30 августа 1906 г. крестьяне с. Гремячки «скопом», в количестве более сотни душ, вооруженные вилами и камнями, выгнали своих лошадей на клеверные поля хутора братства Воздвиженского при имени Неплюева ¹⁾.

На место «происшествия» прибыл управляющий имением с объездчиками и казаками. На требование оставить поля крестьяне ответили бранью и бросанием камней. Казачий командир стал предупреждать крестьян, что он будет стрелять, если крестьяне не уведут лошадей с поля. И на это крестьяне ответили тем же. Тогда командиром был дан выстрел в воздух из револьвера. Это

¹⁾ Означенное «братство» было основано помещиком Неплюевым «для спасения своей души».

также не испугало крестьян. Напротив: они вздумали обратиться к казакам с словами увещания: «образумьтесь, что вы делаете?! Вы—такие же, как и мы... Зачем вы идете против нас?!». И при этом еще с большей силой стали напирать на казаков, ругая их при этом площадной бранью и бросая в них камнями и палками. Три казака получили ушибы. Тогда дан был в толпу залп... Трое было ранено.

После этого крестьяне ушли в село, где поручили старосте пойти к священнику и взять у него разрешение ударить в набат. Священник такого разрешения не дал; сами же крестьяне, без разрешения, в набат ударить не решились.

Затем был собран сельский сход, где «после долгих увещаний» крестьяне стали выдавать «виновных».

Или вот еще «случай» в м. Дубовичах того же Глуховского у. Здесь 8 сентября был храмовой праздник. Подвыпившая, по случаю праздника, компания крестьянской молодежи, человек в 20, подошла к квартире урядника и начала бросать палки в окна. Квартировавшие в Дубовичах для охраны помещичьего имения ингуши не допустили дальнейших «беспорядков».

Но на другой день произошло следующее: когда два ингуша пошли в потребительную лавку, на них напала толпа и, погнав в экономию, стала бросать в них камнями. Вдруг с церковной колокольни раздался набат. Стал собираться народ. Некоторые пришли вооруженные кольями, вилами и косами... С криком толпа двинулась в экономию Кочубея. Выломав задние ворота, толпа хотела войти во двор, но ингуши дали залп. Тогда толпа бросилась бежать кругом усадьбы по направлению к передним воротам; но тут стояла стража—семь конных стражников. Однако толпа все-таки сделала попытку войти во двор. Несмотря на предупреждение, что будут стрелять, если толпа не уйдет, последняя все-таки двинулась во двор. Стражники дали несколько выстрелов. Толпа на мгновение остановилась. Стражники, боясь, чтобы их во дворе не окружили, прорвались на улицу и хотели вновь открыть огонь, но толпа сама стала разбегаться.

Прибывший 11 сентября в Дубовичи исправник Конашевич ¹⁾ созвал сход и потребовал выдачи «виновных». Толпа стояла молча.

¹⁾ Это был известный в губернии взяточник, картежник, вообще первостатейный мошенник и жулик. Все эти его „художества“ хорошо известны были губернатору и, однако, его держали на службе, как „энергичного“ полицейского держиморду и „искоренителя“ крамолы.

Ответа на свое требование исправник не получил.. Тогда он сам стал вызывать «виновных» по имевшемуся у него списку. На сходе их не оказалось: все они скрылись. Тогда приказано было арестовать старосту и родителей скрывшихся. Переписав весь сход, исправник приказал всем до одного собраться на сход на другой день, предупредив, что не явившиеся будут арестованы; при этом снова потребовал доставить «виновных».

В тот же день вечером к исправнику явился волостной старшина и заявил, что крестьяне «сознают, что у них действительно неладно в селе» и что они составят приговор о том, чтобы «в будущем не повторялось ничего подобного».

На другой день на сход явилось почти все население. Крестьяне «обещали задерживать виновных и подстрекателей». Было арестовано пять человек.

5. Аграрные волнения и бунты в с.с. Рубанке и Крапивном Конотопского уезда.

В с. Рубанке находилось имение уездного, а впоследствии и губернского предводителя дворянства Рачинского. Землю у него арендовал известный сахарозаводчик Терещенко. Платил он довольно большую арендную плату—по 40 рублей за десятину, каковая плата была для местных крестьян совершенно непосильной.

Крестьяне с. Рубанки еще в прошлом, 1905, году пытались брать в аренду землю в соседнем с. Крапивном у помещика Кулябко; но тамошние крестьяне за это были недовольны рубанскими крестьянами и портили им даже посевы. Но в 1906 г. рубанцам уже не удалось достать земли в Крапивном: крапивенские крестьяне не допустили их к аренде помещичьих земель.

Таким образом, у крестьян с. Рубанки отношение к помещику Рачинскому было враждебное. Крестьяне требовали, чтобы экономия из других селений на работы не принимала. Одновременно с этим было выставлено требование об увеличении заработной платы поденным рабочим: мужчинам—до 1 руб., женщинам—до 80 коп.; а равным образом, чтобы было увеличено жалованье постоянным рабочим до 12 руб. в месяц и была улучшена пища.

Рабочие объявили забастовку.

В ответ на это из Конотода было послано 20 конных стражников с приставом во главе для ареста «зачинщиков». При этом толпой было оказано сопротивление. Забастовщики ходили по соседним селам и снимали в экономиях рабочих.

В с. Крапивном большая толпа крестьян выгнала всех служащих в имении Кулябко. Узнав об этом, пристав с 13 стражниками отправился в с. Крапивное. Подойдя к селу, он оставил стражников за околицей, а сам поехал к сборне, где стал уговаривать собравшихся на сход крестьян «не бунтовать». При этом один из крестьян предупредил пристава, что ему лучше уехать, а то его могут убить. Пристав послушался и покинул село.

27 мая утром, по просьбе пристава, офицер расквартированной в д. Парафиевке полусотни казаков предпринял с 28 казаками и 30 стражниками марш в с.с. Рубанку и Крапивное.

В последнем селении, при задержании трех молодых крестьян — одного участника в забастовках и двух других, препятствовавших аресту первого, собравшаяся толпа крестьянской молодежи неожиданным натиском на спешившихся стражников, которые должны были конвоировать арестованных, освободила этих последних. Освобожденные арестованные сейчас же скрылись через заборы, сады и огороды.

Толпа принялась бросать камни в отряд казаков и стражников. В ответ на это офицер скомандовал сыграть на трубе сигнал «стрелять», предупредив при этом толпу, чтобы она расходилась, иначе после третьего сигнала он будет стрелять. Толпа не повиновалась. Был сыгран третий сигнал. Раздались залпы. Первый залп перелетел через головы толпы; при втором залпе — один крестьянин был убит и двое ранено: один — тяжело, другой — легко.

После этого толпа разбежалась, а казаки ушли из села. Ободренные уходом казаков, крестьяне из-за шлетней и строений вновь начали бросать камнями и кольями в пристава и стражников. Последние, вместе с приставом, также должны были уйти из села вслед за казаками.

Догнав за селом казаков, пристав стал просить офицера вернуться в село для усмирения крестьян и отобрания у последних экипажа пристава, где остались два револьвера и официальные документы. Офицер отказался вернуться, объяснив впоследствии вице-губернатору свой отказ тем, что он толпу разогнал, но из-за экипажа пристава он не находил возможным подвергать

опасности казаков, так как крестьяне бросали в них из-за плетней и строений камни ¹⁾.

Пристав пошел вслед за казаками в с. Парافیевку Борзенского у. Здесь офицером была получена телеграмма с предписанием немедленно выступить в Рубанку для усмирения. Но офицер в течение еще двух дней не выезжал в Рубанку, куда прибыл лишь по приезде туда 28 мая вице-губернатора.

Сначала в Рубанке, а потом в Крапивном были собраны сходы. На этих сходах вице-губернатор потребовал выдать «наиболее виновных» в сопротивлении властям, а также в беспорядках и забастовках в экономиях. Сходы упорно «отзывались» либо неведением того, кто были «главными зачинщиками», либо — боязнь мести со стороны выданных. Однако властям удалось добиться от старосты предательства: им было названо 15 агитаторов, из коих удалось арестовать лишь пять человек.

После этого вице-губернатор уехал. Исправник же оставался в этом районе еще двое суток, разыскивая «агитаторов». Было арестовано 23 человека.

6. Крестьянские беспорядки в м. Семеновке Новозыбковского у. в марте 1906 г.

Под таким заглавием в Черниговском архиве революции имеется особое «дело».

«Дело» это — весьма интересное. Суть его такова.

13 марта 1906 г. Рудовым была получена телеграмма из Петербурга от находившегося в это время там черниговского губернатора Родионова такого содержания: «Прошу выехать в Семеновку и принять самые энергичные меры к прекращению беспорядков».

В тот же день п. д. черниговского губернатора Чихачев послал тому же Рудову подобное же предложение — выехать в Семеновку, «стянув туда необходимые, по его усмотрению, части войск для восстановления порядка и спокойствия в Семеновке, а если потребуется, то и в других местностях Новозыбковского у.». Все войсковые части и полиция были отданы в распоряжение Рудова.

¹⁾ Пристав этот был вскоре уволен, как не «соответствующий своему назначению».

В тот же день Рудов получил от Новозыбковского исправника такую телеграмму: «В Семеновке крупные беспорядки. Толпой отбиты семь арестованных. У двоих стражников отняты винтовки. Туда выехал пристав Шарковский с десятью стражниками. Потребуются большие воинские силы. Отношусь по телеграфу в Стародуб к капитану Духонину возвратитъ скорее взятую им полусотню донцов».

История возникновения беспорядков в Семеновке—как это можно установить на основании донесений новозыбковского исправника в Чернигов и Рудова в департамент полиции—представляется в таком виде.

До 1904 года весьма значительное население Семеновки (свыше 20 тысяч душ) вело «мирную, спокойную жизнь». Но с весны названного года эта «мирная» жизнь стала «нарушаться» массовым появлением прокламаций. Прокламации эти оказывали на молодое крестьянство «развращающее влияние». Крестьянская молодежь стала открыто высказывать сочувствие идеям, проводимым в прокламациях, и пытаться устраивать манифестации.

21 декабря 1905 г. местными землевладельцами Алифаном и Евсеенко было заявлено в полицию о разгроме их экономий и грабеже имущества крестьянами селений Хотеевки и Семеновки. Вслед затем полицейский надзиратель выехал со взводом казаков для розыска имущества и ареста виновных.

По указанию упомянутых помещиков были арестованы 12 крестьян с. Хотеевки. Арестованные были препровождены в Семеновку в арестантское помещение, где уже содержались 7 крестьян д. Ивановки за грабеж имущества в экономии пом. Гейбовича.

23 декабря в Семеновку стали собираться крестьяне с.с. Хотеевки и Ивановки. Толпой они подошли к зданию волостного правления с целью освободить сидевших там в арестантском помещении 19 крестьян Хотеевки и Ивановки.

Прибывшим казачьим взводом толпа была отодвинута от волостного правления. Однако она продолжала требовать немедленного освобождения арестованных, сопровождая свои требования угрозами освободить арестованных силой. В конце концов, казаки разогнали толпу.

Полицией были замечены, как наиболее активные, крестьяне Пихтарь и Еценюк и проживавшие в м. Семеновке Залман Зисман и Будовский.

На 29 дек. 1905 г. был назначен сельский сход в Семеновке. На сход явилась масса народу. Образовалась многотысячная толпа; там были не только мужчины, но и женщины и подростки.

Когда к толпе подошли «молодые крестьяне, называвшиеся социал-демократами», сход превратился в митинг. Пришедшие, в числе 6—7 человек, встали среди толпы на возвышение и начали говорить речи о свободе слова, союзов, собраний, неприкосновенности личности,—о том, что начальство не соблюдает манифеста 17 октября, зря производит аресты и что «со всем этим нужно бороться».

На речи агитаторов толпа отвечала возгласами: «согласны», «согласны». Ораторами выступали крестьяне Семеновки—Барсуков, Павлик и Кезик; их «соучастниками» были: крестьяне Нерущ, Якименко, Сенько и Приходько.

Еще до начала схода волостной старшина получил сведения, что на сход явится «партия молодых местных жителей социал-демократов». Ввиду этого старшина обратился к полицейскому надзирателю с просьбой «принять меры предосторожности», что, конечно, было исполнено: к зданию волостного правления, где на площади происходил сход-митинг, был послан взвод 5-й роты Одесского полка. Увидя военную силу, собравшиеся стали расходиться. Ораторы скрылись.

7 января 1906 г. вечером на базарной площади м. Семеновки собралось огромное количество народа (до 500—600 человек). Появились красные и черные флаги. На красном была надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Долой самодержавие! Да здравствует социализм!», на черном—«Слава погибшим героям, смерть убийцам!»

«Главарь толпы» Федор Мотора, стоя на возвышенном месте, держал к народу такую речь: «Год тому назад бедные рабочие ходили к царю просить пищи и одежды... Царь на просьбу ответил пулями и саблями». Говорил Мотора также «о нуждах и тяжести жизни на Руси, и что тяжесть зависит от людей, окружающих царя».

Флаги были подняты вверх. Раздались революционные песни, крики «ура» и т. п. Полицией были замечены «главные зачинщики».

9 января в Семеновке на площади снова собралась еще большая толпа. Были выкинуты красные и черные флаги; говорили речи. Оратором снова выступал Мотора.

Но вот выделилась группа зрителей, очевидно, черносотенного направления и с криком—«тю...тю...» бросилась на манифестантов и разорвала флаги. Манифестанты, ответив выстрелами и отбиваясь от нападения, разошлись.

В связи с событиями 29 декабря, 7 и 9 января, в марте месяце были произведены аресты. В числе арестованных был и Мотора. Некоторые агитаторы скрылись. Впоследствии были арестованы и посажены в волостное правление еще шесть человек.

Это было в 6 час. утра. А в 11 часов к волостному правлению, с целью освобождения арестованных, подошла толпа. Одни были вооружены револьверами и ружьями, а другие—кольями.

Произошло столкновение. Два стражника были ранены; остальные четверо, вместе с полицейским надзирателем и урядником, были толпой разогнаны, при чем у одного стражника была отобрана толпой винтовка. Арестованные были толпой освобождены. Но впоследствии снова были произведены аресты.

Дознанием было установлено 20 «виновных» в нападении на полицию. Установлено было также, что выстрелы из револьверов и ружей были произведены братьями Лугинцами, Дмитрием Ряна и двумя женщинами и что винтовка была отнята у стражника Слуцким. Некоторым удалось скрыться.

17 марта 1906 г. в м. Семеновку прибыл для карательной экспедиции Рудов.

18 утром согнан был сход «для выслушания разъяснений и требования» главы карательной экспедиции. Собралось более тысячи душ.

В своем донесении об этом «происшествии» в департамент полиции Рудов пишет, что на сходе его «приветствовали хлебом-солью и иконою». Как было на самом деле, данных на этот счет в архивных делах не имеется никаких.

Нужно добавить, что еще до схода, т.-е. 17 марта, Рудов распорядился арестовать «виновных» в нападении на стражу с целью освобождения арестованных. И, действительно, в ночь на 18 марта было задержано 18 человек, и в том числе двое из освобожденных толпой; остальные не были разысканы; не была также найдена и отобранная у стражников винтовка.

На упомянутом сходе 18 марта начались рудовские «усовещания». В ответ на требование Рудова «передать, от имени сельского общества», в распоряжение властей «порочных членов, производящих смуту», из толпы выделилось «несколько крестьян»

и подали Рудову «проект приговора сельского общества о передаче в распоряжение правительства 80-ти крестьян, производящих смуту», и о том, что «общество», в ожидании прибытия Рудова, «обсудило этот вопрос и пришло к твердому убеждению о вредности некоторых членов, коих и внесло в проектированный список».

В своих донесениях по этому поводу Рудов говорит, что «большинство схода искренно плакало, заявляя, что только изъятие смутьянов внесет в их среду спокойствие, и просили предложить собранному сходу подписать составленный приговор».

Но вот что мы находим далее в жандармских делах: из толпы выделилось «несколько человек» и преподнесли «проект приговора». Почему только «проект приговора», а не подписанный уже всем обществом приговор? Да очень просто почему: «проект приговора» был сфабрикован только «несколькими», по словам самого же Рудова, членами общества; но так как нельзя было надеяться на то, чтобы этот «проект приговора» был подписан на сходе при обычных нормальных условиях, то вот и нужно было прибегнуть к «воздействию» Рудова на все крестьянское общество на предмет подписания заранее составленного «приговора».

«Приговор», конечно, был подписан... Но это был такой же «подлинный» приговор, как «подлинны» были воздвигавшиеся Потемкиным деревни, когда «ее величество Екатерина II» проезжала через Новороссию...

В результате—указанные в приговоре 80 крестьян, на основании положения об усиленной охране, были арестованы.

Дальше имела место еще более наглая потемкинщина: по поручению, будто бы, сельского схода снова «несколько крестьян» просили разрешить им «помолиться о здравии» царя за «дарованные им величайшие милости». Было устроено «торжественное молебствие».

И опять Рудов донес в Петербург, что «все без исключения жители усердно молились о благоденствии» царя и благодарили Рудова за «избавление местного населения от мятежников».

Свое донесение в департамент полиции Рудов заключил заявлением, что он «может удостоверить, что теперь спокойствие водворено в Семеновке, а по выполнении приговора, поставленного сходом, оно не будет уже долго нарушено». Однако же, «по просьбе жителей Семеновки», он распорядился оставить «на некоторое время» полусотню донских казаков...

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава I. Введение	5
Глава II. Аграрные волнения до 1905 года	11
Глава III. Аграрное движение в 1905 году	22
Глава IV. Крестьянское движение в Черниговской губ. после 17 октября 1905 г.	62
Глава V. „Всепопданнейший“ отчет генерала Дубасова Николаю II о крестьянских беспорядках в Черниговской губ.	142
Глава VI. Аграрное движение в 1906 г. в Черниговской губ.	148
Глава VII. Заключение	185
